

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования**

**«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н.А. ДОБРОЛЮБОВА»**

Т.В. РОМАНОВА

**ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ.
ЯЗЫК. ДИСКУРС. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ**

монография

Нижний Новгород

2011

Печатается по решению редакционно-издательского совета

ГОУ ВПО НГЛУ

УДК 811.161.1'42:159.9

ББК 81.411.2-7в6

Р 693

Романова Т.В. **Человек и время.** Язык. Дискурс. Языковая личность: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2011. – 248с.

В монографии обосновывается методология исследования типологических характеристик языковой личности. На примере художественно-публицистического дискурса проведен анализ русской языковой личности в категориях онтологии (бытия), аксиологии (ценности), модуса (оценки), знания и познания (когнитивистики).

ISBN 978-5-85839-226-2

Рецензенты: Т.Б. Радбиль, доктор филологических наук, профессор

Нижегородского государственного университета

им. Н.И. Лобачевского

Т.Н. Синеокова, доктор филологических наук, профессор

Нижегородского государственного лингвистического

университета им. Н.А.Добролюбова

©Романова Т.В., 2011

©ГОУ ВПО НГЛУ, 2011

ISBN 978-5-85839-226-2

Введение

Языковая (коммуникативная) личность (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, С.А. Сухих, Л.Н. Чурилина и др.) и дискурс являются объектами междисциплинарных исследований, а язык, языковые процессы, изменение, развитие языка – предметом исследования лингвистики. Соотнесение языка и человека как языковой личности с категориями бытия (времени и пространства), а следовательно, с различными типами дискурса, является актуальной насущной общенаучной задачей, которую может решить только лингвистика, объединяющая как объекты своего исследования дискурс, языковую личность и язык.

Изучение языка «не в самом себе и для себя», а «в человеке и для человека», обоснованное в парадигмах антропоцентрических, когнитивных исследований (Е.С. Кубрякова, Н.Н.Болдырев и др.), на сегодняшний день предполагает разработку «новых методов и приемов анализа простых и сложных структур знаний» (Н.Болдырев) и их языковых репрезентаций, а именно: выявления форм представления и принципов организации знания на языковых уровнях в различных типах дискурса и разными типами языковой личности, специфики процессов концептуализации и категоризации в зависимости от типа языкового сознания (типа языковой личности) в различных типах дискурса, в частности в художественно-публицистическом. На сегодняшний день представляется важным при опоре на методологические принципы антропоцентрического анализа языка и когнитивную теоретическую модель описания языковых явлений в новой социолингвистической обстановке произвести мониторинговый анализ современных тенденций развития языка и языковой личности, выявить и систематизировать основные экстралингвистические и собственно лингвистические закономерности формирования дискурсивных вариантов русскоязычного коммуникативного пространства и полифункциональной, полидискурсивной языковой личности.

Глава I. Человек и время

1.1 Мемуары. Исповедь. Исповедальная проза

Под исповедальной прозой мы имеем в виду мемуарную исповедальную публицистику, причем на первый план выходит не мемуарная составляющая, а именно **исповедальная**. Мемуары определяются как «произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания авторов об их прошлом» [Дынник 1934:131] (от франц. *mémoire* - память, воспоминание), «художественная автобиография в узком смысле, рассказ о личной судьбе писателя, о спутниках его жизни, о событиях, свидетелем которых он был, в конечном счете - о судьбах эпохи, современником которой довелось быть писателю» [Тимофеев, Тураев 1978:86].

Субъективное начало является в мемуарах (особенно исповедального характера) доминирующим, при жанровом разделении этой литературы. К разновидностям автобиографической литературы относят «книги подведения итогов», «книги о детстве», «автобиографические мемуарные книги», «эссеистическую прозу» [Григорова 1986]. В качестве основного критерия классификации мемуарной литературы Н. Бельчиков [1934:132-134] избрал эволюцию жанровых форм (от более простых к сложным) и выделил дневники, записки, биографические и автобиографические, к которым отнес и форму исповеди (та же классификация у [Колядич 1998]). Исследователи и авторы указывают на возможный контаминационный характер произведений мемуарного жанра.

Структурные особенности не позволяют отнести к мемуарам так называемые мысли о творчестве, но по повествовательной манере, установке на разговор с читателем подобные произведения близки к мемуарам. В них также главным является выражение *я* повествователя, его

размышлений. Налицо межжанровый синтез, в одном произведении могут быть соединены, в частности, элементы романной формы и публицистического сочинения, дневникового и хроникального стиля, лирического и эпического. Так, контаминационный характер дневников, состоящих из биографических сведений, портретных зарисовок, критических эссе, комментариев к событиям общественной и культурной жизни, обусловил появление уже в XIX веке нового жанрового образования - «дневника писателя».

Таким образом, мемуары определяются как сложная структура, перерастающая рамки одного жанра. В данном случае принято говорить о понятии **метажанра**.

Исследователи выявляют два основных типа дневниковых записей: «... если интерес человека заключен в нем самом, его дневник будет или хроникой личной жизни, или, при интересе главным образом к внутренней работе духа, - *интимной исповедью* (курсив наш. - Т.Р.). При менее эксцентрическом складе личности, в дневнике более или менее широко отразится жизнь других людей, окружающий мир, личная жизнь отойдет на второй план и дневник даст нечто вроде повседневных мемуаров современника или собственной личности. Разумеется, редкий дневник представляет собой какой-либо из этих типов в чистом виде, но преобладание тех или иных черт остается» [Короленко 1922:5].

Усилившийся в период «оттепели» интерес к личности можно считать поворотным моментом в развитии мемуаристики XX в. В мемуаристике конца XX века обнаруживаются новые тенденции в сравнении, например, с мемуарами начала века. Не показывается саморазвитие, как в классической автобиографической прозе; подчас отсутствует оценка себя тогдашнего с нынешней позиции. Часто на первый план выносятся **не анализ, а демонстрация** [Милевская, 2000а:68]. Такую открытость нельзя расценивать как реализацию

принципиального для мемуаров стремления к достоверности, к максимально полному самовыражению и самопознанию, поскольку сам автор утверждает: *«... все, что я пишу о себе, - это то, что я хочу, чтобы вы про меня знали. Это возвышающий меня и вас обман»* (Кончаловский, Возвышающий обман, 8). Как пишет Т.Е. Милевская, произведение мемуариста конца века можно назвать **биографией карьеры** [Милевская 2000а:68]: см. «Суперпрофессию» М. Захарова, «Актерскую книгу» М. Козакова, «Из жизни сумасшедшего антрепренера. Театральный роман» Р. Фурманова, «Прощай, БДТ! (Из жизни театрального отщепенца)» В. Рецептера, «Быть!» И. Смоктуновского, «Записки актрисы» Н. Мордюковой, «Дневник актрисы» Т. Дорониной и др. Иногда в такой книге нет ничего в строгом смысле мемуарного (например, у А. Розенбаума в «Бультерьере»), но есть исповедь: *... все, что происходит с нами, не зря. Ведь люди нашего ремесла рассматривают собственную жизнь всего лишь как материал для чего-то более существенного, в этом их всегдашнее утешение, надежда и вера, - авось пригодится! Другое дело, как у кого запишется <...> Что вышло у меня, - не знаю. Писал, ничего не сочиняя, лишь записывая за собой, откровенно, от первого лица, делая вторых лиц - реальных живых людей — невольными участниками моего нескромного повествования. Что ж, появился такой "бесстыдный" жанр и утвердился в литературе второй половины двадцатого столетия...* (Козаков, 312).

В литературе нашего времени есть и автобиографическая проза, написанная в традициях жанра мемуаров XIX века. Сюда мы относим, например, «Воспоминания» Д.С. Лихачева. Автор не ставит своей целью воскресить лишь события собственной жизни. Воссоздавая атмосферу прожитых лет и историю множества человеческих судеб, с которыми ему удалось соприкоснуться, Д.С.Лихачев восстанавливает вехи русской истории и истории русской культуры XX века. В этом же ключе написана

книга Е. Эткинда «Записки незаговорщика», в какой-то мере и «Актерская книга» М. Козакова.

Содержание термина «исповедальная литература» попытаемся определить через семантику слова *исповедь*. В словаре Д. Ушакова указано два значения. «1. В христианской церкви - покаяние в своих грехах перед священником; обряд отпущения священником грехов после опроса кающегося (*церк.*). 2. Искреннее и полное признание в чем-н., покаянное, откровенное изложение чего-н. (*книжн.*). Авторская исповедь...» [Толковый словарь русского языка... 1996:Т.1,1240].

Как писал М. Бахтин, идея исповеди - покаяние до конца и отпущение. «Изнутри моего покаяния отрицание всего себя, извне (Бог - другой) - восстановление и милость. Человек сам может только каяться, отпустить может только другой» [Бахтин 2000:83]. Исповедь есть специальная форма выражения души в словесном творчестве, «нравственный рефлекс над самим собой» [там же:135-136]. «Нравственный рефлекс не знает положительной данности, самоценной наличности, ибо с точки зрения заданности она всегда нечто дурное, недолжное; *мое* в переживании - дурная субъективность с точки зрения значимого предмета, на который направлено переживание; отсюда только в покаянных тонах может быть воспринята внутренняя данность в нравственном рефлексе себя самого, но покаянная реакция не создает цельного, эстетически значимого образа внутренней жизни...» [там же: 136-137]. По наблюдениям М.Бахтина, в дневниках побеждает то исповедальная (покаянная), то биографическая тенденция [там же: 171].

В словаре С.И. Ожегова первым дано следующее значение слова *исповедь*: «Откровенное признание в чем-н., сообщение своих мыслей, взглядов. Авторская и. ...» [Ожегов 1984:219]. В.И. Далем указаны еще и такие значения: «таинство покаяния», «искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел» [Даль 1995:Т.2,54]. Итак, в

определении содержания термина «исповедальная проза» для нас актуальны следующие семы: *'покаяние'* (в *своих* грехах); *'искренность'*; *'очищение'*, *'облегчение'* (отпущение грехов); *'откровенное'* изложение ч.-н.; *'признание'*; *'сообщение своих мыслей, взглядов'*; *'таинство'*; *'осознание'*, *'объяснение'* «убеждений своих, помыслов и дел».

Обратимся к описанию ассоциативного поля слова исповедь. Используем результаты ассоциативного эксперимента, в ходе которого было опрошено 30 студентов 4-го курса филологического факультета НГЛУ им. Добролюбова, а также данные, опубликованные во втором томе "Русского ассоциативного словаря" под редакцией Ю.Н. Караулова. Родной язык всех респондентов - русский. Слова-реакции на стимул расположены по мере убывания их частоты.

ИСПОВЕДЬ. Реакции: священник 6, церковь 6, грех 4, монолог 3, откровение 3, Руссо 2, искренность 2, молитва 2, религия 2, вера 2, доверие 2, раскаяние 2, признание 2, рассказ 2, Августина 2, Братья Карамазовы 2, праздник 1, Человек из подполья 1, исповедальня 1, тайна 1, друг 1, отпущение грехов 1, разговор наедине 1, правда 1, что-то сакральное 1, смерть 1, Библия 1, последняя 1, очищение души 1, святой 1, честность 1, освобождение 1, в храме 1, протопопа Аввакума 1, монах 1, религиозная 1, Раскольникова 1, преступника 1, таинство исповеди 1, грешника 1, поэтическая 1, покаяние 1, один на один 1, перерождение 1, жанр исповеди 1, преображение 1, по душам 1, письмо 1, учить 1, истинный 1, мыть 1, горячего сердца 1. Общее количество реакций на слово-стимул - 68, число различных реакций - 46, число отказов испытуемых - 0, число единичных реакций - 30.

Сведения из "Русского ассоциативного словаря" под редакцией Ю.Н. Караулова (том II от реакции к стимулу): **исповедь** - мыть, монолог, истинный, письмо, по душам, религия, учить. Общее число стимулов, вызвавших данную реакцию - 7, суммарное число

появления данной реакции на всем массиве стимула - 8.

1. Лексическое наполнение (морфолого-синтаксические и семантические связи слова-стимула и слова-реакции)

- Согласование: **исповедь - религиозная, поэтическая, последняя**

- Приименное управление: **исповедь-грешника, Руссо, Раскольникова, преступника, горячего сердца**

- Построение глагольных сочетаний: **исповедь - учить, мыть**

- Суффиксальные словообразовательные отношения: **исповедальня**

- Обстоятельственные: **исповедь - в храме**

- Наличие собственных имен: **исповедь- Руссо, протопопа Аввакума, Раскольникова, человека из подполья, Августина, Братья Карамазовы**

- Модели более двух слов: **исповедь-очищение души, отпущение грехов, разговор наедине, таинство исповеди, один на один, жанр исповеди, по душам**

- Лексемы, выражающие оценочную характеристику с положительной коннотацией: **исповедь- очищение души, освобождение, что-то сакральное, перерождение, преображение, откровение, праздник, покаяние**

2. Реализация полисемии

Для определения основных лексических значений рассматриваемого слова было использовано несколько толковых словарей русского языка, среди которых: "Словарь русского языка" С.И.Ожегова и "Толковый словарь русского языка" Д.Н.Ушакова.

Основное лексическое значение слова "исповедь" - **У христиан: признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и бога, церковное покаяние реализуется в следующих**

парах:

Исповедь-церковь, в храме, священник, монах, религия, религиозная, Библия, исповедальня, признание, грех, грешника, молитва, отпущение грехов, вера, смерть (исповедь перед смертью), последняя, что-то сакральное, учить, таинство.

Значение "**откровенное признание в чем-нибудь, рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах**" реализуется в ассоциациях:

Исповедь - доверие, друг, тайна, разговор наедине, искренность, правда, откровение, раскаяние, признание, честность, монолог, освобождение, рассказ, один на один, по душам

Значение "**исповедь как литературный жанр**" актуализируется в следующих ассоциациях:

Исповедь — "горячего сердца", поэтическая, Руссо, протопопы Аввакума, Августина, письмо, Раскольникова, человека из подполья, Братья Карамазовы, преступника, жанр исповеди.

Исповедь как «**последнее покаяние человека в своих грехах перед смертью**» реализуется в следующих ассоциациях: **Исповедь-смерть**, последняя

Лексические значения слова *исповедник* реализуются в следующих ассоциациях:

- **Исповедник-** священник, принимающий исповедь: **священник, монах**

- **Исповедник-** тот, кто пришел на исповедь: **исповедь грешника, преступника, Раскольникова, человека из подполья**

- **Исповедник-** святой, подвергшийся при жизни преследованиям за проповедь христианства, но умерший не мученической смертью: **святой**

3. Общие системные знания

Синонимические связи между словом-стимулом и словом-

реакцией проявляются в следующих парах: **исповедь- таинство, исповедь-признание, исповедь- покаяние.**

На уровне ассоциаций на слово "исповедь" также встречаются синонимы и слова-дериваты:

Священник-монах	Тайна-таинство
Искренность-честность	Религия - религиозный
Перерождение-преображение	Доверие-вера
Откровение-признание	Грех-грешник
Покаяние-раскаяние	Исповедь-исповедальня
Разговор наедине - один на один	
Религия-вера - Церковь - в храме	

4. Апелляция к прецедентным феноменам

- Прецедентный текст: Библия, "Братья Карамазовы" (и соотнесенная с этим текстом "исповедь горячего сердца"), "Человек из подполья", "Исповедь" Ж.Ж.Руссо, "Исповедь протопопа Аввакума", "Исповедь" Августина, "Преступление и наказание" (ассоциация-исповедь Раскольникова)

- Прецедентная ситуация: исповедь-праздник (души)

5. Логический аспект

- Исповедь как одно из таинств церкви: отпущение грехов, очищение души, освобождение (от грехов), раскаяние, признание, покаяние

- Исповедь как то, что являет своим результатом: освобождение, очищение души, перерождение, преобразование

- Исповедь как процесс: разговор наедине, в храме, один на один, по душам

- Исповедь как литературное творчество: письмо, рассказ

- Исповедь, как художественное произведение: "Исповедь"

Ж.Ж.Руссо, "Исповедь протопопы Аввакума", "Исповедь" Августина

На основе данного анализа можно сделать вывод, что наибольшее количество ассоциаций соотносится с основным значением слова, то есть реакция на слово-стимул в основном образуется из привычного понимания и толкования данного понятия («исповедь как религиозное таинство»). Единичные реакции связаны со сферой деятельности респондентов, а именно с изучением мировой и русской литературы. Что касается результатов, представленных в "Русском ассоциативном словаре", то стоит отметить тот факт, что слово *исповедь*, явившееся реакцией на представленные стимулы, в большей степени соотносится в сознании респондентов с таким значением этого слова, как "откровенное признание в чем-нибудь, рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах".

Книга-исповедь - откровенно и сознательно эгоцентрична. «Но главное в книге - <...> самопознание, познание собственного духа и духовных исканий», автора интересует «не столько характеристика среды, сколько характеристика своих реакций на среду <...> Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек - микрокосм и заключает в себе все» [Бердяев 1991: 8-14]. Если книги в жанре дневника, воспоминаний, автобиографий и др. направлены на то, чтобы запечатлеть бывшее, то в книге исповедального жанра рассказ о жизни автора в хронологическом порядке не является главным. Если это и можно назвать автобиографией, то в какой-то мере автобиографией философской, историей духа и самосознания¹ [Бердяев 1991: 7].

Указанная специфика и цель осознаются и не скрываются авторами:

Я надеюсь, что в числе ее [книги – Т.Р.] достоинств будут предельная

¹ Семиотический образ зеркала: смотреть в себя, на себя.

*искренность, откровенности **непредвзятость** в описании отдельных событий и личностей. Но при этом она есть не проповедь и не исповедь, в какой-то степени самопознание, попытка объяснить себя себе и себя другим, и других себе, В ней я собираюсь выйти на люди со всеми своими воспоминаниями, наблюдениями, переживаниями, замыслами, идеями, сюжетами, соображениями по поводу и без повода, фразами, пришедшими на ум просто так* (Войнович, № 10, 8).

«Толковый словарь русского языка конца XX века» дает справку об актуализации употребления слова *исповедь* в современной речи [«Толковый ...» 1998:278]. В «Большом толковом словаре русского языка» [1998:401] дано словосочетание *исповедальный жанр* (о художественных произведениях *в духе исповеди автора*) - «такой, как на исповеди; откровенный, искренний». В нашем употреблении *исповедальный* не жанровая характеристика, а содержательная. Личный жизненный опыт, личные переживания, исповедальность несут в себе произведения разных жанров: и автобиографии, и дневники, и автобиографическая художественная литература, и путевые заметки, очерки, психологические зарисовки, и записные книжки, автобиографические портреты, и воспоминания и т.д. Кроме того, мы остановились на *исповедальной публицистике* (исключили художественные произведения, сущностью которых является моделирование художественного образа, вымысел), при этом понимая, что «подлинные автобиографии написаны с разной долей вымысла, а за вымышленными («исповедями») чаще всего просматривается судьба - именно судьба, а не просто факты жизни - их создателя» [Шрейдер 1971:23]. Итак, исповедальная проза -это прежде всего проза с обнаженным концептуальным началом, «форма выражения абсолютного в индивидуальном» [«Литературные манифесты романтиков» 1980:99], где «духовное и нравственное становление человека, а заодно и окружающий его мир передавались в субъективной окраске, в осмыслении

индивидуального сознания» [Чавчанидзе 1983:72]. В исповедальных текстах представлены идеологические и аксиологические ориентиры автора, предлагается большое количество средств выражения субъективной модальности и использование открытых (явных) способов экспликации своей позиции. Термин «исповедальная проза» представляется нам предпочтительным, т.к. не всегда в ней превалируют мемуарные тенденции, главная цель - осмыслить себя.

Автор отбирает то, в чем исповедуется, отбирает то, «что желает сохранить» [Бродский 1999:11]. Истинность имеет статус «чего-то не абсолютного, а конкретно существующего здесь - сейчас - для себя <...>, правды собственного сознания» [Курицын 1996:184]. Субъективность - доминирующее свойство мемуарной исповеди.

В публицистическом стиле производитель речи совпадает с ее субъектом. И в этом - принципиальное отличие публицистики от художественной речи, главная ее особенность, причина ее воздействия, силы и выразительности.

«В отличие же от разговорной речи, где также наблюдается совпадение производителя речи и ее субъекта, я публициста облекается социальными, этическими, идеологическими смыслами. Субъект публицистической речи - это всегда представитель той или иной социальной группы, прямо и нередко открыто, пристрастно, эмоционально высказывающий свои убеждения, взгляды, мнения <...> высказывание дается от лица конкретной личности, что делает речь документальной, подлинной, непосредственной (ср. с условностью художественной речи). В сопоставлении с разговорной речью структура авторского я (субъекта) в публицистике более сложна, включает в себя не только индивидуальные, но и социальные грани личности. Речевая ткань публицистики насыщена проявлениями общей модальности, которые играют здесь значительную роль.

Отношение к действительности - субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями» [Солганик 1999:371].

Образ автора в исповеди приобретает большую значимость. Отличительной особенностью этого образа является его двоякая функция в произведении. С одной стороны, неотъемлемой принадлежностью сюжета становится автор биографический, с другой - в свои права вступает автор-художник, обнаруживающий себя в системе литературных приемов и средств: в отборе фактов, в комментариях и оценках, в способах изображения людей и событий.

Субъективное не может быть истинным. Оппозиция истинность /ложность для исповедального текста, как и для художественного, но по другой причине, нерелевантна. **Во-первых**, потому что авторская модальность отражает взгляды конкретного человека, его понимание истины, это может и не соответствовать объективному положению дел. «Из того, что мне - или всем -кажется, что это не так, не следует, что это так и есть» [Витгенштейн 1994:17]. Под лингвистической достоверностью понимается «рациональная оценка содержания высказывания, осуществляемая говорящим в соответствии с полнотой его знаний о событиях, вербализованных в высказывании» [Павловская 2000:76].

Во-вторых, сам жанр исповеди требует «беспощадной искренности», на которую способен не каждый человек. *«Открыться перед богом легче, чем перед людьми. Нужно бесстрашие, чтобы предстать перед всеми и перед собой со своими слабостями, пороками, пустотой <...> Друкер прав - рассматривать себя пристально и беспощадно (полужирный наш. - Т.Р.) умели разве что такие люди, как Жан-Жак Руссо и Лев Толстой» (Гранин, 235).* Русская пословица «Не любо — не

слушай, а врать не мешай» вполне выражает суть неискренности в исповедальной прозе.¹ Таким образом, в исповеди нарушаются канонические законы жанра. В связи с этим возникают вопросы: что скрывается, что есть истина, можно ли ее установить?

В-третьих, классические мемуарные тексты «создаются в результате фиксации данных памяти, и ключевым модальным оператором этих текстов является оператор *я помню, что (как)*. Поскольку глагол *помнить* относится к категории фактивных предикатов, а его пропозиция имеет значение истинности, сообщаемое в мемуарном тексте способно осмысляться как фактическое, а сами мемуары рассматриваются как документы, из которых можно почерпнуть разнообразные сведения. Такой подход к мемуарному тексту отражает модель восприятия, которая заложена самой природой текстов этого типа. Именно по параметру достоверности они противостоят текстам, в создании которых участвует вымысел, - художественным и фольклорным, а благодаря "фактажу", содержащемуся в них, они смыкаются с текстами справочно-информирующего типа» [Радзиевская 1992а:48-49]. Но как только в текстовом пространстве оказываются модальные операторы *я думаю, я знаю, я считаю...*, фактор достоверности уже не актуален, актуальна самопрезентация личности, ее отношение к излагаемому. Именно к излагаемому, а не к изображаемому, т.к. для исповедальной прозы (современной в особенности) характерно ментальное, аналитическое восприятие действительности, а не сенсорное. Причем это восприятие часто иррационально, т.е. интуитивно, эмоционально. Иррациональность отмечают в числе основных черт русской концептуальной картины мира [Вежбицкая 1997].

Как указывает У.Л. Чейф, «восприятие является

¹ «<...> чего-чего, а врать-то режиссеры все умеют. Из того, что я написал, почти все вранье» (Захаров, 111).

интерпретирующим». «... то, что поступает в сознание, не является точной копией стимула, но есть его *интерпретация* <...> То, что находится в сознании, является своего рода убеждением относительно того, что находится во внешнем мире. Это убеждение связано, безусловно, с тем, что предоставлено в распоряжение органов чувств, но оно подвергается и сильному воздействию контекста ситуации, а также культурной и индивидуальной предрасположенности» (Чейф 2001:4-5). Кроме того, часть информации, находящейся в сознании, может поступить в блок под названием «память» (происходит «накопление информации»). «...содержимое сознания" является знанием, которое активизируется, или "высвечивается", в любой момент времени, а содержимое памяти не активно, не "высвечено" в данный момент, но все же некоторым образом "присутствует" в уме

<...> ко всему содержащемуся в памяти применимы дальнейшие процессы интерпретации. Интерпретация происходит не только во время восприятия; она имеет место также в то время, когда мы говорим» (оценка того, что извлекается из памяти с точки зрения момента речи. - Т. Р.) [там же: 5-6, 8].

Категория оценки в большей или меньшей степени присуща всем текстам, но в одних она завуалирована, выражена подтекстом, имплицитными средствами, в других же выражена эксплицитно (в исповеди).

Очевидно, что для коммуникации посредством исповеди наличие признака «экспрессивность» обязательно, т.к. он обусловлен особой коммуникативной задачей - обеспечить максимальное воздействие. Экспрессивность выражает внутреннее состояние автора, переданное в моменты повышенного эмоционального накала, и, на наш взгляд, служит даже для облегчения его эмоционально-психологического состояния.

Проиллюстрируем вышесказанное анализом заголовочного знака-

концепта книги А.А. Зиновьева **«Исповедь отщепенца»**.¹

Понятие "исповедь", являющееся главным словом заголовочного словосочетания, мотивирует не только жанр и стиль повествования (исповедальная проза), но и семантическую наполненность всего текста за счет зависимого элемента, определяющего субъект исповеди как "отщепенца". Отщепенец как «человек, отколовшийся от своей общественной среды» [Ожегов 1984: 416] подразумевает некую оппозицию "отщепенец - остальной мир". В контексте данного рассуждения не случайным является выстраивание всего текста по принципу антитезы, в том числе и определение автором жанра исповеди с помощью отрицательных конструкций:

"От других форм она отличается тем, что главным предметом внимания являются не приключения автора, а его размышления и переживания, и не хроникальное описание отдельных событий, а анализ потока жизни, в который был вовлечен автор";

"Исповедь не есть автобиография, написанная для каких-то официальных и справочных целей";

"Исповедь есть признание и покаяние, но не месть"

В лексико-семантическое поле (ЛСП) понятия "исповедь" входят следующие лексические единицы: *размышления, переживания, анализ потока жизни, священная тайна, обет молчания, грешник, мелкие грехи,*

¹ Александр Александрович Зиновьев - философ, ученый с мировым именем - после публикации в 1976 году на Западе своего романа «Зияющие высоты» в одночасье стал и знаменитым на весь мир писателем. Правда, за эту публикацию его выдворили из СССР и лишили советского гражданства. Годы жизни на Западе лишь упрочили его славу ученого и писателя: Зиновьев - лауреат престижных литературных премий, почетный член ряда зарубежных академий... В 1990 году ему было возвращено гражданство, а в 1999-м ученый вернулся на постоянное жительство в Россию. «Исповедь отщепенца» - не только рассказ об удивительной судьбе человека, жизнь которого была исполнена драматических, порой невероятных приключений – это еще философский и социологический анализ нескольких десятилетий советской истории. И самое интересное - эволюция взглядов автора: некогда взыскательный критик социализма, Зиновьев перешел к не менее резкой критике либеральных идей. Его называли «отщепенцем» в СССР. Называя себя "вечным одиночкой" и "идеальным коммунистом", Зиновьев не боится в своих суждениях идти вразрез с устоявшимся общественным мнением и пристрастно отстаивать свою точку зрения. Похоже, и в среде тех, кто называет себя «новой российской элитой» ему не избавиться от этого ярлыка...» (Зиновьев,3)

греховность жизни, признание, покаяние, анализ прошлого, искренние намерения, собственное понимание деятельности.

Анализируя данный лексико-семантический ряд, можно сделать вывод о том, что полисемия слова исповедь в данном тексте реализуется в трех значениях:

- Основное лексическое значение слова исповедь- **«У христиан: признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и бога, церковное покаяние»** реализуется в следующих парах: *священная тайна, обет молчания, грешник, мелкие грехи, греховность жизни, признание, покаяние.*

- Значение **«откровенное признание в чем-нибудь, рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах»** реализуется в лексических единицах: *размышления, переживания, анализ потока жизни, признание, анализ прошлого, искренние намерения, собственное понимание деятельности*

- Значение **«исповедь как литературный жанр»** актуализируется в следующих лексических единицах: *анализ потока жизни*, в который был вовлечен автор, не есть автобиография, форма мемуаров.

Таким образом, семантическое наполнение слова исповедь в рассматриваемом тексте можно определить словами А.Д.Степанова, который в своей работе, посвященной А.П. Чехову, так определяет цель литературной исповеди: "Литературная исповедь адресована граду и миру, и потому всегда перетекает в проповедь. Ее цель двоякая: во-первых, рассказать о своих грехах и заблуждениях в прошлом, а во-вторых, объявить о том, что автор познал истину, что он хочет поделиться с читателем своим новым пониманием добра и зла и наставить его на верный путь» [Степанов 2005:46]. Стоит заметить, что исповедь, как некий вид взаимодействия, общения, подразумевает наличие субъекта и

адресата. В рассматриваемом тексте в роли исповедующегося -автор, позиционирующий себя как "отщепенца", а в роли адресата - читатель.

Слово *отщепенец* можно считать ключевым в данном тексте, культурно специфической единицей. Содержание ключевого слова для всего текста раскрывается в использовании определенного набора лексико-семантических и лексико-грамматических средств, которые объединены общей семой – ‘изгой, отверженный’:

Я готов признать нормальным мое социальное окружение, а себя -отклонением от нормы.

избирал другой путь, на который не претендовал никто
изоляция отщепенца, изгнание из коллектива
процесс отторжения
чинили препятствия
индивидуализм
психологическая и идейная пропасть между мной и
окружающими
отторжение от нормального общества
ограничительные и затем карательные меры
полный ostracism
путь открытого бунта
процесс выталкивания в отщепенцы
роль человека, противостоящего коллективу и всему обществу
называли врагом народа
моим главным контрагентом была социальная система моей
страны

Благодаря использованию данных языковых средств, актуализируется противопоставление автором себя всему остальному обществу через оппозицию / норма-отклонение от нормы. Таким образом, можно говорить о том, что экстенционал понятия

«отщепенец» соотносится в первую очередь с самим автором. Но в одноименной главе А.Зиновьев обобщает данное понятие и применяет его уже не только к своей жизни, но и к жизни всех отщепенцев эпохи. Следовательно, целесообразно отнести к экстенсионалу данного понятия и так называемых диссидентов (А. Галич, Г. Вадимов, А. Солженицын, В. Войнович, Г. Померанц, Б. Шрагин и др.).

Данное предположение подтверждается и интервью, которое А. Зиновьев дал одной из радиостанций: *"Отщепенец - явление в коммунистическом обществе в высшей степени интересное. Это - не диссидент, во всяком случае - не обязательно диссидент. Чаще всего отщепенцу не удастся дорасти до диссидентства. Это - член коллектива, по тем или иным причинам противопоставивший себя коллективу. Например, по какому-то важному вопросу он высказывает мнение, не согласующееся с мнением коллектива, и упорствует в этом. Рядовой отщепенец не имеет солидного официального положения, известности, связей с иностранцами, высоких покровителей-родственников и других средств самозащиты. Он абсолютно незащищен перед властью коллектива. А так как коллектив, отчаявшись сломить его своими силами, выталкивает его из себя, то он становится игрушкой в руках органов государственной безопасности, милиции, местных властей. С отщепенцами общество расправляется обычно без всяких сенсаций, незаметно для посторонних <...> Отщепенцу некуда скрыться не только в смысле работы, но и в смысле своей бытовой и духовной жизни. Его преследуют все - родные, друзья, случайные сослуживцы."*

Лексическое значение слова обычно представляет собой совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом денотатов. Эти признаки организованы в структуру определенными зависимостями, отражающими структуру денотата. В

совокупном содержании лексического значения различаются две части: содержательное ядро лексического значения, или его интенционал, и периферия семантических признаков, окружающих ядро, его импликационал (Никитин 1983) Интенционал понятия состоит из гиперсемы и гипосемы. Интенционал слова «отщепенец» имеет гиперсеми «человек, член коллектива» и гипосемы – «лишенный»; «отторгнутый всеми», «изгой, отверженный».

Импликационал данного знака выявляется следующим образом.

Жесткий импликационал: «изгнание», «лишенность», «индивидуализм».

Высоко вероятностный: «одиночество», «непонимание», «бунт»

Мало вероятностный: «счастье», «смирение»

Отрицательный: «понимание», «поощрение», «приятие», «отождествление»

Прагматический компонент знака складывается из следующих сем:

Оценочные семы: «враг народа», «отторгнутый», «отклонение от нормы», «негативное явление».

Семы-отношения: «гордость», «мечь», «зло», «не очень-то приятно», «оскорбление», «недоверие», «насмешка».

Эмоциональные семы: «эпидемия разоблачительства», «предательство», «неизбежность» (*И мог бы удержаться, а года через три-четыре мог бы "всплыть" снова. Но во мне уже созрели предпосылки для нового бунта; Я видел, что остановить эту кампанию было невозможно, так как она поощрялась свыше*).

Рассматриваемое слово актуализируется не только благодаря тому, что находится в сильных семантических позициях - заголовке книги и заголовке одноименной главы, но и потому, что частотно употреблено в тексте и имеет высокую валентную способность.

В "Исповеди" ярко прослеживается противопоставление отщепенца

(в лице автора) и окружающих его людей ("знакомых, коллег, сослуживцев, бывших друзей и официальных лиц"). Используя тактику обобщения, автор противопоставляет не только себя, но и всех диссидентов эпохи окружающему миру, которых их отторгает, 'выталкивает'.

Приведем пример структурирования исповедального текста посредством заголовочной метафоры. Рассмотрим текст книги актера Л.К. Дурова «Грешные записки».

Доминирующей метафорой в данном тексте является метафора *грешные записки*, которая основана на национально-культурном стереотипе греха. Эта метафора является структурно- и смыслообразующей, так как равномерно распределяется по всему тексту и помогает читателю осмыслить основной мотив произведения: мотив греха и исповеди. Она используется в сильных позициях текста: в заголовке, на ней построены первая и последняя главы. Кроме того, эта метафора развернута, то есть, представлена детализированными фреймами и слотами, а также фрейм-сценарием.

Метафора является оценочной: она не имеет реальной референции (связи с предметом действительности), формируется благодаря смешению образа исповедального письма и негативной оценки его содержания.

Толковый словарь С.Ю.Ожегова дает несколько значений прилагательного *грешный*:

- 1) у верующих - имеющий много грехов, исполненный греха (*грешный человек, грешный помысел*);
- 2) выражающий понятие своей неправоты (*виноват, грешный*);
- 3) нехорошо, стыдно (обманывать - *грешно*) [Ожегов 1984: 125].

Исходной понятийной сферой для данной метафоры является религия (следовательно, метафора является социоморфной), сферой-реципиентом — определение литературного жанра. Слово *записки* в

данном контексте имеет значение «помыслы».

Метафорическая модель соотносится с фреймом «греховный» - нарушающий религиозные предписания и правила. Этот фрейм реализуется в типовых слотах: предосудительный поступок, грешный человек, грешные мысли, грехи прошлого, грехи молодости, брать грехи на душу. Фрейм «грех / греховный» включает подфрейм «покаяние», который содержит слоты: исповедь, осознание, покаяться в грехах, вспоминать о грехах прошлого.

Данная метафора разворачивается в тексте в соответствии с фрейм-сценарием.

*«Аще где в книге сей **грубостию** моей пропись или **небрежением** написано, **молю** вас: **не зазрите моему окаянству, не клените, но поправьте, писал бо не ангел божий, но человек грешен и зело исполнен неведения**»; «Я негодяй, но вас предупреждали!» - в первой главе. А также в последней: «А я, завершая книгу, могу только напомнить о том, я чего и начал: **не зазрите моему окаянству... писал бо не ангел божий, а человек грешен... На то они и «Грешные записки**»; «**Ах, окаянство!**», «Ужо будет мне! Да нет, не будет. **Простят**»; «**И уповаю лишь на...**» (Дуров 35). Данный сценарий реализуется на протяжении всего текста: «**лукавый ввел меня в соблазн**», неоднократно упоминается черт, как сила, толкающая на дурной, греховный поступок: «**куда вас черти занесли?**», «**а черт его знает**», «**ладно, черт с тобой**»; «**...рассказывал он, как американская воздушная армада за какой-нибудь час оставила от города один щебень: - Ад! Ад! - повторял он и хватался руками за голову**»; с другой стороны – противостоящая сила: «**Сейчас у меня в театре лежит солдатский немецкий ремень - кожаный. На нем пряжка с надписью: «Gott Mit uns» («С нами Бог»)**»; «**слава Богу**»; «**прогуливал безбожно**».*

Необходимо отметить, что метафора *грешные записки* введена не только для того, чтобы заявить об исповедальном характере произведения,

но и чтобы предупредить читателя, что, с нравственной и религиозной точек зрения, оно может быть неоднозначно оценено. Боясь оскорбить кого-либо, автор заранее просит прощения, оправдывает свою греховность незнанием, а также пытается вызвать у адресата сострадание и участие. Эта речевая интенция реализуется в метафоре *лежащих не бьют* («на Руси никогда лежащих не били»), которая поддерживает доминирующую метафору. В словаре С.Ожегова *лежащий* - «тот, который лежит, связанный с лежанием» [Ожегов 1984:275]. Лакофф относит такого рода метафоры к ориентационным (придающим понятию пространственную ориентацию): счастье есть верх (*я в приподнятом настроении*), грусть - низ (*я упал духом*). Таким образом, метафора *лежащий* имеет следующую фрейм-структуру. Вершинным узлом является «несчастье, бездеятельность», терминальным - «беззащитность, безвыходность» (несчастный человек, лежащий больной, под лежащий камень вода не течет, бездеятельный, пассивный, безвыходное положение). Сферой реципиентом для метафоры является физическое и эмоциональное состояние человека, сферой-донором - ориентация, положение предметов в пространстве. По степени развернутости - это метафора синтаксическая (реализуется в предложении); социоморфная; идентифицирующая (приводит к опредмечиванию абстрактного понятия «несчастный»).

Доминирующей метафорой является и метафора *окаянство* («*Вот так древнерусские книжники заранее оправдывались перед будущими читателями за свое «окаянство»*). Она является эмоционально-оценочной, социоморфной. Сфера-реципиент - религия, нравственность, сфера-донор - оценка поведения человека. Фрейм-структура включает в себя понятия «грех, проступок», вершинным узлом является понятие «окаянный грешник», терминальным - «грех». Эта метафора повторяется несколько раз в начале произведения (в начале и в конце первой главы), а также в последней главе, что говорит о ее смыслообразующей роли.

В первой главе произведения, помимо метафор, реализующих религиозную тематику, встречаются и другие метафоры. Например, оппозиционная развернутая во фрейм-сценарии метафора *лавровый венок*: «*Совсем не собирался срывать с головы гения лавровый венок. Меня вполне устраивает собственный головной убор: он хотя бы не бросается прохожим в глаза*» (Дуров 17). Символ славы Дуров уподобляет обычному головному убору, который может быть заметным или незаметным, который можно носить, снимать, одевать, срывать. Это идентифицирующая метафора: она опредмечивает абстрактное понятие «слава», по сфере-донору является артефактной: абстрактное понятие уподобляется предмету, созданному человеком. Данная модель реализуется в следующих субфреймах: венчать, украшать лавровым венком, носить лавровый венок; типовым фреймом является понятие «срывать лавровый венок» в значении «лишать славы».

1.2. Дискурс. Гипертекст. Сверхтекст

Термин «дискурс» столь популярен, столь и малоопределен. Спектр употребления его весьма широк, понимание же его колеблется от вида речевой коммуникации, предполагающего рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (по Хабермасу 2000) до общения, характеризуемого как реализация определенных дискурсивных практик (по Фуко 1996), от социально или идеологически ограниченной совокупности текстов и правил текстопостроения до «совокупности тематически, культурно или каким-либо иным образом взаимосвязанных текстов, допускающей развитие и дополнение другими текстами» [Англо -русский словарь... 1996], от концепта до совокупности апелляций к ряду концептов [Слышкин 2001]¹, от почти синонимического

¹ Дискурс интерпретируется и как «язык как система репрезентации, которая развивалась в ходе

термина речь, поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфазовое единство, текст¹ до определенного типа ментальности, «текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, ЛЭС 1990:137], от вербализованного работающего сознания [Ревзина 1999] до сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на производство и восприятие речи [Ван Дейк 1989; Каримова 1991]. Отметим, что последнее понимание наиболее близко нам. Итак, под дискурсом мы понимаем вербализованную речемыслительную деятельность, включающую не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты. Текст мы считаем единицей дискурса [Красных 2000:55], манифестирующей лингвистические и экстралингвистические феномены, в которых проявляется языковое сознание и языковая личность как таковая. Понятия «текст» и «дискурс» находятся в причинно-следственной связи. Дискурс изучается в процессе своего осуществления, в динамике, текст — как результат дискурсивной деятельности [Кубрякова 2001; Harris Z. 1952; Золотова: «Дискурс – тактика и стратегия развертывания текста» 1995].

В современных исследованиях дискурс интерпретируется и как линейная, горизонтальная структура, и как вертикальная [Диалектика текста 1999]. В «горизонтальном» смысле дискурс противопоставляется тезаурусу: если понятие дискурса предполагает линейную сборку пропозициональных структур, эксплицирующих смысл, то тезаурусное представление концепта текста ориентировано на вертикальную иерархию «идеенесущих» языковых знаков, на цикл, который проходит понятие в

социальных процессов и которая создает и поддерживает когерентный набор смыслов относительно какого-то важного предмета» [Fiske 1987: 36]. По Дж. Фиске, «тексты – это продукты своих читателей <...> текст становится текстом в момент прочтения, т.е. при реализации смысла» [там же: 14]. Определенное таким образом понятие дискурса весьма близко понятию концептуальной структуры С. Холла [Hall 1980].

¹ См. также van Dijk T.A. “A handbook in discourse analysis”, v. 1-4. Berlin, 1985; Эко 1998; Дымарский 1999: 65; Квадратура смысла... 1999. Отказываясь от термина «текст» в пользу «дискурса», лингвисты не только отдают дань новому веянию в науке, но и подчеркивают смену статуса текста, определяют его как элемент сознания говорящего человека.

семиотической реальности [Проскуряков 2000:55]. В значении упорядоченной согласованной мысли, предмета мысли употребление термина «дискурс» восходит к латинскому *discursus*, означающему «бегство к и от» и в английской и французской литературе обозначает мыслительный процесс, результат которого должен вписываться в идейный контекст [там же:125]. Проблема вертикального контекста требует изучения фонового знания, а также того, что называют «аллюзией», т.е. образов, метафор и других видов высказываний, предполагающих у читателя знание определенного историко-филологического материала [Ахманова, Гюббенет 1977:47].

«Фоновое знание» - это тот социально-культурный фон, который характеризует воспринимаемую речь. В отличие от фонового знания, вертикальный контекст — это историко-филологический контекст данного литературного произведения и его частей и поэтому часть науки филологии. Фоновое знание принадлежит страноведению, вертикальный контекст — это филологическая проблема, это вопрос о том, как и почему тот или другой писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую «информацию», объективно заложенную в созданном им литературном произведении [там же:49]. Вертикальный контекст в таком понимании равен произведению и противопоставлен тексту. Проблема разграничения **текста** и **произведения** намечена М. М. Бахтиным. По его мнению, «печатный, написанный или устный [текст]... не равняется всему произведению в его целом... В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается» [Бахтин 1979:369]. Произведение переживает своего творца, постоянно осуществляя и подтверждая себя как самостоятельную систему смысла, для познания которой нужен уникальный набор кодов и схем, который обновляется и

дополняется в общем пространстве смысла языка, культуры, науки с каждым новым прочтением данного текста. (См. также дискуссию об оппозиции текст — произведение в журнале «Русский текст» (1994, № 1; 2), начатую М.Я. Дымарским, продолженную К.А. Долининым и Е.С. Кубряковой). Произведение — это текст плюс его история; текст в контексте творчества автора, прочитанный и осмысленный не только «снизу», с позиции рядового читателя, но и «сверху», с позиции самого автора и – шире – литературного процесса. Смысл текста (в отличие от смысла произведения) – это содержание, которое читатель может извлечь из него как изолированного сообщения, не обращаясь к историко-культурному, литературному и жанровому контексту, в который вписывается произведение. Сложность, однако, в том, справедливо замечает К.А. Долинин [1994: 15], что понимаемый таким образом смысл текста есть не более чем научная абстракция, никогда не реализуемая в действительном процессе восприятия и анализа (См. также о разграничении текста и произведения Лукин 1999). «С методологической точки зрения, - писал Д.С. Лихачев, - произведением следует называть текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое» [Лихачев 1964].

Есть точка зрения, согласно которой лингвистика могла бы избавиться от многих своих заблуждений, если бы начала с «нуля», исследуя реально зафиксированные образцы дискурса. Если ориентироваться на функциональный подход, т.е. стремиться объяснить наблюдаемые явления, то при изучении дискурса (в отличие от составляющих меньшего размера) в принципе невозможно остаться в рамках чисто внутриязыковых координат, неизбежен выход в экстралингвистические сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений того, почему дискурс (и данный, и вообще) строится так, а не иначе. Скорее, лингвистику текста можно рассматривать

как часть, компонент анализа дискурса, а именно, языковую часть анализа дискурса. Справедливо мнение Е.С. Кубряковой о том, что при текстовом анализе необходимо различать компоненты триады «значение текста – смысл текста – смысл произведения» [Кубрякова 1994: 25].

Итак, **с одной стороны**, под дискурсом понимают **текст в неразрывной связи с его ситуативным контекстом**, определяющим все то, что существенно для данного высказывания, текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом (т.н. Дискурс 1). В этом смысле дискурс характеризует коммуникативный процесс, коммуникативное событие, приводящее к образованию определенной структуры – текста. **С другой стороны**, дискурс обозначает коммуникативное событие как интегративную совокупность коммуникативных актов, результатом которого является **содержательно-тематическая общность многих текстов** (т.н. Дискурс 2). Сущность дискурса в его втором, обобщающем понимании раскрывается следующим определением: под дискурсом понимается корпус текстов, связь между которыми устанавливается на основании содержательных критериев: тексты одного дискурса так или иначе обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и /или выступают в общей системе высказываний, объединенных в коммуникативном и функциональном отношении. Это последнее определение раскрывает суть таких понятий, как научный дискурс, политический, журналистский, религиозный, философский и т.д.

Дискурс выступает как языковой коррелят соответствующей сферы коммуникативно-речевой деятельности, человеческого сознания и практики (функциональный стиль плюс экстралингвистический фон). За каждым дискурсом стоит особая системность и упорядоченность языковых единиц, **стратегий и правил их употребления** в отдельных

высказываниях/текстах как фрагментах дискурса. Эта системность в формировании тех или иных языковых закономерностей обуславливается сложным взаимодействием и взаимосплетением факторов экстралингвистического фона, как непосредственного ситуативного контекста в интерактивном **взаимодействии адресанта и адресата, так и культурных, социально-исторических, идеологических и прочих факторов** [Чернявская 2003: 33-34].

Выделяют следующие **элементы дискурса**: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «несобытия», т.е. (а) обстоятельства, сопровождающие события; (б) фон, поясняющий события; (в) оценка участников события; (г) оценка, соотносящая дискурс с событиями.

Дискурс – это **понятие когнитивного (лингвopsихологического) направления науки о языке**. Опираясь на возможности естественной категоризации мира, исследователь в тексте и дискурсе способен «стянуть в единый узел при их анализе и семантические, и семиотические, и ономаσιологические, и формальные характеристики соответствующих единиц и категорий и системно связать их» [Кубрякова 1997: 24].

Категориальные средства текста указывают на определенное **Событие**. **Участников коммуникативного акта**: 1-е и 2-е лицо (говорящего и слушающего). **Участников данной ситуации** (3-е лицо объекта), на **Обстановку**: речевое (художественное) **Пространство**, **Место** субъекта и объекта, **Время**, Условия разного рода. К числу категориальных средств относится и **Оценка**, которая всегда (или чаще всего) присутствует в тексте. Перечисленные выше категории были выделены Т. ван Дейком в **схеме – модели дискурса**.

Использование языка есть **процессуальная деятельность**, у которой есть все динамические характеристики деятельности как таковой, есть **средства** ее осуществления, есть ее **результат** (текст), но главное,

исполнители и их цели.

Динамические характеристики дискурса позволяют называть его коммуникативным событием. Такое событие происходит в реальном времени, и потому фактор времени и «привязанность» ко времени, в рамках которого протекает дискурс, - это его важнейшее свойство.

При широком понимании коммуникативной ситуации текста в это понятие включают следующие пять вне-, или над- языковых факторов ориентированных на человека, «присвающего» себе язык: 1) функционально-коммуникативную область, в которой создается или воспринимается соответствующий текст (например, официально-деловая, научная, обиходно-разговорная, литературно-художественная, религиозная и др. сферы деятельности и общения); 2) речевого субъекта, создающего текст, в совокупности его индивидуально-социальных характеристик (возрастная, профессиональная, гендерная, временная принадлежность и т.д.); 3) характер отношения автора текста к его адресату (официальный, дистанцированный, коллегиальный, вежливый, непринужденный, фамильярный, интимно-ласковый и т.д.); 4) характер отношения адресанта к теме / проблеме общения / профессионально-специальное, эмоционально нейтральное, эмоционально-оценочное, подчеркнуто объективное, субъективно отмеченное и т.д.); 5) характер взаимодействия с языковым кодом (стилистически осознанное, коллоквиально отмеченное, склонное к метафоричности, к игре слов и др. употребления языка) [Гончарова 2003: 17]. Все более активно входит в научный оборот в зарубежных исследованиях термин **‘интердискурсивность’**. Он характеризует взаимодействие между различными типами дискурса, то есть интеграцию, перекрещивание различных областей человеческого знания и практики. В качестве отдельных примеров можно указать на использование, скажем, в рекламном дискурсе элементов научного дискурса – терминов, ссылок на научный авторитет с целью создания псевдонаучного сообщения с

воздействующим эффектом или когда один специальный дискурс, например, экологический, обнаруживает в себе элементы других специальных дискурсов – медицины, физики, биохимии и т.д.

Художественная литература в целом строится как интердискурс. Примечательно, что в зарубежных оценках концепции М.М. Бахтина все диалогичности текста понятия интертекстуальность и интердискурсивность используются параллельно.

Теория «коллективного дискурса» - дискурса как совокупности многих текстов, - восходящая к идеям М. Фуко, развивалась именно как интердискурсивная теория. Дискурс, по Фуко, - это вообще не столько корпус обозначенных текстов, сколько отношения между отдельными высказываниями, элементами высказываний, пронизывающие совокупное множество текстов и объединяющие их в единую дискурсивную формацию. Идея дискурсивной сети – центральное понятие теории дискурса у Фуко [Чернявская 2003: 37-38].

Наряду с понятием **текст** в поле зрения лингвистов в настоящее время находится понятие **гипертекст**. Создатель первой гипертекстовой системы и теоретик гипертекста Т. Нельсон определяет его так: «Гипертекст – это способ представления информации в виде нелинейной структуры» [Хартунг, Брейдо 1996], В.П. Руднев под гипертекстом понимает иерархию текстов (словарь, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого словаря; биография писателя – комментарий – глоссарий – пометы - рассказ) [Руднев 1997]; система текстов одного писателя [Глинина 1999]. В предельном случае постмодернистский текст выступает как гипертекст, то есть такое художественное построение, которое зиждется на нелинейном и многократном прочтении [Руднев 1996: 72]. По мнению М.Я. Дымарского, гипертекст дает взятая «в пределе интертекстуальность [Дымарский 1999: 69].

Текст включает все бесконечное поле иных текстов, которые могут

быть с ним соотнесены в рамках некоторой смысловой сферы. Текст – это трансформирующееся поле смыслов, которое возникает на пересечении полей смыслов автора и читателя. Такая точка зрения делает возможным применение термина **межтекст**, который используется наряду с термином **интертекст**, введенным в лингвистическую и литературоведческую практику на рубеже 60-70 гг. XX в.

Идея полифоничности и диалогичности художественного слова принадлежит, как известно, М.М. Бахтину, но термин «интертекстуальность» был введен в научный оборот французским семиотиком Юлией Кристевой и впервые появился в 1967 году в ее статье «Бахтин, слово, диалог и роман». Отталкиваясь от идей диалогичности художественного текста, включенного в текстовую цепь культуры, Ю. Кристева провозглашает интертекстуальность, т.е. непрерывное и всеохватывающее межтекстовое взаимодействие, всеобщим свойством текстов и текстуальности в целом.

В современной филологии востребован термин **сверхтекст**, под которым понимается «ряд самостоятельных произведений словесного искусства, актуально и/или потенциально воспринимаемых в культурной практике (текстовой деятельности) в качестве целостной единицы [Лошаков 2008].

При введении термина **сверхтекст** его отграничивают от термина **гипертекст**. Прочитав диссертационное исследование А.Г. Лошакова: «<...> вполне резонно введение критерия «носитель информации» с целью отграничить **гипертекст** от сходных или смежных с ним явлений. По мнению многих специалистов в области компьютерных технологий, гипертекстом следует называть только тот текст, который обладает, с одной стороны, электронным носителем, с другой – разветвленной и упорядоченной системой ссылок, позволяющих переходить от отдельного текста или его фрагмента к другим, связанным с ним по содержанию.

<...> правомерно противопоставлять электронный **гипертекст** и **сверхтекст** по признакам «суммативность» (экстенсивность) и «интегративность», и тот и другой феномен являются текстами открытого типа, однако, в отличие от сверхтекста, гипертекст изначально планируется как текст, в котором связи устанавливаются не между композиционными единицами, а между отдельными законченными текстами, число которых может возрастать, эти связи преимущественно внешние, а не внутренние. Логичным является представление гипертекста в качестве обозримого конкорданса или ассоциативно-вербальной сети, собирающего воедино рассредоточенные в текстовом пространстве разные контексты употребления слова [Караулов 1994, 1999].

Нелинейность и открытость – это внутренние свойства сверхтекста, их эксплицированность отнюдь не обязательна, они проявляются по мере постижения максимальной смысловой установки сверхтекста, выявления центрирующего принципа [выделено мной. – *T.P.*] редуцируемых в рамках интегративного образования цельностей и осмысления их смысловой роли по мере все большего и большего погружения в его глубинные структуры. Целостность гипертекста обуславливается его тематическим единством, наличием единой коммуникативной функции, но не собственно гипертекстуальными связями, которые, лишь эксплицируют схему информационной структуры гипертекста, что позволяет пользователю осуществлять переходы взаимосвязанными элементами.

Для теории сверхтекста <...> актуально различие гипертекстуальных и интертекстуальных связей. Если интертекстуальные связи зримые, обозначенные, приведенные в определенную систему, то для гипертекстуальных связей эксплицированность является факультативным признаком. Более того, техника, приемы гипертекстуальности могут быть выявлены в любом тексте, не обязательно только постмодернистском. По сути гипертекст - это в большей мере модель текста, его содержательный

абрис, нежели текст как таковой <...>.

Гипертекст является ключевым понятием в постмодернистской научно-философской парадигме, при этом его понимание здесь сродни тому, которое укоренилось в информатике. Постмодернистская эпистема представляет собой разрозненные фрагменты текста культуры, которые соединяются посредством монтажа или коллажа, поэтому в гипертексте видят средство, форму, которая позволяет придать культуре целостность, зафиксировать при помощи гибких связей - переходов ее ускользающие значения, «присутствие отсутствия» [Лошаков 2008:18-19].

В качестве примеров сверткостекстовой связи А.Г. Лошаков приводит соотношение текста пародии - текста произведения, на которое написана пародия; совокупность текстов журнала «Свисток» и др.

1.3. Языковая личность в художественно-публицистическом дискурсе

Автор является и субъектом и объектом повествования в исповедальной прозе. Об этом сказал уже Ж.-Ж. Руссо в первых знаменитых строках своих мемуаров: «Я предпринимаю дело беспримерное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, - и этим человеком буду я. Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь <...> Известно, что большинство людей в течение своей жизни часто бывают непохожи на самих себя и как будто превращаются совсем в других людей» [Руссо 1940:7]. Осмысление этого процесса и есть, с нашей точки зрения, главная цель исповедальной прозы.

В единстве познающего и познаваемого сливаются и уравниваются две энергии - реальности и познающего субъекта, исследуя, осмысливая действительность, субъект познания исследует и самого себя. Именно поэтому очень часто в мемуарах последних десятилетий субъект-повествователь и субъект- адресат совпадают (адресат - сам автор). «По своей сути мемуары - это разговор с самим собой, продиктованный желанием самоидентифицироваться» [Милевская 2000б:110]. Приведем свидетельства самих авторов:

«...мне надоело ощущать себя пассивным объектом, который биографы и памфлетисты расписывают, как им заблагорассудится, мне захотелось стать наконец субъектом (полужирный наш. - Т.Р.) и самой рассказать о том, что я пережила» (Ламблен, 81). «... одиночество человека и желание найти опору только в своей душе заставляет его обращаться к самому себе только через дневник. После смертных дней ленинградской блокады я осознавал себя в письмах к близким» (полужирный наш. - Т.Р.) (Глазунов, №1, 23). «Для чего я пишу эту книгу? Для того, чтобы познать правду о самом себе? Но нужна ли человеку правда о себе? Обман приятнее. Он утешает, возвышает. Если задуматься, то и книга эта сама по себе - в какой-то мере тщеславие. Если хоть немного заглянуть в глубину самого себя, это так. Правильно говорит индийский философ Кришнамурти: .жизнь, если взглядеться попристальнее внутрь себя, - это пустота. Если приглядеться повнимательнее - мы внутри себя пусты. Но зачем-то мы все-таки сотворены. Как понять — зачем?» (Кончаловский, Низкие истины, 33). «Однако человек во все времена остается человеком, и потребность его в душевной беседе никогда и никуда не исчезала и, надеюсь, не исчезнет. И пусть писатель сам себе «поп и прихожанин», но жажда исповеди, в особенности у пожилых писателей, острее чувствующих одиночество, в наш суетный век томит их, заставляет искать новые пути к собеседнику, и не случайно в последнее время очень разные писатели начали общаться с читателем посредством коротких записей-миниатюр, - таким образом можно скорее «настичь» бегущего, занятого работой, затурканного бытом современного читателя... Впрочем, собеседник нужен всякому здравомыслящему человеку, иначе его задавит одиночество, и если его нет, собеседника, тогда человек склоняется к беседе с самим собой, доходит до бездонных глубин бытия, до отгадывания непостижимых вещей, не-

объяснимого, как мироздание, бренного и простого с виду человеческого существования, короче говоря, его одолевает вечная дума о смысле жизни. Эта сложнейшая работа человеческой души и разума и есть самопознание <...> (Астафьев, Зрячий посох, 4).

В беллетристике сосуществуют две тенденции, тенденция открытого я (в исповедальной прозе) и скрытого я. Остановимся на второй.

История повествования в литературе XIX-XX вв. характеризуется постепенным уменьшением субъективного авторского начала и последовательным развитием плана персонажа [Кожевникова 1994].

Становление формы несобственно-прямой речи происходит в литературе сентиментализма, предромантизма и критического реализма, когда прошлое начинает изображаться как существующее здесь и сейчас. В начале XX века в литературе становится все более явной тенденция к уменьшению присутствия повествователя: *«Рассказ должен рассказывать сам себя»* (Г. Джеймс); *«Автор должен присутствовать всюду, но нигде не быть виден»* (Г. Флобер).

Как соотносятся в беллетристике тенденции открытого и закрытого я? Одна другой, как это ни парадоксально, не противоречит.

«Концепция личности <...> наличествует и угадывается в общем "мировосприятии" (о т н о ш е н и и - Т.Р.) писателя. Позиция автора может быть выражена как открыто, так и скрыто. Расширение сферы авторского влияния, заметно потеснившей сферу героя, открытое авторское я и публицистичность как формы выражения авторской позиции приобрели особую актуальность и стали своеобразной приметой прозы последнего времени. Эта тенденция ждет серьезного критического осмысления, которое возможно при анализе авторской позиции прежде всего как категории глубоко содержательной» [Гинзбург 1979:5].

Можно сказать, что художественная литература в классическом смысле слова «умирает», трансформируется. Есть два пути этой

«смерти». 1. Автор растворяется в персонаже, исчезает повествователь («антинарративный» текст); в этом случае можно говорить о «смерти автора», но не о смерти субъекта речи, субъекта восприятия. 2. Автор выходит на первый план, художественная литература сближается с исповедальной публицистической прозой. Имеется в виду активное сближение литературы с «нелитературной словесностью»: «Мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою» [Белинский 1956:316]. В прозе подобного рода проблемы субъекта, субъективности, точки зрения являются основными.

Нужно учитывать и тот факт, что содержание понятия «субъект» в современной языковой парадигме изменилось: во-первых, учитывается степень включенности в это понятие адресата, составляющие *я* (*я* кто? *я* какой? *я* когда? и т.д.)¹; во-вторых, оно очень часто расширяется до рамок субъективного (не только *кто* отражает, но и *как*): «границы моего языка означают границы моего мира» (Витгенштейн 1994:19), «субъекта системы» по Ю.М. Лотману².

Автор—эмпирический субъект реализуется в современной мемуаристике в трех ипостасях (субъектных сферах — по Г.А. Золотовой): автор-повествователь, автор-комментатор и автор-персонаж. Субъект и объект речи в исповеди чаще всего совпадают, но могут и разводиться с целью отстраненного восприятия автором-комментатором автора-повествователя и автора-персонажа и их обобщения; в первом случае объект речи обозначается формой 1-го лица, во втором -3-го и 2-го лица. Например:

Когда он возник <... > я, право, уже и не припомню <... >

¹ Необходимо различать также мемуары (исповедь) о себе и о ком-то.

² Под «субъектом системы» (идеологической, стилевой и т.п.) мы подразумеваем сознание, способное породить подобную структуру и, следовательно, реконструируемое при восприятии текста» [Лотман 1970:320].

Автор этих строк, которого обозначим инициалами В.В., совершал очередную прогулку в пределах роуи Форст Кастен, которая начинается сразу за уже прославленным нами Штокдорфом <...> автором книги «Замысел».

<... > он прислонился спиной к ближайшей сосне <... > автор плавно опустился в мокрое там, где стояч.

*<...> В бумагах В.В, случайно сохранившихся с восьмидесятого года, записано много мелких подробностей о событиях, приблизивших отъезд. Перечислять все дело скучное, но **В.В. как-никак является одним из персонажей данного повествования, и потому бросим** беглый взгляд на тогдашнюю ситуацию}, (Войнович, 78; 38).*

*Ты можешь добиться успеха, **тебя** будут хватить все газеты, ты можешь получить национальную премию и поехать от Израиля на международный фестиваль, **тебя** сделают национальным героем, ты будешь знать иврит, как русский, ты станешь богатым, купишь виллу и вывесишь на ней израильский флаг - но ты никогда не запоешь, как птица. У **тебя** другое мироощущение, данное **тебе** от рождения. Ты будешь лишь вычислять, искать путь и ориентиры в потемках. Ты - актер, режиссер, творец - лишен свободного дыхания. Словом, "жить будете, петь - никогда" (Козаков, 353).*

Названные выше субъектные сферы отличаются, прежде всего, пространственно-временной позицией. «Противоречие, заключенное в понятии самопознания, устраняется тем, что мы познаем не свое настоящее, неуловимое, а свое прошедшее (как познаем лишь прошедшее мира: я вижу звезду не как она есть, а как она была, когда послали луч ко мне; теперь, может быть, ее и нет). Всякое познание по существу исторично и имеет для нас значение лишь по отношению к будущему.

Но как возможно самопознание и, в этом смысле, познание и своего прошедшего?..

<...> Непосредственное самопознание невозможно (курсив наш. - Т.Р.) [Потебня 1990:136-137]. Но современную исповедальную прозу все же нельзя назвать полностью ретроспективной. А. Бергсон выделил субъективное время и установил его связь со структурой сознания [Бергсон 1992]. Субъективное время, как правило, за пол н я ю т .

Отличительная черта субъективного времени в сравнении с объективным - его обратимость. Субъективное время обратимо в том смысле, что прошлое, настоящее и будущее сложно переплетаются в сознании человека. Субъективное время квантуется вниманием, интенциональностью сознания. В настоящем присутствует не только прошлый опыт, но и предполагаемое будущее [Чернейко 2000]. На воспоминания о прошлом, на минувшие события накладывается современное их видение, описание, оценка. «Для мемуаров типична перцептивная темпоральная линия» [Милевская 1999:26], реализующаяся через «позицию говорящего во времени и в пространстве по отношению к событиям текста, это "наблюдательный пункт" автора, передвигаемый им в разных направлениях, то вмещаемый в хронологию событий, то удаляющийся на разное расстояние, то сопровождающий линию событий, то инверсирующий их порядок» [Золотова 1995а:121]. Об этом пишут сами авторы: *Актерские книги. Мы все разные, разные и наши книги. Я же, как и Юрский, к тому же режиссер, и книги наши отчасти режиссерские. Режиссер монтирует книгу, как фильм* (Козаков, 11). Монтаж происходит с одной точки зрения: все исповедальные моменты совпадают с «здесь» и «сейчас» повествователя и читателя, поэтому «временная структура мемуарного текста напоминает не линию, а, скорее, неправильный кристалл, где темпоральные линии расходятся в разные стороны и моменты воспоминаний, т.е. "информативные сгущения" связываются лишь памятью и ассоциациями» [Милевская 2000а:67]¹.

¹ Подтверждением сказанному является следующее свидетельство автора мемуарного текста: <...> *мне мое прошлое уже сейчас и на этом свете видится одним цельным куском. Стоит только чуть-чуть напрячься – и вот она, вся моя жизнь, где я вижу себя одновременно и маленьким мальчиком Вовой, и пожилым дядей, которого зовут по имени-отчеству, и ремесленником, и солдатом, и пастушонком, и рабочим, и писателем, и диссидентом, и эмигрантом, и себя разного в разных местах, где жил – от Душанбе и Ходжента до Мюнхена и Вашингтона. Всего этого изобразить никаким искусством нельзя. И словесным можно меньше, чем каким бы то ни было. Но вопреки очевидным невозможностям, я долго и упорно думал, как бы мне все-таки исхитриться показать всю свою жизнь одним куском, сплавив в нем воедино прошлое, настоящее, будущее, реалии быта, приключения, переживания, замыслы, завершённые и незаконченные, которые есть тоже неременная и существенная составляющая моей жизни. А если нельзя единым куском, то хотя бы кусками, которые словно свалены вместе в один мешок*

Мы сосредоточили свое внимание, в основном, на исповедальной прозе писателей, поэтов, актеров, музыкантов, художников и т.д. конца XX – начала XXI вв., так как хотим выявить тенденции современной речи, речевой деятельности, особенности современной языковой личности, а исповедальность стала одной из ведущих черт современной прозы. В современной русской прозе явно побеждают автобиографические и мемуаристические элементы: *Мне кажется, основные нынешние литературные тенденции — документ и свободная манера. Их надо увязать. Далекие тенденции рождают поле, напряжение* (Довлатов, Записки, 197). Отечественные критики предлагают различные варианты названия, среди которых новый автобиографизм и новая искренность. А. Солженицын назвал такую литературу «вторичной» (Солженицын, Бодался теленок с дубом, № 6, 15), И. Бродский «всего лишь передышкой» (Бродский, Меньше единицы, 178). «... 'малая' писательская проза... возникает как бы на границах нескольких жанров: автобиографии, мемуаристики, 'записок на манжетах', 'путевых впечатлений', психологических зарисовок и проч. Единственное условие - несочиненность ее содержания. ... настоящий писатель и в 'несочиненное' неизменно *привносит самого себя* (курсив наш. - Т.Р.); и от этой ошибки многим знакомой реальности и прихотливого (порой — капризного) писательского я рождается основной шарм (иногда - шок), который и отличает этот странный жанр от обыкновенных записок и воспоминаний» (Басинский, 100). «Страницы полные невероятной сумятицы мыслей и чувств, к которым я не посмела прикоснуться *и рядом с которыми я стыжусь литературы*» (курсив наш. — Т.Р.) (Дюрас, 13).

Нельзя сказать, что в исповеди писатель свободен от какой-либо «маски» (может ли он быть свободен вообще?!). Но эта маска-роль не «делится», не переносится на образ повествователя, персонажей.

и могут быть вытягиваемы попеременно из разных времен, какие попадутся под руку (Войнович, 13).

Ответственность - на авторе. Открытое авторское *я* не растворяется в персонаже, здесь другая референтная соотнесенность (реальная референция)¹. В публицистике, по мнению Г.Я. Солганика, нет речевых масок (которые есть в художественной речи), маска противопоставлена роли, которую играет автор: с одной стороны, публицист выступает как человек социальный, общественный, с другой - как частный (личность публициста) [Солганик 1999:366]. Человек частный в структуре категории автора предполагает высокую степень модальности и оценки.

Читатель в публицистике - «зеркало» писателя, писатель под читателя «подстраивается». В другом смысле - читатель «создает» автора.

В публицистике более важен не образ автора, а его позиция - «ценностная позиция», «ценностная установка» [Бахтин 2000:163-164].

Средством реализации коммуникативной установки автора является соотношение модальных тактик (отношений и оценок). Функция категории модальности в тексте - выражение отношения или скрытие его. Можно указать следующие соответствия для текстообразующих категорий: субъект - это *кто*, время - *как*, модальность — *что*.

С нашей точки зрения, немаловажным побудительным стимулом для обращения авторов к исповедальной прозе служит то обстоятельство, что она снимает ограничения, и законы этой прозы позволяют и даже требуют

¹ В этом плане важно противопоставление *образа автора* и *личности автора*. *Образ автора* – создаваемый, а не создающий (М. Бахтин). «.. **образ автора** представлен художественным текстом, а **литературная личность автора** есть совокупность усвоенных им письменных, литературных и устных текстов с их характерным содержанием и отношением к ним (близко к понятию языковая личность. – Т.Р.). Между **литературной личностью автора** и **образом автора** художественного произведения существуют отношения, сходные с отношениями актера и роли в пьесе. Это – «перевоплощение» из частного в общее, в «символ», из многозначного в индивидуальное, из единичного лица в обобщенное. Этим объясняются понятия, принятые в теории *образа автора*: об «актерской игре», об авторской «актерской маске» и т.п. Необходимость «перевоплощения» связана с требованием совмещения двух правил: запрета на отсутствие *образа автора* и запрета на несимволичность, немногочисленность *образа автора*. Таким образом, «перевоплощение» *литературной личности автора* и *образ автора* есть процесс, имеющий две стороны: а) изложение идейно-предметного содержания, б) формирование отношения автора через *образ автора* к идейно-предметному содержанию... В результате, через *образ автора* читатель воспринимает некоторый (не свой) тип личного отношения к излагаемым событиям» [Рождественский 1996:232-233]. «Функциональное назначение маски – оправдать меру компетентности повествователя и меру энтропии в представлении художественной модели» [Заика 2001:388].

говорить и писать именно то, что человек хочет выразить, не прибегая к эзоповскому языку, эвфемизмам и прочим маскировочным средствам (конечно, по велению таинства исповеди, что-то должно оставаться сокрытым):

И уж никак не предполагал, что и сам, на сорок девятом году жизни, осмелюсь наскрести вот это что-то мемуарное. Но два обстоятельства сошлись и направили меня. Одно - наша жестокая и трусливая потаенность, от которой все беды нашей страны. Мы не то чтоб открыто говорить и писать и друзьям рассказывать, что думаем и как истинно было дело, - мы и бумаге доверять боимся, ибо по-прежнему секира висит над нашей шеей, гляди опустится. Сколько эта потаенность еще продлится - не предсказать, может многих нас раньше того рассекут, и пропадет с нами невысказанное.

Обстоятельство второе - что на шею мне петля уже два года как наложена, но не стянута, а наступающей весной я хочу головой легонько рвануть. Петля ли порвется, шею ли сдушит, - предвидеть точно нельзя.

А тут как раз между двумя глыбами (между «Архипелагом» и «Красным колесом». -Т.Р.), — одну откатил, перед второй робею, - выдался у меня маленький передых. И я подумал, что, может быть, время пришло кое-что на всякий случай объяснить (Солженицын, Бодался теленок с дубом, № 16, 13).

Еще М.М. Бахтин, выделяя основные структурные особенности романа, говорил о многоязычном сознании, реализующемся в романе. Каждый носитель сознания обладает речевыми характеристиками. В этом отношении писатель, когда он говорит через своих героев, уподобляется актеру, разучивающему разные роли и произносящему чужие. В своих собственных письмах, воспоминаниях языковая личность естественна, это личность в чистом виде, писатель играет самого себя. Он выступает как единая, целостная языковая личность, очищенная от полифонии художественного текста, а не как множество говорящих и понимающих личностей. Сложный, многоуровневый, выходящий далеко за пределы одной личности образ автора в данном случае сжимается, свертывается и в очень сильной степени сближается с

конкретной языковой личностью. Одновременно многослойная языковая структура произведения (в данном случае или монолог, или внутренний диалог, или монолог, или монолог, рефлексивный монолог) оказывается тождественной речевой структуре образа, т.е. структуре данной языковой личности [см. Караулов 1987б]. И текст в данном случае, в смысле тождества языковой личности, моносубъектен, мономодален¹.

Языковая личность противопоставлена образу автора по степени охвата речевой деятельности. Образ автора ориентирован на текст, языковая личность - на все языковое творчество, следовательно, это более широкое понятие. Вместе с тем, автор - обобщенный образ, языковая личность - конкретный. Можно сказать, что языковая личность является когнитивным аналогом образа автора. Для каждой эпохи характерны свои типические черты автора (повествующего субъекта, стоящего над текстом, за текстом), но выделяются различные типы языковых личностей.

Преимущество мемуаров писателей (и шире - творческой интеллигенции), проанализированных нами, состоит в том, что писатель (и другой художник) обладает более живым воображением и способен увидеть гораздо глубже многих его современников. Кроме того, материалы исповедальной публицистики позволяют смоделировать определенный тип языковой личности.

Мы считаем, что, анализируя современную исповедальную прозу творческой интеллигенции, мы определяем модель элитарной языковой личности.

Оставаясь в пределах строго научного подхода, мы можем описать индивидуальную языковую картину мира личности лишь в случае

¹ Повторим, что моносубъектность – понятие условное, относительное, так как в моноисповеди, в повествовании от первого лица, автор использует множество авторизованных конструкций с семантикой субъекта оценки, мнения, восприятия, ментальной деятельности, многообразие индивидуальных и коллективных мнений и оценок. В строгом грамматическом смысле (см. работы Г.А. Золотовой) текстовой моносубъектности, так же как и мономодальности, не существует. Некоторая модальная семантика (например, *согласие / несогласие, утверждение / отрицание*) изначально полисубъектна: нужен субъект мнения, с которым не согласен автор текста.

п о л н о г о рассмотрения в с е г о ее дискурса от рождения до смерти. Более того, ее необходимо анализировать на фоне «обязательного социально-поведенческого контекста» [Караулов 1987б:34] личности, ее всесторонних мотивационно-прагматических потребностей в связи с другими личностями, на фоне воздействия на нее всех идеологических, социокультурных, духовных факторов эпохи (да еще и в глубокой исторической перспективе), учитывая материальные условия жизни, особенности ролевого поведения и пр. «Поэтому необходима такая исследовательская модель, которая, пусть на аксиоматическом уровне, отобразит реальные свойства принципиально бесконечной личности как личности принципиально завершенной» [Радбиль 1998:5]. В качестве такой, скорее, выступает герой произведения, который в пределах данного текста носит принципиально завершённый характер, исчерпывается текстом произведения. Именно герой исповедального произведения (сам автор) будет идеальной моделью реальной языковой личности (в той мере, в какой наука вообще допускает использование исследовательских моделей). Его целостная духовная позиция в каждом моменте текста организует «языковой материал» по имманентным законам, установленным авторской интенцией в данном произведении (см., напр., [Виноградов 1980, Бахтин 1986]).

Эстетически организованная уровневая модель языковой личности позволяет рассматривать речь субъекта в двух взаимообусловленных аспектах — когнитивном и мотивационном. Когнитивный план отражает систему ценностей субъекта, его представления о мире. Мотивационный - предопределенные картиной мира интенции, мотивы и цели речевого поведения. Языковая личность объективирует фрагмент авторской картины мира, что эксплицируется в оценочном отношении автора к изображаемому, т.е. в авторской модальности.

Категория модальности является средством самоосознания и

осознания другого. Она диалогична, т.к. адресна (иногда имплицитно, в некоторых случаях и эксплицитно, например, семантика побуждения). «Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого: я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимоприятии). Оправдание не может быть самооправданием, признание не может быть самопризнанием... Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность. Монолог претендует быть последним словом. Он закрывает (альтернативный. - *T.P.*) <...> мир и <...> людей» [Бахтин 1997:344, 350]. Отсюда следует вывод: монолог тоже должен быть диалогичен. Залог успеха монолога - правильная модальная стратегия (оценка и для себя, и для других). Диалогичность модальных реакций (их открытость, закрытость) определяется степенью категоричности выражаемого намерения. Любая прагматическая цель оставляет личности возможность для маневра: выбор семантики и языковой формы выражения. Возможность манипулирования модальной стратегией обеспечивается полимодальностью языковых средств.

Самоотчет-исповедь содержит задание для читающего: молитва за автора о прощении и отпущении грехов; назидание [Бахтин 2000: 170]. В этом случае для автора исповеди остается коммуникативная роль «проповедника» [Винокур 1993]. «Это не диалог автора-повествователя и автора-комментатора, где воплощены разные ипостаси одного автора, разделенные временем, а диалог двух авторов одной книги («я - я»), которые обращаются к читателю» [Милевская 2000а:68].

В современных мемуарах весьма продуктивны риторические вопросы, вопросительные предложения в составе авторской речи. Одним из способов реализации стремления к устной форме повествования являются вопросно-ответные комплексы, под которыми понимается

расчлененное сложное структурно-семантическое единство, конструирующими элементами которого являются разнообразно выраженные вопрос и ответ. Причем вопросно-ответные комплексы используется здесь в функции не только имитации диалога, но и в функции постановки проблемы, и даже в функции дефиниции: *Как трактовать слово «возвышающий»? Нас идеализирующий. Делающий нас лучшие. Дающий некую перспективу, направление движения. Движение, если говорить о развитии, не горизонтально. Оно происходит вверх - по спирали или как-то иначе, но вверх. Мир становится сложнее, мы становимся сложнее* (Кончаловский, Возвышающий обман, 14),

Эти формы типичны для научно-популярного стиля, они призваны объяснять, в то время как риторические вопросы - убеждать. Таким образом, происходит некоторое изменение отношения «автор — читатель». Если в традиционных мемуарах автор и читатель - это, скорее, собеседники, то в новых - автор «снисходит к читателю» [Милевская 2000а:69] (от исповеди - к проповеди). Но все это диалог, ибо, как писал А.А. Потебня, «<...> Писать... Это значит прибегать к помощи другого сознания, чтобы получить признание своей сущности по отношению к тотальности бытия, значит стремиться к переживанию этой сущности с помощью посредников» [Потебня 1990:185]. Таким посредником для писателя является читатель: «Я не думаю, что я знаю о жизни больше, чем любой другой человек моего возраста, но мне кажется, что в качестве собеседника книга более надежна, чем приятель или возлюбленная. Роман или стихотворение - *не монолог, но разговор писателя с читателем -разговор*, повторяю, крайне частный, исключаяющий всех остальных, если угодно - обоюдно мизантропический. *И в момент этого разговора писатель равен читателю, как, впрочем, и наоборот*, независимо от того, великий он писатель или нет. *Равенство это — равенство сознания, и оно остается с человеком на всю жизнь в*

виде памяти, смутной или отчетливой, и рано или поздно, кстати или некстати, определяет поведение индивидуума. Именно это я имею в виду, говоря о роли исполнителя, тем более естественной, что *роман или стихотворение есть продукт взаимного одиночества писателя и читателя* (курсив наш. - Т.Р.)» [Бродский 2001: 673].

Степень диалогичности текста может измеряться степенью включенности адресата в исповедальный текст. «В этом случае более показательны... тексты рядовых носителей языка, а не знаменитостей, потому что тексты последних, за редким исключением, несут на себе отпечаток готовности к тому, чтобы стать достоянием общественности, то есть быть *обращенными к "двойному адресату"* (курсив наш. - Т.Р.). <...> Первые же действительно противопоставлены: как текст, обращенный к самому адресату («возвратный») или предназначенный для другого лица как адресата» [Винокур 1993:94]. Содержательная (когнитивная) роль адресата в первом случае, по мнению Т.Г. Винокур, сводится к нулю и трансформируется в чисто коммуникативную - намерение вступить в общение. Видимо, из этого исходили К. Пигров и Т.В. Радзиевская, объявляя, например, дневник текстом безадресной стратегии, так как в нем «субъект и адресат коммуникации предстают в одном лице» [Радзиевская 1992б], «общением с самим собой в пространстве тотальной коммуникации» [Пигров 1998:200]. Об этом же пишет И.М. Вознесенская: дневник - проповедь / исповедь «перед самим собой», «беседа с собой» [Вознесенская 2000:70]. Учитывая семантически емкий образ субъекта исповеди, мы не можем согласиться с трактовкой когнитивной функции адресата как нулевой (в любом произведении исповедального типа). Исповедь имеет адресата: *Любой самый сокровенный дневник где-то там подсознательно, за горизонтом души, ждет своего читателя* (Гранин, 223). БОЛЬШИНСТВО ее форм предназначено внешнему адресату (с вкраплением внутреннего). Внутреннее проговаривание нередко обращено

к реальным лицам, входящим в круг общения субъекта (так, например, в книге Е. Леонова сменяются роли адресата: письма сыну-школьнику, студенту, артисту, солдату, у Войновича - глава «Из письма другу», у М. Козакова - к Леониду Филатову).

Исповедь как коммуникативная установка «не требует непосредственной словесной реакции от адресата и рассчитана, скорее, на определенную психологическую отдачу, источником которой должно быть другое лицо» [Арутюнова 1981:363], это способствует ее интериоризации и вместе с тем сохраняет обращенность к фиктивному, или, точнее, обобщенному, адресату (например, в книге Е. Эткинда: «*читатель*», «*дорогой западный коллега*»). Учитывая классификацию жанров и речевых актов по типу адресованности, предложенную Н.Д.Арутюновой [там же], можно сказать, что некоторые типы исповедальных текстов (очень часто, к примеру, дневник или другой жанр самооценки) самоадресованы, вследствие чего наблюдается «распад личности на двух неравных собеседников» и адресация к «субъекту внутреннего проговаривания как средоточию пороков и слабостей» [Арутюнова, там же] или идеальных качеств. Например, у М. Козакова один внутренний субъект - носитель таких качеств, как графоманство, честолюбие, тщеславие, другой - работоспособности, вызывающей уважение публики (Козаков, 346). В некоторых случаях наблюдается адресация высшему существу или высшей силе:

И я, человек неверующий, повторяю: Боже, вразуми Америку! Дай ей обрести разум, минуя наш кошмарный опыт. Дай ей обрести мудрость, не пережив трагедии социализма! Внуши ей инстинкт самосохранения! Заставь покончить с губельной беспечностью! Не дай разувериться, отчаяться, забыть - в какой прекрасной стране мы живем! (Довлатов, Сборник, 42).

Следующий тип внутренней речи - диалогизированное проговаривание. «...его вопросно-ответное построение, равно как реализация принципа «за и против», по-видимому, не создает

двухагентной ситуации, отражая стандартизированную диалектику обдумывания» [Арутюнова 1981], уяснения. См.:

Познай самого себя... Вся жизнь пытаюсь. Всю жизнь задаюсь вопросом - кто я? О тебе думают и говорят разное, ну а ты сам-то, столь строго судящий людей, ты-то кто? Наверное, поэтому я столько графоманил, вел дневники, пытался остановить мгновения и осмыслить их.

<...> Значит, ни деньги, ни секс, ни власть — эти три кита - не про меня. Тогда что же? Искусство? Это было бы слишком красиво. Честолюбие и тщеславие? Вот оно. А бывают ли актеры не честолюбивы? Тщеславие с годами уходит -я имею в виду мелкое тщеславие. Суетное тщеславие, худший его вид, мне вообще не был свойствен. А с годами и не мелкое стало исчезать. Это в молодости, когда тебе 22-23 года, приятно, к примеру, что шепчут твою фамилию вслед, потом к этому привыкаешь, и это делается безразлично. По вот вопрос: а если бы это ушло совсем и на тебя бы вообще перестали обращать внимание? Не стало бы тревожно? Да, такая уж у нас профессия, древнейшая. Первая, вторая, третья... К чему эти мелочные счеты?

Честолюбие? Тут тоже не все так просто. Все эти звания... Им цена - две копейки — ведро. Пресса? - с этим тоже все ясно. Меня не интересует суждение евнухов о любви. О мировом серьезном признании не один наш актер всерьез мечтать не может. Что же остается? Самоиспытание. Эксперимент, мнение друзей, уважение публики. Значит, работа (Козаков, 346).

«Лишь тогда, когда дело касается несовместимых нравственных установок, внутренняя речь приобретает характер подлинного диалога, в котором контрагент, а иногда и оба идейных противника могут быть персонифицированы» [Арутюнова 1981:368]. См.:

Записки счастливого человека, страдающего радикулитом... Почему? А потому, что это чистая правда. Писал я исключительно в клиниках, куда попадал трижды с острыми приступами остеохондроза, говоря проще, радикулита.

Придумав такое название, автор дает обильную пищу для критической фантазии друзей и недругов. Например, тон снисходительный; «Что вы хотите от человека, который сам признается в том, что писал свои записки, будучи больным». Ученый тон: «У этих, с позволения сказать, записок, как и у автора, нет хребта. Они бесхребетны».

Тон особый, osobистский: «Дать бы ему по хребту осиной». Ну и так далее

(Козаков, 8).

Таким образом, можно утверждать, что любой элемент структуры исповедального текста, - как и другого, рассчитан на определенную модель адресата, который, в свою очередь, имеет иерархическое строение: самоадресация, внутритекстовая адресация и т.д. Адресат может рассматриваться как модель определенного типа языковой личности (индивидуальной, социумной, этнической, общечеловеческой). С учетом принципа обратной связи можно говорить о сюжето-, стиле-, жанро- и композиционной реализующей функции адресата и средств адресации в построении структуры текста [Сулименко 2001:306].

Толкование модального значения тоже зависит от фактора адресата: «только определенный тип адресата не ошибется, приняв "возможно" за согласие или, наоборот, за отказ» [Арутюнова 1981:357].

Исповедуясь, обнажаясь перед читателем-адресатом, автор может придерживаться двух речевых стратегий: наступательной и оборонительной. В первом случае, как правило, функционируют модальные тактики утверждения, уяснения, уверенности, убежденности, определенности, во втором - отрицания, кажимости, неопределенности, возможности, возражения / согласия. Адресат свободен в выборе вектора реагирования, но не реагировать он не может. Это существенно отличает адресата исповеди от адресата художественного произведения, который не склонен принимать на свой счет никаких интенций автора. В ряде случаев читатель персонифицируется в собеседника, близкого автору по позиции, взглядам, эмоциональному восприятию описываемого, или в оппонента. Через обращение к нему осуществляется диалогизация авторской речи. Например:

Не пытайтесь оценивать поведение провинциала по привычной моральной или прагматической схеме - непременно просчитаетесь! Результат здесь не равен сумме слагаемых, и часто слагаемые лишь обманки и ловушки на пути решения задачи. Их

можно исключить из уравнения, все эти бесконечные + на -, без потери для правильности решения. Но **когда вы** сделаете это, то всего лишь докажете, что $2=2$ - и не больше того. Тайна провинциализма так и останется в этих лишних плюсах и минусах, ключаревых и алимушкиных, иксах и игреках странной задачи без решения <...>

В каждом провинциале сидит Копейкин. И когда однажды **вы** услышите бравые речи розовощекого, благополучного «москвича», загляните внимательно в его глаза и **задайте два простых вопроса**: откуда он и где остались его родители? **Посмотрите**, какой походкой он покинет **вас**. Хорошенько **прислушайтесь** к его шагам. И **вы** услышите стук костыля (Басинский, 117).

Первый параметр согласования в любом тексте - согласование *автор - читатель* (принцип сотрудничества П. Грайса, без которого невозможна ни одна правильная коммуникация) [Грайс 1985].

Учитываются составляющие *Я* (*Я* и кто? *Я* какой? когда?) и т.д. «... не существует <...> презумпции цельности личности <...> каждый из своих текстов Бахтин писал, смоделировав предварительно только-здесь-действительную точку зрения и однократный образ автора, как это делает, например, Пригов, сочиняя стихи от лица священника или лесбиянки, - и делал Бахтин это (каждый раз заново моделировал образ автора) как раз потому, что очень хорошо понял, что никакого содержательно-смыслового единства личности не существует, и даже тот, кто этого не только не признает, но и не может принять такого предположения, - даже такой автор все равно пишет не "от себя", а от какой-то своей культурной роли» [Курицын 1996:185]. Это верно и для исповедальной прозы. Говоря о ее субъекте и диалогизме, необходимо выяснить: 1) кого «играет» автор¹; 2) кому адресована эта исповедь. Напомним, что автор мемуаров моделирует не только свой образ, но и читателя.

¹ Эрих Фромм, объясняя современного человека, называет его человеком с «рыночным характером», ибо в межличностном общении он руководствуется лишь одним принципом – «Я такой, какой я вам нужен» [Фромм 1990: 26].

Различия между языком художественного произведения и языком публицистической прозы иногда акцентируемы самими авторами, особенно в части концептуальных схем и когнитивных моделей действительности, относящихся к «картине мира», а также прагматических установок - целей и «конечных смыслов» писания.

В публицистических текстах четко выделена система идеологических и аксиологических ориентиров автора. Учитывая концептуальные детерминанты исповедального текста, можно дополнить эксплицитные мотивы и свойства художественного текста. На связь художественного творчества и исповедального жанра указывают сами авторы: *«Моя исповедь - мои картины и эта книга, дорогой читатель»* (Глазунов, №1,226). Или, например, И.С. Кузьмичев в предисловии к «Дневнику» Ю. Казакова писал: «Самовыражение писателя он [Казаков] ставил превыше всего и считал автобиографизм обязательным условием художественности <...> этот дневник, представляющий собой, по сути дела, реальный комментарий к рассказу «Нестор и Кир» (1961), допускает читателя и исследователя в тайное тайных творческой лаборатории Ю.Казакова. Текст дневника и текст этого замечательного рассказа местами почти дословно совпадают» [Кузьмичев 1995:124-125].

С нашей точки зрения, средством оформления концептуальной структуры текста является категория субъективной модальности. Концепты, содержащие, выражающие отношение, мы называем концептами с модальным содержанием (модальными концептами). Комплексное рассмотрение эмоционального, сюжетно-композиционного, тематического и других уровней текста позволяет говорить о модальных концептах как о «прототипических моделях поведения или сценариях, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств» [Вежбицкая 1997:326].

С.А. Аскольдов-Алексеев, определив концепт как зачаточный,

вероятностный акт к возможным операциям над конкретностями, подразделил концепты на познавательные (логические) и художественные, эстетически обусловленные [Аскольдов:1997]. Связи в структуре художественного концепта основаны на метафоре. Для публицистического стиля художественные концепты менее актуальны, хотя не исключаются, его смысл формируют логические, этические, эстетические, эмоциональные концепты, которые имеют модально-оценочную природу.

«В динамическом понимании смысла под концептуальной *структурой* подразумевается локализованный, застывший в определенных фрагментах культурной и языковой среды (константах) *процесс* формирования концепта» [Проскуряков 2000:5]. Модальные стратегии и тактики управляют этим процессом. Концепт и концептуальная структура текста охватывает и субъективные составляющие автора и читателя. «<...> чтобы понять, что автор текста имел в виду, читателю приходится в осознанной или неосознанной форме увидеть мир через призму ментального пространства текста» [там же: 121]. Элементы концептуальной структуры текста обладают различной информативной нагруженностью. «Дифференциация в закодированности различных концептуальных структур приводит в действие механизмы свертки и экспликации текстовой информации, формирующие содержание текста, мотивирующие рефлексию» [там же: 122]. Модальность является информативно нагруженным элементом текста, т.к. прагматический пласт информации, ею закодированный, широко дифференцирован.

Анализируя современную исповедальную мемуарную прозу как прозу с концептуально обнаженным началом, мы выделили как минимум две линии ее развития. В качестве прототипа первой линии мы рассматривали концептосферу Ф. М. Достоевского [Романова 2003]. Цель-стратегия этой линии - представить и оценить идеал,

сформулировать и выразить отношение к нравственным ценностям. Поэтому здесь используются модальные доминанты аксиологического плана. Стратегия другой линии исповедальности (А. Розенбаум, И.Бродский, А. Кончаловский и др.) заключается в самопрезентации (иногда через уничижение другого), в оценке другого (если мемуары о ком-то, все равно автор переключается на себя (например, Р. Фурманов «Из жизни сумасшедшего антрепренера» - главы посвящены разным людям, но в целом книга о себе)). Для этих исповедей характерны *«безудержный эгоизм и всепоглощающее тщеславие»* (Доронина, Дневник актрисы, 1996, № 4,5), главное - *«я люблю себя»*, в центре - человек, демонстрирующий себя¹. Данная стратегия тактически реализуется и через другие модальные доминанты: согласие / возражение (возражение под видом согласия), утверждение / отрицание (имплицитное отрицание при эксплицитности утверждения), допущение возможности и ограничение ее, оценка, волеизъявление. Для этой линии в большей степени характерен «фермент недоверности». «Совпасть полностью у разных мемуаристов может только чистая информация (имена, даты и т.п.); за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения... Человек, в порядке сознательного обмана, предлагает обществу некий украшенный образ, вовсе не соответствующий внутреннему содержанию личности, или, напротив, человек стремится и внутренне отождествиться со своим сублимированным образом, по возможности вытесняя из сознания все, что ему противоречит. Но чаще всего происходит другое. Человек знает, осознает все то, что в его душевной и физической жизни не подходит к идеальной модели, но он как своего рода художник отбирает и соотносит

¹ «Установка на исповедальность сосуществует и взаимодействует с тенденцией к идеализации авторского персонажа. Мучающее автора реально пережитое или таящееся в глубинах бессознательного сочетается с желаемым и желанным, а горькое покаяние переходит в самооправдание и самоапологию» [Большев 2002:27].

нужные ему элементы этой жизни, отодвигая другие, хотя и не изгоняя их до конца из сознания. Подобные автоконцепции с их скрытой эстетической потенцией не являются ни обманом, ни самообманом. Всем искони было ясно, что профессор ведет себя на кафедре иначе, чем дома, а военный - на параде иначе, чем в казарме. Но их не обвиняют во лжи. В аудитории и на параде совершается не обман, а построение нужного образа» [Гинзбург 1999:17]. Две линии национальной культуры сосуществуют в современном литературном творчестве совершенно органично, синтезируются: Достоевский более всего свидетельствует о том, что славянофильство и западничество одинаково подлежат преодолению, но оба направления войдут в русскую идею, как и всегда бывает в творческом преодолении (Aufhebung у Гегеля)» [Бердяев 2000:70].

Глава II. Художественно-публицистический дискурс современной творческой интеллигенции

2.1 О.Павлов

2.1.1. Аксиологема “казенный” в художественном и публицистическом творчестве О.Павлова («Казенный дом», «Бывшие люди», «Казенная сказка», «Степная книга»)

«Текст, как особая речемыслительная форма, позволяет представить некоторую картину мира (фрагменты мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей, то есть концепции, - в отличие от неразвернутых форм» [Дымарский 1999:74]. Концепция – это не просто существующая в отрыве от текста система представлений идей, но система, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира,

а значит, построенная на вполне определенной модально-оценочной базе. В качестве основной единицы смысловой структуры текста принято рассматривать значимый смысл, то есть такой смысл, который непосредственно соотносится с концепцией (содержанием текста) в целом. Концептуально значимый смысл – это сложное семантическое образование. Он включает, во-первых, предметно-фактическую информацию о некоторой (сигнификативной) ситуации, объединенную не только единством ситуации, но и общностью приписываемого ей (информации) модального значения. Во-вторых, это модальное значение, образующее оболочку предметно-фактической информации. Концепция – система представлений, идей, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, следовательно, это фрагмент языковой картины мира личности, ее концептосферы (совокупности концептов). Концепт – элемент смысла произведения, который эксплицируется в словах, синонимических и антонимических рядах, фразеологизмах, метафорах и др. выразительных средствах. Концепт художественного текста в этом понимании реализуется всем текстом произведения. «Концепт близок к концепции, но очевидно имеет некоторое отличие от нее. Концепция, скорее всего, может быть соотнесена с идеей, которую писатель хочет показать/внушить читателю. А концепт – это единица, составляющая смысл (моральный, этический, религиозный и т.д. <...> постепенное формирование объема такого концепта в читательском сознании и составляет смысл текста, задачу автора» [Колесова 2001:18].

Художественный концепт – средство постижения мира с позиции художника, писатель и сам постигает мир в процессе сознания своего произведения. На эту особенность художественного концепта указывал С.А. Аскольдов, когда говорил о неопределенности путей постижения художественного произведения [Аскольдов 1997: 267-180].

Отношение писателя к изображаемому фиксируется в авторских

текстовых сферах, субкатегориях, подчиненных общим текстовым категориям, в категориях, не дифференцированных на уровне языка и речи. Аксиологема – субтекстовая категория авторской эмоционально-интеллектуальной оценки. Оценки характеризуют как будто персонажей, но в большей степени самого автора, субъективные ценности, отражающие его аксиологическую систему.

Концептуальная структура текста, состоящая из концептуально значимых смыслов, в ее тезаурусном представлении включает элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематическая позиция, позиция повтора и т.д.). По существу можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам и всегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию – заголовок. Заголовок – ключ к концептуальной структуре произведения.

А. Вежбицкая вводит термины концепт-минимум и концепт-максимум. Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присуще рядовому носителю языка. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Если перенести это на концепт-заголовок, то концепт-минимум – это содержание и объем концепта-заглавия на входе (до чтения), концепт-максимум – на выходе (после чтения). «Концепт – исходная точка семантического наполнения слова (заглавия. – *T.P.*) и одновременно – конечный предел развития» [Колесов 1992: 34]. Название – компрессия концептуального смысла текста, оно определяет стратегию текста; тактикой, раскручивающей, как пружина, данный концепт, является модально-оценочную семантика.

В качестве подтверждения обозначенных выше закономерностей обратимся к творчеству московского писателя Олега Павлова. Олег Павлов стал широко известен после публикации в «Новом мире» романа

«Казенная сказка» и выдвижения его на Букеровскую премию в 1995 году. Его появление в литературе «одобрили» Астафьев и Владимов. Он автор романа «Дело Матюшина», повествования в рассказах «Степная книга» и др. В отличие от многих современных литераторов, он продолжает русскую классическую традицию писателей-реалистов, обращается к главным вопросам русской жизни. В качестве своих литературных учителей О.Павлов называет Ф. Достоевского, А. Платонова, А. Солженицына, Ю. Коваля. Сказанное объясняет наш выбор в качестве объекта исследования творчества О.Павлова.

В текстах московского писателя Олега Павлова в заголовочный компонент часто выносятся определение *казенный* («Из нелитературной коллекции (Дневник писателя): «Казенный дом»; «Бывшие люди» // Октябрь. 1997. №6; «Казенная сказка (народный роман)» // Новый мир. 1994. №7), в других текстах оно частотно и символично («Степная книга: повествование в рассказах»). Предметом дальнейшего рассмотрения будет аксиологический смысл обозначенный казенным определением.

О. Павлов «Казенный дом»

В языке концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами. Для объективации конкретного концепта, связанного с устойчивым чувственным образом, достаточно значения отдельного слова, которое активизирует данный образ. Рассмотрим указанный заголовочный концепт.

Дом. 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий... 3. Место постоянно проживания человека, *характеризующееся какими-либо отношениями между всеми членами семьи, определенным бытом, укладом хозяйства и т.п.* ... 5. ...В составных названиях некоторых заведений различного назначения. ...*Казенный дом*... [Словарь совр. рус. яз.: В 20 т. 1993, т.4.: 355-357].

Казенный. 1. *Государственный*// Принадлежащий государственному учреждению, выдаваемый за счет казны, государства, оплачиваемый казной... 2. *Формальный, бюрократический* [БТС 1998: 409]. См. выделенные признаки.

Однако по мере усложнения выражаемых смыслов возникает необходимость активизации дополнительных концептов (знаний) и использования целых словосочетаний и предложений. *Казенный дом* – устойчивое сочетание (ср. термин в карточном гадании), имеющее отрицательную коннотацию: *чужой, официальный, неродной, холодный* (ассоц.) и т.д. Это и есть характеристика компонентов «отношения», «уклад» в структуре концепта ДОМ.

Отдельные концепты могут быть переданы только с помощью целого текста или ряда произведений одного или нескольких авторов. (Ср., например, роман О. Павлова «Казенная сказка» («народный роман»)). Концепты такого рода обычно трудно выразить одним предложением или в виде простого определения. Они требуют осмысления большого количества ситуаций, отражающих определенные взаимосвязанные аспекты названных концептов. Сравним репрезентацию концептуального смысла «казенный дом» в словаре (см. выше) и в тексте.

«*Казенный дом*» - композита соположения. Как формируется авторская семантика данного сложного знака? Какова роль текста в рождении композиционной семантики фразеологической единицы ФЕ?

Содержание концепта включает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира [Павеленис 1983]. В отличие от **понятия**, которое отражает наиболее общие, существенные (логические конструируемые) признаки предмета или явления, концепт может отражать один или несколько, любые, не обязательно существенные признаки объекта. Например, в тексте реализованы существенные признаки понятия **дом** (*здание, быт,*

уклад (отношения)), **казенный** («все бездушное, чужое») и несущественные признак понятия **казенный дом**: тематическая группа **охрана** (*отставной офицер, начальник, самоохрана, охранник, вахта*), **вахта** (*кипятильник; банка, где заваривается чай; форма армейская; дубинка*); синонимический ряд (*охранник(и), вертухай, вахтер*). Таким образом, в центре структуры знака, вербализующего концепт, оказываются семы 'недоступность', 'граница', 'самоохрана', отсюда употребление в тексте ФЕ *казенный дом* в значении 'государственная тайна', 'линия фронта идеологической борьбы' - и семы 'бессмысленность', 'ненужность': *самоохрана* (охраняют себя; оценочный компонент в знаке).

Различия между понятием и концептом обусловлены различием теоретического и обыденного познания – познания и когниции. Разнообразие форм обыденного познания (когниции) определяет разные способы формирования концептов в сознании человека:

- на основе чувственного опыта, т.е. в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств, через зрение, слух, обоняние, осязание;

- на основе предметно-практической деятельности человека; например:

На жизнь я зарабатывал охранником в больнице. Так получается, что жизненные обстоятельства в разное время ставили меня, в сущности, на одно место – вертухая, вахтера, охранника и я становился частью того, что самому сильней всего в этой жизни ненавистно и что по мне прокатывалось безжалостно катком(Павлов, Дневник, 196).

В начале текста конкретизируется, сужается, концепт **КАЗЕННЫЙ ДОМ** (=больница) – здание, предназначенное для размещения... (больничная стена), окружающие атрибуты: брошенный ларек, бомжи.

Далее раскрываются признаки 'уклад' как отношения (понятие **дом**) и 'бюрократический' (понятие **казенный**): *стена* (отгороженность, недоступность, граница), *донес, испуганный до смерти, уволены (уволил), не проходили, запрещено, хозяин, сжалился, трудоустроил*. Фразеологизм 'казенный дом' в результате композиционного взаимодействия сем получает значение 'бюрократическое отношение'. Следующие признаки в структуре авторского концепта рождаются на основе мыслительной деятельности, т.е. в результате рассуждений, умозаключений, выводов, на основе мыслительных операций с уже известными концептами (*зависел, дело в деньгах (заплатили-разрешил); испугались, что потребую возмещения ущерба; побоялись*); на основе вербального и невербального общения, когда один человек передает, сообщает, разъясняет другому человеку какой-либо концепт («*В России все стараются ободрать да притесняют*» (японцы – автору); «*Казенный*» с русского языка не переводится (автор – японцам)).

В результате сочетания разных способов когниции: чувственного созерцания, предметной деятельности, осмысления, языкового общения – в тексте рождается новый смысл композиты соположения: *казенный дом <больница>* – в значении 'страна'.

Наше восприятие мира и окружающих предметов происходит в виде целостных образов. Соответственно многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе – как определенный эмпирический образ предмета или явления (ср. *казенный дом – больница*). Эти образы выступают как единицы предметного кода. Они кодируют концепты в сознании человека и обеспечивают наиболее легкий доступ к их содержанию, составляя наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть концепта, его ядро [Болдырев 2000].

В психологии концепты часто различаются по степени конкретности-абстрактности (см. в тексте развитие значения ФЕ *казенный*

дом от конкретного к абстрактному: *больница – государственная тайна; линия фронта идеологической борьбы*).

Концепты служат основой формирования классов и категорий. Они сводят разнообразие наблюдаемых и мыслимых явлений к чему-то единому, подводят их под единую рубрику, под определенные классы и категории, позволяют рассматривать различные предметы как элементы одной категории. Если у нас в сознании имеется концепт КАЗЕННЫЙ ДОМ (см. словарное толкование) мы сможем опознать соответствующий предмет и назвать его данным именем (*больница*), т.е. сможем сравнить его характеристики с содержанием данного концепта (чувственным образом) и категоризовать его – отнести к данной категории объектов. Кроме того, мы сможем, как это делает автор текста, на основе чувственного восприятия явления, конкретизирующего концепт, выделить абстрактные признаки и восстановить имплицитно выраженный смысл (за счет расширения мыслительного содержания). *Казенный дом* в значении 'вся страна'.

Концептуальные признаки отношения («уклад в доме»): *купля-продажа (ужесточает дисциплину путем штрафов в свой карман; за умеренную плату; деньги – халява, а не работа; взятки не дают, а всучивают, да еще с мольбою; за взятки растаивал, как мираж); жестокость – унижение – страх (нагоняли строгости (видимость порядка)); стали бояться; не пропускали; давят; усердие; боязнь: могут уволить; пускать только по пропускам и в часы для посещений; содержали в «предбаннике»; люто морозили, не давая переступить и порога больницы, хоть в ней нарочно для этого имелся холл; карантин; посиневший от холода родственник; охрана выставяла за порог на мороз; охрана не пускает на посещение без сменной обуви; унижение народа, нищета; не пускают в уборную; зверски; зверства; не возмутится, подчинится, не устанет; деривационный ряд: все на страхе,*

страшно, из-за страха, из страха; опричнина – порядок в порядке; безропотно; запрет; безразличие (глухота, бездушие).

Обозначенные компоненты актуализируют смысл 'тюрьма' в концептуальном содержании знака *казенный дом*. Этот вариант не вербализован в тексте, представлен имплицитно через «опознавательные признаки». Данный смысл порождает авторское модально-оценочное отношение: синонимический ряд, составляющие которого имеют оценочную коннотацию (*охранник, вертухай (пренебрежит.), вахтер; «часть того, что самому сильней всего в этой жизни ненавистно и что по мне прокатывалось безжалостно катком»*); **шкура** охранника; бытового современный фашизм на больничный лад; жестокая дурь; мы стали такие жестокие, потому что стали умней; самообхрана, кормится половина народа; стадо; нет таких красок, такого хладнокровия у меня...; *Что это за жизнь!; Как это можно постичь?*

Когда негра забрали и перестали навещать из посольства, то рацион тут же поменялся на обычный советский, из макарон, а поскольку больные неудобны уж были как свидетели «хорошего питания», то поступила установка: прием больных временно прекратить, а какие выздоравливают, тех без промедления выписывать. Такая вот чистка произошла больничных рядов (Павлов, Дневник, 137).

Интертекстовый оценочный смысл участвует в формировании концептуальной структуры текста через ссылку на текст Н.В. Гоголя: «С тех пор... больные как мухи выздоравливают».

Интертекстуальность данного текста заключается в «соприсутствии» в одном тексте нескольких текстов, в том числе и авторского, О. Павлов «Казенная сказка». Благодаря этому в содержание концепта **КАЗЕННЫЙ ДОМ** включаются понятия и концептуальные признаки: *казенная служба, казенный карман, служивый человек, гражданка, гражданский человек, казенное жалованье, отсутствие личной судьбы, армия, лагерь,*

зона, вытрезвитель, легавые, вертухай, тюрьма; казенное барахлишко, солдаты, зэки, вольнонаемные, надзиратели; отбывать свои повинности; не служили, а выживали как могли, воровали, грызлись, место стравливало подневольных людей, терпели нужду, «солдаты с зэками были не иначе как простыми душами»; лихо, ляжка, горе, доля; скопом жили, укрепленные теснотой.

Аксиологическая сущность концепта-названия выражена в авторском отношении, которое представлено в финальной, сильной позиции текста.

*Как это можно постичь? Не знаю. Но все по такому порядку, которого разумом постичь нельзя, живут из дня в день и выживают, в общем, что-то побеждая, неизвестно что, усиливаясь как люди, то есть развивая в себе, как мышцу ч е л о в е к а – существо, которому всеми мыслимыми и немыслимыми способами дано от природы находить выход из самых безвыходных обстоятельств, когда бы, скажем, не выдерживало и подыхало животное, ломался бы камень... И это другой наш подарок, не переводимый миру, - **душевность** (Павлов, Дневник, 138).*

Актуально противопоставление: человек-государство (казенный дом: страна, тюрьма, больница); душевность – бытовой фашизм (душевность – человеческое качество: доброта, чуткость, отзывчивость [БТС 1998: 290]; выдержать (выжить) – ломаться.

Это противопоставление, а вернее, противостояние квалифицировано автором как *гражданская война* (см. признаки граница, линия фронта идеологической борьбы). Ср.:

*В **самоохране** этой, такие времена, больничной, вокзальной, рыночной, стояночной, вооруженной и невооруженной и всякой прочей, кормится **половина нашего народа**. **Охраняет** же не иначе как **от другой половины** – чем не **гражданская война**! Зарплата московского охранника в три раза больше зарплаты воркутинского шахтера. Шахтер трудится*

в аду, а получает, как в раю. Охранник сидит сиднем, а получает, как за работу адскую. Потом уже я заметил, что получает самоохранник, как милиционер, как страж порядка. На рынке – значит, рыночного. На вокзале – вокзального (Павлов, Дневник, 137).

Таким образом, рождение нового значения комплексного знака, каким является ФЕ *казенный дом*, происходит в результате текстового композиционного распределения и взаимодействия общеязыковых (родовых и дифференциальных) и индивидуально-авторских (коннотативных) сем, это значение не равно сумме значений составляющих частей сложного знака.

Концепт обнаруживает определенную, хотя и нежесткую структуру. Ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Абстрактные признаки являются производными по отношению к тем, которые отличаются большей конкретностью. Взаиморасположение этих признаков не обнаруживает строгой последовательности и носит индивидуальный характер, поскольку зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. Структуру концепта можно было бы сравнить с катящимся комом снега, который постепенно обволакивается новыми слоями [Болдырев 2000: 30]. Содержание концепта постоянно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик.

Содержание концепта подвергается определенной стандартизации на общенациональном или коллективном (групповом) уровне. Соответственно в структуре концепта выделяются общенациональный компонент (*формальный, бездушный: «казенный с русского языка не переводится», «японцы так и не поняли»; «другой наш подарок, не переводимый миру, – душевность»; «линия фронта идеологической борьбы»; «государственная тайна»; «в России все*

стараясь ободрасть да притесняют»; «испугались, побоялись, что потребую возмещения ущерба»; «купля-продажа»), а также групповые компоненты, принадлежащие определенной социальной, профессиональной группе («я становился частью того...»; «самоохрана, кормится половина народа»; шкура охранника; боязнь: могут уволить; усердие; «взятки не дают, а всучивают, да еще с мольбою»; все на страхе), и индивидуальные компоненты, те характеристики, которые вкладывает в данный концепт конкретный человек, в данном случае – автор («что самому сильней всего в этой жизни ненавистно и что по мне прокатывалось безжалостно катком», «нет такого хладнокровия у меня»; стадо; «бытовой современный фашизм на больничный лад»; «опричина»).

Концептуальные характеристики фиксируются в значении языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарных толкованиях, речевых контекстах. Однако это лишь часть концепта, поскольку ни один концепт не может быть выражен в речи полностью.

Сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять (и пониматься) знания разной степени абстракции, т.е. разные форматы знания. Концепт – это может быть и отдельный смысл, и целая концептуальная структура, включающая другие концепты и задающая другие ступени абстракции. По своему содержанию и степени абстракции концепты могут подразделяться на несколько типов: конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт и т.д. В данном тексте, по нашим наблюдениям, работают все способы концептуальной организации, кроме, пожалуй, схемы.

Конкретно-чувственный образ – это образ конкретного предмета или явления в нашем сознании (*казенный дом – конкретная больница*). Более

высоким по степени абстрактности концептом является представление (*больница* вообще). Представление отражает совокупность наиболее наглядных, внешних признаков предмета или явления.

Понятие – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики (см. словарное определение составляющих частей ФЕ *казенный дом*, анализ дефиниции).

Прототип – это категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории. Это могут быть типичные примеры, как в данном тексте, социальные стереотипы, образцы (здесь же).

Пропозиционная структура или пропозиция представляет собой модель определенной области нашего опыта, в которой вычленяются элементы-аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, – даются их характеристики, указываются связи между ними. Осознавая собственный опыт в терминах пропозиции, человек как бы налагает на него определенную концептуальную структуру-модель в виде базового предиката и его аргументов («*хоть я и писатель, но дурак*», «*Мы стали такие жестокие, потому что мы стали умней*»; «*казенный*» с русского языка не переводится и т.д.).

Фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации. Например: **вахта** (компоненты: *охранник, кипятильник, банка для заварки, форма армейская, дубинка*); **больница** (компоненты: *вахта, посещения, предбанник, карантин, больной, родственники...*). Формально фрейм представляют в виде двухуровневой структуры узлов и отношений: 1) вершинные узлы, которые содержат данные, всегда справедливые для данной ситуации и 2) терминальные узлы или слоты, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации и

часто представляются как подфреймы, или вложенные фреймы [Минский 1979]. Активизируя фрейм через данные второго уровня, мы воссоздаем всю структуру этой ситуации в целом (включаем в концепт *казенный дом* компоненты *тюрьма, страна*).

Сценарии, или скрипты, - это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов (например, отдельные эпизоды внутри фрейма «больница»: посещение больных, смена обуви, взятки (*заплатили – разрешили*), пропуск (*сжалился, не пускают*)...

Фреймы, сценарии и пропозиции, которые относятся к одному типу структурированных концептов, могут иметь аналогичную структуру. Так, по мнению Ю.Н. Караулова [Караулов 1987: 194], фрейм любого уровня обобщенности может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций. Например, фрейм «оценка»; оценивающий субъект – предикат оценки – объект оценки и т.д. Гештальт – это концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание. Гештальт может рассматриваться как начальная ступень процесса познания: самые общие, нерасчлененные знания (например, содержание концепта **КАЗЕННЫЙ ДОМ** для читателя до чтения текста). Гештальт может пониматься и как наивысшая ступень познания, когда человек обладает исчерпывающими знаниями об объекте, владеет разными типами концептов: после чтения текста у читателя сформировался и конкретный образ, например, здания больницы, тюрьмы, и общая схема отношений в казенном доме, и общая структура всех составляющих признаков концепта (фрейм). Необходимо помнить, что процесс моделирования концепта не конечен. Это связано с тем, что познание индивидуально так же, как и формирование самого

концепта.

В последнем случае гештальт выступает как концептуальная система, объединяющая все вышеназванные типы концептов, которые постепенно вычленяются в процессе познания, актуализируя свой образный, понятийный, схематический, фреймовый и т.д. уровни или разные комбинации этих концептуальных сущностей. Все они тесно переплетаются в мыслительной и речевой деятельности человека [Болдырев 2000: 38].

О. Павлов «Казенная сказка (народный роман)» // [magazines.russ.ru / novgi_mi / 1994 / 7 / pavlov.html](http://magazines.russ.ru/novgi_mi/1994/7/pavlov.html)

Значение заголовочного определения *казенный*, во-первых, приравнивается к значению '*казенная служба*'. Данное значение актуализировано, в сильной позиции эпиграфа: *«Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробах покоилось во все века наше царство-государство, вечная всем память»*. Во-вторых – к значению '*государственное дело*', которое актуализировано в сильной позиции названия главы 4.

Олицетворением понятия «казенный» в романе является русский капитан-служака. Контент-анализ текста выявил следующие синонимичные номинации: *капитан, степной капитан, старшина, солдат, служака, служивый, казарменный, служивый человек, богатырь*, находящиеся в отношениях гипонимии и различающиеся стилистическими и оценочными коннотациями. Для выявления интенционала и экстенционала текстового значения прилагательного *казенный* рассмотрим несколько контекстов.

1. Служивый человек обнаружился в Хабаровке по натруженности всего облика, по скупым и грубым чертам. Этот знак был глубже, чем столбовая статья, которую наживают на плацу

солдафоны. Старишина был человеком коренастым, приземистым, похожим правдивей на горб, чем на столб. Солдатские черты делали его **безликим, сравнимым разве что с миллионом ему подобных служаек.** Однако тот миллион образовывал **гущу народа**, в которой **исчезает всякий отдельный человек.** Хабаров **родился у простых людей,** которыми и назван был как проще. **Не имел семи пядей во лбу, не имел готового наследства** и уже поэтому увяз в той гуще, из которой и явился на свет. Суждено ему было, вот уж правда, замешаться в ней будто комком. Жизнь в той гуще не перетекает по годам и годами не сотрясается. Время тут не приносит легких, быстрых перемен, а потому и вовсе без него живут, разумея попросту, что всему свой черед. Что замешивалось, про то узнают через века. А кто жил да помирал, так ничего и не узнает. **Остался Иван Хабаров служить – за паек и рупь казенного жалованья, которым не побалуешь.** Чтобы ни случилось, Хабаров думал: **«Поворачивать некуда, надо терпеть».** И он же думал чтобы ни случилось: **«Это еще не конец, погоди, что впереди будет».**

Вот и теперь, в том безвестном времени, в какой нашей повестью пересекается его долгий путь, Хабаров в пыльных капитанских погонах дослуживал в одной из темных лагерных рот карагандинки, намаявшись по лагерям от Печоры до Зеравшана **дольше вечно урки, а большего не выслужив.** И да будет известно, что в степные капитаны попадаетея в главном **человек совестливый, труженик.**

2. Содержались служивые жалованьем да пайкой. Получку десятков лет не прибавляли, но со временем она и не убавилась, потому если и не слишком наживались, то ценили в ней строгость. Втихую, правда, поговаривали, что за такую-то службу должны бы побольше денег давать. Полагая про себя, что жалованье существенно утаивают, мужики служили поплоче, чтобы не прогадать. А начальство и радо было по всякому случаю кричать, что такая служба и копейки не стоит

ломаной и если пересчитывать, то служивые навек в долгу. Однако до пересчета так и не доходило – его одинаково все боялись, будто суда. Иначе обстояло с пайками и прочим довольствием. Летом пайку урезали, чтоб скопить хоть чего на зиму, также и осенью откладывали про запас. А нагрянет январь, запаса – разве что воробья прокормить, и неизвестно ради чего голодали. Зэк – тот своего потребует, хоть зарежется, надзиратель утайкой сворует, а служивому откуда взять? Что доставляют из полка, не взвесишь. Говорят, снабжают по нормам, а какие они? Начисляют живым весом, будто не понимают, что живой-то вес утрясается, ужаривается, а то и пропадает пропадом <...> Куда ни глянь, повсюду теснят, ужимают.

Толком и не служили, а выживали как могли <...> Тягостно жилось в Карабасе еще и потому, что место это стравливало **подневольных людей**. Если посудить, то **солдату** и нечего было делить с **зеком**, они и переглядывались разве что через лагерный забор. Солдат не мог отнять у зэка пайку, если же они терпели нужду, то ударяло и **по лагерным**, и **по служивым**, хоть и с разных боков <...> Для Хабарова **солдаты с зэками были не иначе как простыми душами**, а он многое повидал.

3. Когда снимают с маршрута полковой грузовик, а потом вообще его отменяют, служивый человек остается со своими бедами один на один. Свои силы он тратит на пропитание, вместо того чтобы служить. Все жиры он растягивает, и тот же хлеб, запас картошки скоро у него кончается, или просто ему гнилую картошку привезли. А податься больше некуда, ложись и помирай. Читаешь газеты – вроде у нас все для человека, уважительно так с тобой разговаривают. А оглянешься кругом - **у нас хуже лагеря**. Чтобы занимать **казенную квартиру**, надо все это время служить. А как приходит пенсия и ты потерял на службе все здоровье, то **никому ты больше не нужен**, и

*выгоняют тебя в голую степь помирать. Пишут, что все люди равны. А командир-начальник все равно главнее и не сравним с солдатом, заступившим на свой пост. Почти весь год висят над головой дурные приказы, и сыплют толченое стекло тебе под ноги, на твою душу и разум. Сказать некому, **гражданская власть** тебя в резон не возьмет. А у своего начальства **не имеешь права** обжаловать. И грузовик полковой, единственная связь с миром, - кем он отменяется то и дело? Командирами-начальниками, кем же еще. Сидишь в казарме или в карауле без выходу и думаешь, что **зверям в лесу лучше, у них там устроено для полной жизни**. А ты вроде в лагере находишься, **хоть и не грабил никого и не убивал**. Отборный картофель, один к одному, удалось вырастить, так мало что отняли, еще и сгноили без пользы за то, что посмел без приказа, еще и с толку сбивать стали: тому ты друг, говорят, тому враг. Никто спасибо не сказал за картошку, а все упрек, что землю взял. Говорят, **чтоб покорным был**, говорят, это главнее.*

Как показывают приведенные контексты, понятие «казенный» кореферентно понятию «казенная (государственная) служба». Экстенционал знака: *служивый (человек), государственная служба; лагерь, тюрьма, армия, вытрезвитель; солдаты, зэки*. В художественном пространстве текста происходит сужение экстенционала до значения *‘степной капитан’*.

Контенционал знака

1. Интенционал

а) гиперсема: *‘государственный’* (синтагматическая сочетаемость *казенная квартира, казенное барахлишко*).

б) гипосемы: *‘подневольный’, ‘казарменный’, ‘армейский’, ‘лагерный’, ‘ничейный’* (синтагматическая сочетаемость *казенный карман, казенное барахлишко, казенная квартира*); *‘служивый’*

2. Импликационал

а) жесткий: 'натруженность', 'совестливость', 'честность', 'вера' («<...> ведь служить надо, иначе рухнет все...» - проговорил с робостью капитан), 'труженник'; (сема актуализирована повтором: «И да будет известно, что в старшины попадаете в главном совестливый человек, труженник, который все выдюжит, сколько бы ни взваливали, и притом не уберегая своего живота, не пьянствуя, не воруя из общего котла или распяленного казенного кармана»).

б) высоковероятностный: 'безликость' («исчезает всякий отдельный человек»), 'простые люди', 'терпение', 'надежда' («Это еще не конец, погоди, что впереди будет»); 'безысходность', 'выживаемость' («Толком и не служили, а выживали как могли»; «По земле разметаны доски точно после какого-то крушенья. А подле них в голой почерневшей степи сидит неведомый богатырь и, обхватив чубастую голову, заводит такую приглушенную речь, как если бы предназначалась она только для двоих: «Жить надо, что бы тебе не сделали, назло и жить. Оно проще – спрятаться в говно, а как потом? Разве вечно-то просидишь? А земля под богатырем жалобно мычит, богатырь тихонько склоняется к ней, прислушивается. «Дышишь, что ли? – И говорит, как бы саму землю упрасывая: - Пойдем со мной, со мной не тронут. А хошь, новую амуницию справлю, самую лучшую? Слышь, пойдем справим, растопим баньку!»).

Что было потом, того никто не узнает. Но Перегуд исполнил-таки свою обязанность и вызволил говноутопленника»); 'покорность', 'ненужность', 'бесправность', 'повиновение';

в) отрицательный. Формируется оппозиция, которая нейтрализует отрицательный импликационал и включает «отрицательные» семантические признаки в объем понятия «казенный»:

- служивые – надзиратели («Солдат не выслуживался на заключенных подобно надзирателям, которые и служили по доброй воле, и

носы держали по ветру, будто легавые, - вот кинутся, чуть заслышав, ату их, травы!»);

- служивые – солдафоны;
- служивый – гражданский человек;
- служивые – гражданская власть;
- служивые – легавые («Легавый твой Победов и генералы все легавые»; «Можно сказать, что Илья Перегуд пил из вечного своего страха перед трезвостью. То ли это был душевный недуг, предвестие белых горячек, то ли от застарелого невежества, или это **накапливалась** в нем **безысходно злость**, но Перегуд утверждал, порой с пугающей страстью, что есть в мире такая **страшная сила**, которая хочет всех казаков истребить. Эта сила называлась у него ‘**легавые**’, точнее Илья высказаться не умел. Означала же она **тот нехороший порядок, что заставляет человека повиноваться**»).

Прагматическое значение

- Оценочные семы: «Не имел семи пядей во лбу» (‘недалекий’), не имел готового наследства» (‘неимущий’, ‘бедный’); ‘человек совестливый’, ‘труженик’, ‘простая душа’, ‘богатырь’, ‘хуже лагеря’, ‘зверям в лесу лучше’, ‘мертвый дом’ («Самым страшным сном Ильи был сон о вытрезвителе. Что выпил он водки и гуляет в белой нарядной рубашке по своей родной земле. И вдруг подходят к нему “легавые”, хватают, кидают в окованный вонючим железом кузов той машины, что похожа на гроб. Прямо из кузова, вытряхнув душу, бросают в громадный мертвый дом, внутри которого все железное и ржавое, и опять же опахивает воблой, будто в доме старухи живут»).

- Семы-отношение: ‘сочувствие’.

- Эмоциональные семы: ‘обида’ («Вот и доброе утро, проспал ты службу!») «**Я не собака, чтобы служить**, - оцетинился капитан, - чего захочу, то и буду делать, уж ты мне не указывай». «Это верно...» -

согласился охотно Илья, **имея верблюжий запас терпения**, а капитан отвернулся, уткнувшись в стенку, которая шумела навроде водопроводной трубы. По ней протекла вся **казарменная жизнь**, которая в одну ночь **опротивела** Хабарову и которую стенка безучастно впитывала с голосами, со всем живым шумом»); ‘безысходная злость’.

Подзаголовок (сильная позиция текста) ‘народный роман’ контаминирует со значения ‘роман, о народе’ и ‘роман, сочиненный народом’, последнее, в свою очередь, актуализирует в названии семантику слова «сказка» в основных словарных значениях:

«1. Повествование, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущ. с участием волшебных, фантастических сил. 2. Выдумка, неправда, ложь» [Ожегов 1984:625].

Первое значение актуализируется в тексте приемом стилизации; второе – аксиологично, определяет возможность интерпретации авторской точки зрения читателем и даже приобретает в тексте антонимичное значение «*Тут сгорела **правда**, товарищ генерал!*», правда о казенной (=армейской) службе.

О. Павлов «Бывшие люди»

В тексте имплицитно присутствует пизнак *казенный* в значении ‘государственный’, ‘милиционерский’, ‘бесчеловечный’, ‘бездушный’, ср. словосочетание *казенное отношение*.

Рассмотрим, как структурируется концепт БЫВШИЕ ЛЮДИ у О. Павлова с опорой на текст-интерпретант (рассказ М. Горького «Бывшие люди»).

Контенсионал содержания: *бомжи*. Интенсионал: гиперсема ‘бездомность’ (*нет жилья, прописки с паспортом*); гипосемы: ‘человек без места’; ‘вор’; ‘нищий’; ‘попрошайка’; ‘голодный, страх’ («*живут воровством, попрошайничая; на помойках поедая отбросы, падаль; гонимый голодом, холодом, угрозой побоев; обнищав*»). Импликационал

жесткий: *выживаешь, как можешь, стившись*; 'страдание'; 'мучение'; высоковероятностный: 'лишенность' («*лишились родины: будто лишились самой жизни, самих своих судеб*», «*были люди работающие*»); 'нет опоры'; 'бесправие' («*(не) хозяин себе и своей судьбы*»); слабый — 'закрепощение'; отрицательный: 'наличие жилья', 'личной судьбы' (дом, семья, родина). Экстенционал: «**Россия — страна бездомная, народ наш в сути своей бездомный**»: бомжи; тюрьмы, уголовные и лечебно-трудовые; психушки; северные края; дальневосточные порты; шабашка; приiski; путина; шахты; бродяги в бараках; переселенцы; эмигранты; раскулаченные; войны; репрессии, целина; бесперспективные малые деревни; одинокие, забытые старики.

У О. Павлова экстенционал содержания, выраженного ФЕ, очень широкий, доходит до обобщения на уровне истории страны. Смысл такого экстенционального расширения — констатация степени падения человека и степени неуважения к человеку государства (авторская позиция: это делает с людьми государство). Поэтому и оформляется противопоставление *бывшие люди — милицейское государство* (оценочная сема).

*Я видел паспорт: стоит штампик загса, что человек в девяносто третьем женился, значит, состоятельным был, мог хоть свадьбу сыграть. Но вот зима девяносто шестого: этот человек уже бомж, то есть труп. И что такое бомжи — это милицейское клеймо, есть еще зеки, то есть заключенные, а были и «каэры», «чесеоры» - контрреволюционеры, члены семей репрессированных... **Только бы** людьми не называть или согражданами, тогда ведь с него, с государства нашего **милиционерского**, да и общества другой будет спрос. **Горько**, что это слово прижилось, что и в народе иначе не говорят. Но ведь в здоровой, сильной половине народа и стараются, как могут, **совесть усыпить**, даже и **ненависть разжечь** (Павлов, с. 41).*

Лица, вызвавшие эмоции, - бомжи; объект оценки — отношение к ним «милиционерского (=казенного) (оценочная сема, окказиональное образование) государства, общества»: *«бомж, то есть труп»*; *«И что такое бомжи — это милицейское клеймо, есть еще зеки, то есть заключенные, а были и «каэры», «чесеоры» - контрреволюционеры, члены семей репрессированных»*. В этом текстовом фрагменте есть благоприятные условия для формирования эмотивной оценки: каузатор эмоционального состояния является, в свою очередь, и объектом — адресатом эмоционального отношения (*общество, сограждане*). Авторская интенция передается через речевой акт (РА) укора: *«Только бы людьми не называть или согражданами»*... Ограничительная частица *только* может выражать семантику опасения, ограничения. Здесь выполняет функцию выражения эмоциональной семантики, участвует в языковом оформлении РА укора. Далее реализуется стратегия «пробуждения совести»: *«тогда ведь с него, с государства нашего милиционерского, да и с общества другой будет спрос»; «слово прижилось, ... в народе иначе не говорят»*. Тактикой, реализующей стратегию «пробуждения совести», являются приемы включения адресата (читателя) в объем понятия «милиционерское государство» через родовидовые отношения: государство — общество— сограждане — и «вскрытие» истинной цели этого государства: *«Но ведь в здоровой, сильной половине народа и стараются, как могут, совесть усыпить, даже и ненависть разжечь»*. Доминанта авторского эмоционального отношения: *«Горько»*.

Далее реализуется тактика дискуссионного опровержения, отрицания официальной (=казенной) точки зрения:

Слыхали, что у нищих кучи денег, что они из обносков передеваются в шубы и жируют на вашу милостыню? Слыхали, что бомжи – это тунеядцы, пьянчуги, которые продали свои квартиры? Так

им и надо, это наказание за порок! Слыхали, они вилами нам угрожают, сифилисом, туберкулезом? Что они наши вокзалы изгадили?.. Однако попробуй переодеться в обноски, постой хоть час на морозе, может, разбогатеешь, но тогда и поймешь, что за труд – унижаться и обмораживаться. Да и кто побирается на твоих глазах, разве розовощекие, сытые на рожу? Ведь старухи да инвалиды, ничего не понимающие дети. И таких безвинных теперь больше – беженцев, душевнобольных, заброшенных, детей, вышедших из тюрем баб да мужиков, но опустившихся именно без работы, не нужных людей. У них тот туберкулез, который никто не лечит, и потому, что не лечат. Они спят на вокзалах, потому что больше им негде спать. Они напиваются допьяна, чтобы довести себя до бесчувствия, - попробуйте ходить раздетыми по морозу и так, как они, существовать. Как же они порочны, если голодают и замерзают, если умирают? Страдание, мучение – это ли порок? (Павлов, 142).

Другое противопоставление, имеющее в тексте концептуальное значение, это

Советское время		нынешнее время
<i>худобедно</i>	<i>содержались</i>	<i>давным-давно стало все не так; жить стало втрое трудней и сложнее;</i>
<i>государством</i>		<i>требуется уже надрыв сил, чтобы просто остаться человеком, облик сохранить человеческий;</i>
<i>статья о бродяжничестве</i>		<i>отменили</i>
<i>все они были люди</i>		<i>тунядцы, пьянчуги</i>
<i>работающие</i>		

Прагматический смысл понятия «бывшие люди» фиксируется в тексте следующими семами:

- оценочные семы: *как зверье*; синонимический ряд (*заживо гниющие - не люди, живые трупы; бомж, то есть труп; зеки, «каэры», «чесеоры»*); *будто вытащенные из воды рыбины; крепчайшие люди; нет сил; (не) сильный; (не) способный справиться с трудностью и сложностью; не хозяин себе и своей судьбы*;

- эмоциональные семы: *горько; безнадежность (выживаешь, как можешь, до самой смерти)*;

- семы-отношение: *равнодушие («Если нет у тебя жилья да паспорта, то хоть умирай»); сочувствие («Нет у них сил, у этих крепчайших людей» - оксюморон, употребление обобщенно-личных конструкций (с восстанавливающимся местоимением ты) показывает, что автор не дистанцируется от объекта оценки; ненужные («Воздух городов чист»); обвинение — укор, «совесть усыпить», «ненависть разжечь»;*

- ассоциативная сема: *конец века (= света)*.

Сигналы авторской оценки находятся в сильных позициях текста. Это, во-первых, заголовок, во-вторых, инициальное предложение и описательно-распространительный правый контекст к нему:

Людей этих называют бомжами. живут они воровством, попрошайничая, а то и как зверье – на помойках, поедая отбросы, падаль... Все дело в том, что у этих людей нет жилья. А раз нет жилья, то нет и прописки с паспортом. Если нет у тебя жилья да паспорта, то хоть умирай. Но сразу-то не помрешь. И, гонимый голодом, холодом, беспросветной угрозой побоев от милиции да и от всякого загулявшего молодца, ты и выживаешь, как можешь, до самой смерти. (Павлов, 138)

В-третьих, финальная позиция.

«Страдание, мучение – это ли пороки <...>

Когда недавней зимой бездомных по приказу градоначальства, дабы очистить эти самые вокзалы от скверны и угодить москвичам, погнали за сто

первый километр, то сколько вымерло их в пустынных Калуге, Александрове, Твери, никто не считал. Никто и не считал» (Павлов, 142).

Кроме того, это позиции повтора и синонимической замены. П.: *нищие да бездомные; бесправие; голодают*. Синонимические ряды: *бесправие – усечение в правах; заживо гниющие – не люди – живые трупы – бомж, то есть труп – зеки, «казры», «чесеоры»*.

О. Павлов. Степная книга: Повествование в рассказах

Действие книги О. Павлова разворачивается в армии, в среднеазиатской степи. «Это, пожалуй, первое истинно художественное произведение на «армейскую» тему, посвященное людям, пытающимся не только выжить, но и жить в условиях полной изоляции от «нормального» мира [Павлов 1998:4]. Прилагательное *казенный* приобретает в повествовании не только тематическую, но и аксиологическую значимость.

Экстенционалом знака являются сферы: армия, военное поселение, лагерь заключенных, солдатские казармы, лечебно-трудовой лагерь для пьяниц, рота, зона.

Прилагательное *казенный* реализует в тексте, прежде всего, словарные значения 'государственный' и 'формальный, бюрократический' [БТС 1998: 409], но в сюжетном контексте приобретает значение 'бездушный', 'античеловечный', 'дьявольский', 'покорный', 'подчиненный': «Глотов был робким человеком. А в Бога не верил. Службе государственной душу вверял и делался покорным, тихоньким, будто за одно это обещали похоронить с оркестром» (с. 53). «За гармонь старшине чаще выговаривать по службе стали. Пошли слухи. Кто-то и начальству полковому донес. Прибыли проверяющие из полка. И раскричались, что Дема воеет в казенном помещении, что харч казенный жрет, что на табуретке сидит казенной, что не положено

душевнобольных при казарме держать» (с. 57).

В контексте наблюдается контаминация указанных значений, «наведение» сем ‘государственный’, ‘формальный’, ‘бюрократический’:
«В полку издалека плюнули в трубку и прекратили тратить на зарвавшегося служаку казенную связь. С грузовиком даже не поторопились, он прибыл в роту, точно его сплавляли по воде» (с.73).

Ближайший контекст и контекст всего произведения актуализирует в значении прилагательного *казенный* семы ‘чужой’ («Жил Глотов в военном поселении, неподалеку от лагеря заключенных и солдатской казармы. Кругом простиралась степь, и как бы близко ни соседствовали эти здания, а все казалось что они друг от друга далеки и разбрелись по холодному, пронизанному ветрами простору, будто чужие или поссоренные», с. 57); ‘**отчужденный от людей**’, ‘ничейный’ («Лечебка и рота много лет мирно делили этот пустырь. Он считался ничейной территорией. Земля здесь пустовала, отчужденная вообще от людей как зона близкая к охраняемой» (с. 87); ‘**подневольный**’ («Человек он казенный, и как ни упрямлся, обязан был занести в дело» (с. 79).

Итак,

1) аксиологемы представляют собой субтекстовые категории, фиксирующие авторскую эмоционально-интеллектуальную оценку, его субъективные ценности;

2) в сильных позициях ментального пространства текста аксиологемы приобретают концептуально значимый смысл;

3) рождение значения аксиологического знака происходит в результате текстового композиционного распределения и взаимодействия общеязыковых (родовых и дифференциальных) и индивидуально-авторских (коннотативных) сем;

4) сочетаемость слова - аксиологического знака расширяет его семантический объем.

5) концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты.

2.1.2. Степная книга. Повествовательная форма. Стилль. Жанр. Система и специфика текстовых категорий

Жанр книги определен как «повествование в рассказах», состоит из трех циклов объединенных тематически, стилистически, авторской позицией («художественное произведение на “армейскую” тему, посвященное людям, пытающимся не только выжить, но и *жить* в условиях изоляции от “нормального” мира” (с. 4)) и художественным образом, «духом азиатских степей» (с. 7) («*Глядя кругом он поневоле побаивался этой степи: «Змеями пахнет, шкурой их вяленой...»*», с.97). Первый цикл лирический, «Караульные элегии». Второй – драматический, «Записки из-под сапога». Третий – трагический, «Правда карагандинского полка». «Степная книга» - это для автора «первый сознательно подведенный итог, и в творчестве, и прожитому, освобождающий от старых долгов» (с.7). Первая категория, которая объединяет три цикла рассказов, написанные в разное время, в единое произведение – это **образ автора, фигура повествователя**.

Целостность структуры и композиции текста «Степной книги» обеспечивается единством стоящего за ним сознания, образом автора, который может быть реконструирован читателем. Несмотря на то что, к примеру, В.В. Виноградов подчеркивал невозможность использования биографических сведений при трактовке образа автора, мы считаем это необходимым, т.к. авторское сознание как средоточие, комплекс идей, эстетических, нравственных установок, ориентиров, которое транслируется в образе автора, формируется под влиянием жизненных

обстоятельств.

Такие биографические вехи, как «болезнь чтения» (Ф. Достоевский¹, А. Платонов² и т.д.), служба в конвойной части внутренних войск МВД СССР (Туркестан – Средняя Азия, Карагандинская область – Северный Казахстан), работа вахтером в больнице, определили творческую авторскую позицию: «<...> воспринять потустороннее, условное с точки зрения человеческого страдания я больше не мог – ни в жизни, ни в литературе. Не думаю, что трагическое это ощущение – книжное, и что я ранен им был как амурной стрелкой из книг. Эти книги, которые ранили меня, питались той же душой, правдой, жизнью. Это ощущение, уже как опыт, только усиливается во мне от прожитого» (О. Павлов. Биографическая записка, с.5-6); «<...> литература и есть для меня жизнь, а не цепочка каких-то непонятных бездушных творческих достижений или чистое искусство. Меня вдохновляли писать только люди, которые как бы брали с меня слово, а уж их-то подвести, обмануть я не мог. И оказись моя проза никому не нужной – не будет нужной и мне; и во-вторых, пишу я потому, что только человек трогает и удивляет, а ко всему остальному я глух <...>» (там же, с.7).

Порождающее авторское сознание выявляется уже с выбора автобиографической темы произведения. В ситуации нарратива аналогом образа автора является повествователь: «<...> именно повествователь

¹ «Сознательность пробудил Достоевский – «Униженные и оскорбленные». [Черты данного предтекста аллюзивно присутствуют в творчестве О. Павлова, оформляя внешнюю интертекстуальность. – Т.Р.]. Это не просто книга, а в ней есть с тех пор и моя судьба. Мне тогда стало невыносимо больно, стыдно, я был точно в мозг ранен ясностью и правдой ведь и детских каких-то страданий. И потом все герои Достоевского были для меня не как дети, а именно дети, и про слезу ребенка я понял – что это такая вот человеческая детская слеза. И хоть мне хорошо было в доме, и я был любим, изнежен даже любовью и пониманием, но мне-то всегда потом чудилось, что много страдаю и что всем кругом плохо, что и все страдают, но должна быть какая-то правда в жизни, справедливость, которая человека сделает сильным, защитит» (О. Павлов. Биографическая записка, с.5).

² «Духовно повлиял Андрей Платонов. Повлияло и то, что, читая «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, который открыт был тогда для прочтения «Новым миром», наткнулся на описание Карабаса, того лагеря, где служил. Тогда же прочитал в библиотечке «Огонька» <...> книжку неизвестного мне писателя Юрия Ковалева, и проза его выдавила у меня ком из горла. Коваль-то и обучил меня писать, его «Картофельная собака»; писал я кое-как потому, что мучился безысходностью, злом, боялся вообще легкости слова, слов, а проза Ковалева в одночасье влюбляла в жизнь» (О. Павлов. Там же, с. 6-7).

является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель» [Падучева 1996:201-202]. Авторское сознание представляется и смыслом, и замыслом произведения, авторской концепцией, системой оценочных категорий: идеологом, аксиологом, мифологом, - а также средствами, при помощи которых этот смысл транслируется.

Тип повествователя «Степной книги» - диегетический, персонифицированный, принадлежащий миру текста. Несмотря на то что повествователь называет себя только в 1-м лице, его нельзя считать экзегетическим, т.к. относящиеся к нему предикаты не носят метатекстового характера, повествователь является непоименованным персонажем-солдатом, участником сюжетного повествования, из которого складывается минимальная биография, он занимает определенную пространственно-временную позицию в тексте: *«К вечеру солдату очень хочется жрать. А потому я очень обрадовался, когда ротный, товарищ лейтенант Хакимов, наказал, с обычным для себя матюгом, выстраиваться на ужин»* (с. 8). В «Повествовании в рассказах» сочетается перволичная повествовательная форма, где рассказчиком является персонаж, и нарратив 3-го лица. В пределах структурного целого, отдельного рассказа, единство точки зрения повествователя, как того требует повествовательная норма, сохранено.

Перволичная форма повествования не соотносится с наличием имени у героя-повествователя, это создает эффект обобщения образа повествователя (я один из многих=солдат): *«**Наши** лейтенант Хакимов прячется от жары, как грибок, под шляпочкой-фуражечкой»* (с. 10). Повествователь всезнающий, мотивированный, носитель определенных морально-эмоциональных установок: *«Ему кажется, что оскальные зеки вбиваются в него и клыками рвут на куски <...> А мы с Долоховым жалеем его потому, что уже мертвы. Мы умерли первыми. А часом*

позже порезанными оказался весь взвод, в котором был лейтенантом Хакимов. Он прячется под фуражечку. Он страсть как боится мертвецов. А еще ему стыдно. Это он на устроенном понарошку имоне наказал, чтобы я стал конвойным, а Долохов зеком. Долохов должен был прятать лезвие бритвы, а я – его отыскивать» (с. 11).

В редких случаях свои функции повествователь передает рассказчику, например, в рассказе «Петушок» цикла «Правда карагандинского полка» рассказчик Чумаков, *«отсидевший в дисбате шоферюга» (с. 125).*

Итак, повествовательную форму «Степной книги» О. Павлова можно определить как традиционный нарратив, как форму, при которой залогом композиционной целостности текста служит сознание повествователя. Внутри повествования сочетается перволичное повествование (повествователь – персонаж, рассказчик – персонаж) и нарратив 3-го лица (экзегетический повествователь), при этом в пределах одного рассказа сохраняется единство точки зрения повествователя. В нарративе 3-го лица «авторская субъективность» не исключается, она ограничена пределами лирических и риторических отступлений. В перволичном нарративе субъективность допускается в основной корпус повествования.

Средством трансляции авторского сознания, средством создания образа автора является все: от морально-нравственных оценок образов персонажей до употребления знаков препинания и графических средств» [Мельничук 2002: 49].

Смысл названия. Образ степи

По выражению самого автора, книга выросла из образа, духа азиатских степей» (с. 7). Естественно, этот образ цементирует цельность «повествования в рассказах» и именно поэтому выносятся в сильную позицию текста, в позицию заголовка. Образ степи является воплощением основных образов русской ментальности - простора и пространства. «Мир

дышит сгущениями и разжижениями пространств» [Колесов 2006: 132] Простор и пространство неразрывно связаны с образом пути-дороги, движения. В.В. Колесов пишет: «<...> со словом путь связано обозначение не просто пространства, но еще и некоего труда, необходимого преодоления такого пространства, и опасности движения по нему. Переход через враждебную местность и связанное с этим преодоление, а не простое шествие по дороге: *путишествие*. Выйдя за пределы родного племени, путник встречал всевозможные лишения и беды <...> Преодоление трудностей, освоение жизни и освобождение русский человек обретает в пути. Дорога – овладение пространством, путь - временем: *дальняя дорога – жизненный путь*» [там же: 265-266]. Итак, модально-оценочные компоненты значения слова *степь*: 'опасность', 'враждебность', 'труд', 'преодоление', 'чуждой', 'беда', 'лишение', 'испытание'.

В лексикографических источниках слово *степь* имеет несколько толкований. Так, «Малый академический словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой дает такое значение слова *степь*: «обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата. // Устар. Пустыня» [МАС, т. IV : 262]. Аналогичное значение находим и в БАС. В Словаре же В.И. Даля приводится несколько иное толкование, уточняющее и дополняющее семантику слова: «<...> въ южн. и восточн. хозяйствѣ степь, какъ трава, покось; пажить, пастбище, противоплагается лугамъ, а какъ хлѣбородная земля, то же, что цѣлины, новина, непашь, то есть земля задернѣлая, ковыльная, на которой нѣтъ слѣдовъ сорныхъ травъ» [Даль, т. IV: 322].

Если же обратимся к этимологическому словарю, то обнаружим, что реконструкция исходной формы сопряжена с трудностями и, следовательно, не является доподлинно известной. В силу утраты определенной части семантики говорится об омонимии значений, которую

не отражают современные словари. Подчеркивается, что **степь I**, ж.р., др.-русск. Степь, то есть «низина», однако допустимо также предположение сближения **сътеп* от *тепу*, то есть «вырубленное место». Недостоверно, но возможно также родство **стъль* с лит. *stiepti, stiepiù* «тянутся, простираться <...>, лтш. *stàipît, stàipu* «тянутся, вытягиваться, растягиваться» [Фасмер, т. III: 755-756]. Рассматривая же **степь, степ II**, Ф. Фасмер дает следующее значение: «холка, шейный хребет лошади». При этом делается ссылка на Словарь В.И. Даля, в котором *степь* имеет одно значение – «безлесная возвышенность, водораздел». Не исключается также вероятность связи со словами *степень, стопа* и возможность тождественности этимологически **степь I**, если последнее первоначально означало «возвышенная равнина» [Фасмер, т. III: 756].

Таким образом, анализ статей дает возможность говорить о разном представлении лексического объема значения слова *степь*. В современных словарях в качестве основного денотативного значения выступают семы, выражающие определенный, но не достаточно полный ряд когнитивных признаков: *занимать определенное пространство, иметь ровную поверхность, безжизненность*.

В историко-этимологических словарях же обнаруживаются существенные дополнения: во-первых, *степь* либо низина, либо возвышенность; во-вторых, семантическая объективация пространства различна (через собственно пространственные категории «вырубленное место» или через временные «тянуться, вытягиваться, простираться»); в-третьих интересна связь с существительными *меры* и *степени*. Семы *протяженность во времени, обозначение водораздела, отсутствие хозяйственной деятельности* обогащают ряд ранее выявленных когнитивных признаков и дают возможность более детального и целостного анализа слова.

Достаточно велико и ассоциативное поле слова-стимула *степь*:

широкая 22; *кругом* 14; да *степь* кругом 7; *травы* 4; голая, *простор* 3; бескрайняя, *большая*, ковыль, *поле*, раздольная, украинская 2; *бесконечная*, *бесовская*, *беспредельная*, *вольная*, *дальняя*, да *степь*, *игра*, ковыльная, кони, красивая, кузнечик, лесостепь, лошади, *луг*; мороз, зима, Новый год; необъятна, необъятная (взглядом), *ночь*, огромная, перекасти-поле, *песню*, *песок*, *петь*, пруды, *равнина*, раскинулась, сайгак, скучная, *спеть*, степ, *степь*, *тайга*, целинная, *чудо*, широка; широкая, привольная; широко 1; 102+49+0+37 [РАС, т. I: 629].

В этом ряду ассоциаций особенно хочется отметить тот факт, что *степь* воспринимается не только как определенный пространственный ориентир, хоть это и важно, но и как символ воли, простора, свободы, жизни, что, несомненно, обогащает концептуальное поле. Налицо сакрализация определенной части семантики лексемы, которая выступает как слово-символ, содержащий гипероним родового смысла. Вещное превращается в морально-нравственный символ, то есть вечную ценность, идею [Руднев 2009].

Таким образом, в сознании русского человека степь представляется как синкрета реально-физического и сакрального, пространственно-временного и морально-нравственного, этического. В этой связи, как нам представляется, тезис Л.В. Миллер о том, что степь – «безграничное некультуренное пространство, стимулирующее проявление кочевого инстинкта» [Миллер 2003, с. 88], является достаточно спорным, ввиду того, что степь есть сложный символ и понимание его не сводимо только к раскрытию отрицательных семантических потенциалов этой пространственной категории. *Степь* не только содержит семы 'беда', 'грех', 'смерть', но и соответственно репрезентирует значения 'родство', 'надежда', 'исцеление', 'очищение' и 'возвращение'.

О монотонности русского степного пейзажа В.О. Ключевский говорил как о факторе, погружающем мысль в сонливость и отсутствие

четкости [Ключевский 1999].

В тексте «Степной книги» «степь» получает разное языковое воплощение и характеризуется рядом семантических признаков, характеризующих данное концептуальное поле.

1. *‘Холодное пустое место, вызывающее тоску’*: «Он сидел, как молятся мусульмане, **одиноко** возвышаясь над тем **холодным пустым местом**, бессвязно что-то бормотал, **тосковал** по человеку, которого убил» (с. 158).

2. Концептуальное поле **Степь** корректирует в тексте с концептами **Простор, Воля, Судьба, Путь**, с образом **Дороги**. Его репрезентация осуществляется посредством самой лексемы *степь*, контекстуальных синонимов *простор, дорога* (наиболее важные локусы художественного пространства). Сама ядерная лексема *степь* фиксирует в тексте романа словарные значения: «1. Обширное пространство; 2. Покрытое травянистой растительностью; 3. Протяженность во времени»: *«Людей в поселенье так вот, как по воле ветра, - кого заносило, кого уносило <...> И когда неожиданно требовалось вытащить кого-то из лагеря да свезти на следствие в тюрьму, в следственный изолятор, - это и был путевой конвой – то фигурка этого снова подсудного человека на глазах гнулась, делая только шаг от зоны, а само то, что начинало происходить, казалось чем-то неправильным: вся эта дальняя чужеродная до тюрьмы дорога»* (с. 94).

3. Степь как *‘чужое’, ‘некомфортное’* пространство убивающее человека: *«Жил Глотов в военном поселении, неподалеку от лагеря заключенных и солдатской казармы. Кругом простиралась степь, и как бы близко ни соседствовали эти здания, а все казалось, что они друг от друга далеки и разбрелись по холодному, пронизанному ветрами простору, будто чужие или поссоренные»* (с. 57); *«Но подневольная ночная жизнь в карауле казалась подземельем. Дневной свет не радовал, проникая лучиком*

в это *безвыходное* *суточное заточенье*. На вышках *жестoko* *томил* *распахнутый* до горизонта *непроглядный степной простор*. Ветер одним духом своим волновал ровные густые травы, и они стелились по земле, *громadные* да *голубоватые*. На зоне всегда *мучили мысли* о доме. Тянуло *отчаянно* бросить службу да бежать в степь» (с. 86); 'ничейная территория', 'пустая', 'отчужденная от людей': «Лечебка и рота много лет мирно делили этот пустырь. Он считался *ничейной территорией*. Земля здесь *пустовала, отчужденная вообще от людей*, как зона, близкая к охраняемой» (с. 87).

4. Степь пугает (семы 'боязнь', 'смерть'): «Глядя кругом, он поневоле побаивался этой степи: «Змеями пахнет, шкурой их вяленой... (с. 97); «По краям поля собрали из бревен ворота, похожие на виселицы, которые с того дня пугали сторонних людей своим видом» (с. 87).

5. Оценочные семы: заголовок рассказа «*Великая степь*». Образ-символ степного пространства. В структуру образного значения входят семы 'гладь', 'сон', 'покой', 'вечность', 'смерть', 'бесприютность', 'тяжесть', 'жара', 'мороз': «Лагерное поселение в кулундинской степи жило своей *сонливой, почти мирной и нетюремной жизнью*. Долгое марево степного лета и *беспробудная* степная зима, с ее снегами выше человеческого роста, *мертвящими ледяными* ветрами, близким *свинцовым непроглядным* небом, погружали это местечко будто в *сон*. Казалось, что и зло здесь *не свершится никогда*, потому что круглый год живут люди *по жаре* или *по морозу как во сне*, ходят – бродят то жаркими *бестелесыми тенями*, то окутанными *паром и стужей призраками* <...> поволнуется – и умахнет по *степной глади*» (с. 94).

Символическое значение слова *степь* связано с такими противопоставлениями, как «жизнь - **смерть**», (сон) – конечное – **бесконечное**», «верх-низ» (вербализовано в тексте с помощью лексем *небо* и *степь*).

Диффузность концептуального поля «степь» проявляется в нивелировании дихотомии **жизнь – смерть** (см. пример текста с. 94), хотя, скорее, данная пространственная категория, ее образно-символическое воплощение в тексте, выступает в качестве символа смерти (сна). Не случайно В.О. Ключевский указывал на то, что «степь <...> вместе с дарами несла... едва ли не более бедствий» [Ключевский 1987, т. I: 84]. В русской символике *степь* является гибельным пространством. Оно «незащищенное, мужское, место битвы: с врагом или с природой» [Шейнина 2003: 71]. В этой связи абсолютно очевидна концептуализация степи как стихии. Человек противопоставляет себя этому разрушающему началу и нередко становится его жертвой. Таким образом, в концептуальном плане *степь* и *смерть* синонимичны [Руднев 2009: 140].

С другой стороны, анализ самой лексемы и наиболее типичных для нее образцов сочетаемости свидетельствует о том, что *степь* есть не только отражение безмерности, тоски и т.д., а, скорее, наоборот, символизирует волю в высшем ее проявлении (*великая степь*), родство с землей и окружающим человека миром. Подобное единение фиксирует мифопоэтическая традиция и русская религиозная философия [Руднев 2009; Колесов 2006].

Авторское сознание воплощается в авторском отношении к изображаемому (**авторской модальности**), которое проявляется в **специфике воплощения текстовых характеристик и субкатегорий текста**.

Авторская интенция меняется от лирической (**элегии**) до трагической («**Правда карагандинского полка**»). Это определяется спецификой членения текста на три самостоятельных блока рассказов, внутри которых каждый рассказ автосемантичен, но одновременно интегрирует, соотносится и с заголовочным блоком части и книги в целом. Таким образом, каждый блок целен и завершен, и книга воспринимается

как единое, целое, завершенное произведение.

Первый блок рассказов объединен заголовком «Караульные элегии». Обратимся к словарному определению жанра элегии. «Элегия ... [... жалобная песня]. 1. Лирическое стихотворение, проникнутое грустью <...>. 2. Вокальное или инструментальное произведение, проникнутое грустным, печальным настроением. 3. Устар. Грусть, меланхолия. *Осенняя Э. в природе*» [БТС: 1518].

«<...> В новой европейской литературе Э. теряет четкость формы, но приобретает определенность содержания, становясь выражением преимущественно философских размышлений, грустных раздумий, скорби <...>» [Тимофеев, Тураев 1978: 211].

Для передачи смысла, связанного с устойчивым чувственным образом, достаточно значения отдельного слова, которое активизирует данный образ. По мере усложнения выражаемых смыслов возникает необходимость использования более сложных знаков (словосочетаний, предложений, текста). Отдельные, концептуальные смыслы могут быть переданы только с помощью целого текста или ряда текстов одного или нескольких авторов. К таким смыслам относятся концепты-заголовки. Они требуют осмысления большого количества ситуаций, отражающих определенные, взаимосвязанные аспекты заголовка-концепта. Рождение нового значения комплексного знака, каким является словосочетание *караульные элегии*, происходит в результате текстового композиционного распределения и взаимодействия общеязыковых (родовых и дифференциальных) и индивидуально-авторских (коннотативных) сем и не равно сумме значений частей сложного знака.

Сочетание с определением *караульные* актуализирует переносное употребление слова элегия: '*грусть*', '*меланхолия*', '*скорбь*', '*философские размышления*' в синтагматической сочетаемости смысл знака можно интерпретировать как '*философские грустные размышления служащего*

конвойной роты', 'грустные раздумья о жизни солдат караульной службы' и т.д. Название одного из рассказов каждого цикла повторяет название всего цикла. В данном случае для названия рассказа автор употребляет форму ед. числа, «*Караульная элегия*». Таким образом, во-первых, актуализируются значения 'жанр': «произведение, проникнутое грустным, печальным настроением»; 'содержание жанра': «выражение философских размышлений, грустных раздумий, скорби» (рассказ о жесткости нечаянных расправ и о ритуальном искуплении вины: о раздавленных солдатскими сапогами совокуляющихся ящерах и о дальнейшем их ритуально-солдатском захоронении); во-вторых, пропадает возвышенный романтико-лирический ореол, нивелируется стилистико-оценочная сема в структуре знака *элегия*, что спровоцировано нарушением стилистической и семантической сочетаемости (*караульная элегия*).

Указанные выше семантические компоненты лексического значения слова *элегия* «наследуются» названиями рассказов цикла «Караульные элегии»: «Тайная вечеря», «Между небом и землей», «Горе в котелке», «Живой», «Солдатская».

Название «Тайная вечеря» является прецедентным высказыванием, имеющим полную парадигму, т.к. отсылает к прецедентной ситуации Последней Вечери, распятия и воскрешения Христа, к прецедентными текстам Нового Завета и картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», к прецедентным именам Христос, Иуда (причины предательства одного из апостолов, учеников Христа). Прецедентное имя, вынесенное в заголовок, соотносит содержание рассказа с глобальным культурным контекстом и порождает интертекстуальные смыслы. Интерпретация содержания текста О. Павлова через предтексты (библии, Леонардо да Винчи) снижает стилистическую коннотацию прецедентного сочетания *Тайная вечеря* с книжкой, возвышенной, устаревшей до иронической, бытовой, лишает его общекультурологического смысла. Приведем контексты.

*К вечеру солдату очень хочется жрать. А потому я очень обрадовался, когда ротный, товарищ лейтенант Хакимов, наказал, с обычным для себя матюгом, выстраивались **на ужин**. <...> Столовка за завтраком и столовка за ужином разнились. Завтрак – это светло и солнечно. Быть может, поваренок поутру не забывает подсыпать в кашу соли и проследить, чтобы разваривалась крупа. Для поваренка утро очень важно, оно начало. К началу с пристрастием пронюхиваются все. **Выдержав утреннее испытание**, разомлевший поваренок варит обед поплотнее. А **ужин** варит совсем худой.*

*Поэтому и на электричество в столовке этим часом не тратились. И в подернутом мглинкой котле солдаты еле примечали перловку <...> А в серых сумерках пахло хлебом, и солдаты, хрипато задышав, **искали его глазами** (с. 8-9).*

Подчеркнутые слова в своих парадигматико-синтагматических связях выявляют сниженный стилистический смысл заголовочного словосочетания и наполняют его другим концептуальным смыслом. Ср. словарное: «**Вечеря** <...> Устар. Вечерний прием пищи; ужин. Δ Тайная вечеря. Церк. В христианской религии: последний ужин Иисуса Христа с апостолами, на котором было установлено **таинство причащения**» [БТС: 123]. «Тайный <...> 1. Представляющий тайну для кого-либо, скрываемый от кого-либо, известный немногим <...>. 2. Не обнаруживающий себя явно, действующий скрыто, замаскировано <...> Сокровенный, скрываемый от других, затаенный (о мыслях, чувствах, переживаниях). 3. Неясный, смутный, не вполне осознанный <...> 4. Непостижимый, таинственный. 5. Не разрешаемый законом, подпольный <...> 6. Предназначенный, служащий для ведения секретных дел, секретной службы <...>. [БТС: 1303].

«**Тайный**, сокрытый, сокровенный, составляющий для кого-либо тайну, неизвестный никому, или скрываемый от кого, секретный,

неоглашаемый <...> Тайная вечеря, црк. Прощальная Трапеза Ис. Христа съ учениками <...> [Даль, т. 4: 386].

Прецедентное имя *Тайная вечеря* утрачивает высокое сакральное значение ‘*прощальная трапеза*’ и приобретает значение ‘*ежедневный вечерний прием пищи*’. Прилагательное *тайная* в прецедентном значении 1,4 (см. выше БТС) от «таинство» - ‘священная, сокровенная, неоглашенная’ (высокая коннотация) развивает значения 5, 2 (БТС), ‘темная, покрытая мраком, нечестная, скрывающая правду’ (отрицательная коннотация).

В тексте актуализированы культурные ментальные семантико-когнитивные ассоциации (связи) – клише сознания некоторыми словами-стимулами. См. выделенные знаки: 1) во-первых, заголовком; 2) «<...> *Котелок показался нескоро. Выплеснувшись из сумерок, он плыл, тяжело поыхивая паром, самым тихим ходом, и Долохов, посчитав себя прощенным навеки, подволок его к кромке стола. «Кушай, Палыч, всего приятного», - сказал он и зачавкал своей кашей.*

Зачавкали все. И мушиная стайка, вспорхнув, нависла над столами, без расторопки размышляя над тем, что было завещано ей на доньшке котлов раздатчиками» (с. 9).

<...> *Чтобы не скучать зря и не забываться от скуки, я стал думать. Я думал. Мне жалко было тратиться на мелочные обиды за остывшую порцайку и ушлых поварят. Я думал о Боге. «Славу Богу!» - подумал я о нем и проглотил ложницу остывшей кашей. О нем можно было думать сколько угодно долго. Дольше, чем выскребешь котелок. И даже воображать – бледно-лицево, с реденькой бородкой и набухшими глазами. Вот он входит украдкой в столовую, присаживается на скамью, и солдатня, оторопев, глядит на него <...>.*

Бежать и думать немогуту – очень голова трясется. Но я успел подумать, а потому хочется побыстрее про это досказать. Я, когда со

*скамьи поднялся, об одном спросить хотел: «Братки, может знает кто: куда, скажите, **Бог** муху приведет, если она, по случаю, на него, как на нас, сядет?» (с. 10).*

Стилистическому снижению заголовочного знака способствует сопутствующий образ (казарменные мухи), который используется в начале и в конце повествования.

Другим образом – символом солдатской жизни является котелок (рассказ «Горе в котелке»): *«Котелок – это такое приспособление, из которого солдат ест и пьет, чтобы дольше пожить на свете. А живой, он опять же изнывает от голода и засыпает со снами о пищевом довольствии. Голодать солдату больно и страшно <...> Котелок дышал кашей и чаем. В его глуби было покойно, сухо и тепло. Так что каждому хотелось пробраться в свой котелок и пожить, хоть одно короткое мгновенье, в сытости и тепле. Позвенеть из обыкновенной человеческой подлости оттуда ложкой, а потом еще позвенеть, и еще» (с. 20,22).*

«Грустные размышления» о солдатской жизни, «скорбь» связаны с актуализацией концептов **душа – сердце – любовь – жизнь**. Душа трактуется как богатство, которое нужно прятать и хранить (рассказ «Между небом и землей»: *«Я же, скряга, как в кошель, в местечко укромное, по крохам хоронил в нем последнее свое богатство – душу, и боялся, боялся его потерять. А иные теряли, не в силах выдерживать схватки с чьими-то глазами, что посильней и упорней <...>» (с. 12), **сердце** – как замена человека, альтер-эго, которое «обижается», «ему больно» (сердце – субъект, испытывающий состояние); безличн. предлож., косв. субъект), оно наделяется предметными признаками (его можно «транспортировать»), оно может разорваться), признаками живого существа, является символом жизни: *«Я думаю: почему ваше сердце не разорвалось этим же утром. Оно как чужое. Решительно – оно обижено на вас чем-то и от обиды нарочно не разорвалось. Пейте немедленно эту**

пилюлю, а потом повезем его в Ташкентский военный госпиталь». – «Кого?» - «Сердце, разумеется, - ему, должно быть, очень больно». – «А я как же без сердца буду жить?! Я не хочу, чтобы его от меня увозили. Доктор, а вдруг обратно не вернут?» - «Тогда повезем и вас, и его – всех вместе. Вы какой с ним роты?» <...> У меня заболело сердце. И как оно не понимает, обидчивое, что умри я, и оно могло этим же утром разорваться. Мне кажется несправедливым, что от такого маленького, как воробышка, вздорного существа зависит моя жизнь. Лучшие б зависела от ноги – она большая и, судя по мозолям, совсем не прихотлива. А еще, истертую сапогами в кровь, ее можно мазать ваткой с йодом и дуть, чтобы не щипало, - самому.

Я устал от боли. Выйдя из лазарета, слепну от солнца, и ничего не узнаю. Но все-таки, как хорошо, что моему сердцу расхотелось умирать! Теперь расхотеть осталось мне, и тогда – мы будем живы» (Рассказ «Живой», с. 14-15). Лексема *живой* получает индивидуально-авторское значение ‘способный плакать, тосковать, переживать’ (рассказ «Солдатская»).

Сердце – символ любви. Ср., как используется буквальное и переносное значение слов, значение фразеологических единиц в раскрытии указанной символики: «<...> изображение вырезалось особо – с завитушками в форме сердца <...>» **А я свою это ... из сердца вон** <...> Ну-ка, **давай** ее на раскрутку, **в круг!**» <...> По щепоти сочувствующие добрели табачком, и говоривший за бабский блуд сворачивая из сердечка с завитушками и казенной махры цигарку. Он же и раскручивая, любуясь как **пылает угольком актеркино тельце** <...> Так **чаровница погибала на треть, сгорая лбом, губами и грудью, после чего цигарка пускалась в круг, и солдатня пепелила угрюмо оставшееся от живота до лодыжек. Послед затапывался, и делились кто чем мог из привнесенного в круг** <...> «Петька, слышь, **когда твою-то палить будем?**» <...> - «**В круг не**

дам». – «*А чего так? Нешто мы для забавы – мы для души палим*» (рассказ «Пепел», с. 19).

Цикл «Записки из-под сапога» можно назвать зарисовками о «несуразной» солдатской жизни.

Предлог «**из-под**» - «соединяет значения предлогов «из» и «под» (Ушаков, т.1: 1179). В данном авторском употреблении, на наш взгляд, совмещаются следующие значения указанного предлога: «указание на предмет, под которым находится место, откуда осуществляется действие, движение», «указание на состояние, положение, от которого кто-что-л. освобождается»; кроме того, словоформа «из-под сапога» формально, а потом и семантически ассоциируется с переносным значением словоформы «из-под полы», «из-под прилавка» (*‘в обход закона, неофициально’*). [Объяснительный словарь русского языка: 142], ср. название последнего цикла «**Правда** карагандинского полка».

Открывается цикл рассказом «Облака». По мнению исследователей, *облака* – пространственный локус, который «активизируется как культурно значимый для русского сознания в периоды, именуемые кризисными, связанными с некими социальными переломами» [Лассан 2007: 29]. Облако используется как метафора «внутреннего состояния человека..., отражаемого в лице, глазах...» [МАС]. *Облака* отражают вертикальную ориентацию *пространства* / *простора*, его направление **вверх** в противопоставлении **низу (земле)**. В сознании носителя русской культуры существует связь «облачного» мира с представлением о духовном начале. Эта связь вполне объяснима и с точки зрения концептуализации мира в христианской культуре: здесь облако предстает одним из мест пребывания Господа – когда Иисус говорил перед учениками, «облако светлое осенило их; и се глас, из облака глаголющий: Се есть сын мой возлюбленный» (Матф. 17:5).

С формой множественного числа существительного *облака*

связывается идея движения, с формой единственного числа – идея невесомости, воздушности. Этот локус окрашен эмоцией печали и тоски по потерянному.

Среди факторов, позволяющих говорить об особой значимости вертикально ориентированного локуса облаков именно для русской культуры исследователи называют следующие:

« 1) историко-социальный: идея неестественного движения в культуре, существовавшей в условиях стеснения движения и подавления личности, делает символ такого движения особо привлекательным;

2) географический: размеры страны, делавшие труднодоступными для ее обитателей отдаленные пространства, побуждали к воспеванию объекта, способного преодолеть эти препятствия;

3) философско-религиозный: эсхатологическая идея как идея, по Н. Бердяеву, русская, особая обращенность к иному миру, побуждает предположить, что в поисках идеала носитель русской культуры чаще способен обращать взор к небу как локусу инобытия, месту будущего обитания. Этот фактор усиливается тем обстоятельством, что в русской культуре природа занимает особое место, причем природа не тронутая, естественная, не испытывавшая влияния человека (Полищук 1998: 373-376). Облака остаются практически последним уголком природы, почти недоступным преobraжению человеком <...>». (Лассан 2007: 39).

В рассказе О. Павлова «Облака» реализована указанная выше оппозиция *жизнь (небо, облака) – смерть (земля)* и ассоциативная связь *облака – небо - мечта – сон – тоска (о невозможном), смерть, земля*. См.: *«Под ногами поглядишь – земля. Топчи, куда живешь, не растопчешь: так коротка человечья жизнь <...> А в земле – жизнь: шебуршат, ползают. А мы по этой земле топчемся. Чудно, ей богу! Но жизнь в земле, по всему видать, скучная. Я на дне ямы посидел, покурил малость, и на сердце тоскливо стало. Не доыхтел, затоптал папироску-то, чтобы*

себя не мучить: успеется и в земле пожить...

<...> у всех одно и то же под панцирем. Тоска.

<....> А я, запрокинув голову, на небо глядел <...> Мне небо шире земли на глаз кажется <...> И чудится, что землю перевернули, и ты паришь в небе. Вот только ветер холодает в сумерки, и его острие вмиг рассекает человечье горло.

А пока я навис под небом. А заодно со мной и караульный дворик <...>

Тоска. И жрать хочется, как перед смертью. Будто по оплошности тебя в мертвяки записали и пайки не выдают, а нутро живое и просится...

<...> А тогда было утро И если сейчас бежать на багровый закат, сквозь ночь, без продыху, то, может, догонишь его? Оно покуда и глазам моим видно, на краешке земли стоящее, куда долгим днем вели его по степи убивать, опрокидывать навзничь – пасмурное утро того дня, когда послали конвой на запретку, чтобы вырыть ямы в земле под столбы для новой лагерной ограды <...>

Зек отдышался, чтобы сказать так: «Гроза будет, служивый... Глянь, какие облака....»

Смирнов запрокинул голову. И холодное, как ветер, лезвие вмиг рассекло ему горло <....>

А я жалел, что Леху в землю зарюют. Зарюют с небом в глазах. А оно все равно останется над ним висеть... И кто мне ответит – для чего жизнь устроена так. И знать хочу, отчего зеки пальцами тычут в небо. И еще подумал, что из земли неба не увидеть. Потому что темно в ней. И глаза застит (с. 38-41). На этой земле, в степи, в зоне, нельзя заглядываться на небо, облака, - неминуема смерть, так же, как нельзя мечтать, тосковать, жалеть, сострадать, можно только равнодушно наблюдать. Ср. рассказ «Лепота»: «Замерзаю я...» - простонал старик, и

глаза его как просияли. А потом закашлялся, да жестоко так, что Санька склонился над ним из жалости. Вот же из такой жалости, из какой не обогреть мог, а пристрелить. То есть даже и замараться против воли кровью. Ведь лежит на сырой земле старик и видом своим мучает <...> «Холодно!» - «В больничке будет тепло». – «Знаю. Отнеси туда...». « Не-е, уж полежи чуток. Это тебя санитары, их работа». – «А не бросят? Ты побудь со мной, тебе вот и крестик надо». « -Что, надумал, батя? Серебреца-то у тебя в кресте небольно, много не жди, на дам», - едва обрадовался Стрешнев. «Помнить будешь... Кха-кха ... Что я отдал. Меня помнить». – «Ну ты... А может, и задаром отдашь?» - «Кха-ха... Забудешь ведь...» - «Ну и валяйся...» - сказал Стрешнев и легонько оттолкнул старика (с. 50). И даже сон здесь не мечта, а кошмар (рассказ «Мертвый сон») «<...> где-то посреди русской той равнины изнемогнув и изнежившись душой, и поведал он боязливо, что вот уж месяц, как снится ему один и тот же сон <...>, что парашу и скоблит. И к нему заглядывает нездешний, добрый какой-то Оразгалиев, и говорит, что все уж блестит, уговаривая кончать работу... <...>» А я все скребу... Скребу и скребу...» (с. 69).

Рассказы, объединенные в цикл «Правда карагандинского полка», наиболее трагичны по содержанию Правда о жизни полка заключается в том, что «все начальники, а правды и порядка нет», что «жизнь в полку <...> делалась <...> тягучей и скучней» даже попугай «тоже сдох в этом громадном бездушном полку» (рассказ «Правда карагандинского полка»); ср. также названия рассказов «Расстрельная комната», «Смерть военкора», «Беглый Иван» и др., аллюзии на сталинские времена (рассказ «Старорежимный анекдот») или повествование о судьбе частного человека в «казенном доме» (рассказы «Гнушин и Мария», «Беглый Иван»).

2.2. В. Шаламов. «Колымские тетради». Индивидуально-авторская образная система. Аксиологические и идеологические смыслы. Время и пространство как эпическая категория

Все это ведь не точка зрения художника,
его перо, а лишь манера размышленья над тем,
что зло и что – добро.

В.Шаламов

Говорят, мы мелко пашем,
Отступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.
Мы ведь нашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

В. Шаламов.

Содержание и жанр своей автобиографической прозы В.Т. Шаламов метафорически сравнивает с зеркалом: *«Зеркала не хранят воспоминаний. Но то, что у меня прячется в моем чемодане, трудно назвать зеркалом – обломок стекла, как будто поверхность воды замутилась, и река осталась мутной и грязной навсегда, запомнив что-то важное, что-то бесконечно более важное, чем хрустальный поток прозрачной, откровенной до дна реки. Зеркало замутилось и уже не отражает ничего. Но когда-то зеркало было зеркалом, было подарком бескорыстным и пронесенным мною через два десятилетия – лагеря, воли, похожей на лагерь, и всего, что было после XX съезда партии»*¹.

¹ В. Шаламов. Житие инженера Кипреева / Воскршение лиственницы. – С. 185. Здесь и далее тексты В.

В своей исповедальной прозе («Очерки преступного мира», сборники автобиографических рассказов «Воскрешение лиственницы», «Перчатка, или КР-2» – повествование от 1-го лица с диегетическим повествователем – автором Шаламовым, являющимся и персонажем повествования) Варлаам Шаламов отрицает необходимость страдания. Писатель убежден, что в средоточении страданий – в колымских лагерях – происходит не очищение, а растление человеческих душ. Такая позиция определяет актуальные смыслы рассматриваемых текстов. В первую очередь, аксиологичным для автора является понятие **Человек**. Индивидуально-авторское понимание раскрывается в противопоставлении содержания понятия «человек» «на блатном языке» и «на языке интеллигента». «Человек на блатном языке – значит блатарь, уркаган, член преступного мира^{1,2}», человека на языке интеллигента отличает «пятое чувство» (или «таинственная страсть» по В. Аксенову), «пятым чувством является потребность в стихах^{3,4}».

Прием противопоставления ментальности людей, «всосавших русскую культуру с молоком матери»⁵ и людей, «недостойных названия человека»^{6,7}, актуализирует аксиологически значимые для авторского

Шаламова цитируются по: В. Шаламов. Колымские тетради. – М.: Эксмо, 2009. – 640с.

¹ Рассказ «Рива – Роччи» / Сб. Перчатка, или КР.2», с.514.

² «Ни один человек не мог выйти за пределы лагеря, если он был осужден ранее по пятьдесят восьмой статье. Если только не пользоваться словом «человек» в блатной терминологии <...> Таков был главный вывод из амнистии Берии. Берия принимал сталинскую эстафету». (Там же).

³ Рассказ «Афинские ночи» / Там же, с.468.

⁴ «Острее мысли о еде, о пище является новое чувство, новая потребность, вовсе забытая Томасом Мором в его грубой классификации четырех чувств <...> У каждого грамотного фельдшера, сослуживца по аду, оказывается блокнот, куда записываются случайными разноцветными чернилами чужие стихи – не цитаты из Гегеля или Евангелия, а именно стихи. Вот, оказывается, какая потребность стоит за голодом, за половым чувством, за дефекацией и мочеиспусканием. Потребность слушать стихи, не учтенная Томасом Мором. И стихи находятся у всех <...> Час чтения стихов. Час возвращения в волшебный мир. Мы все взволнованы <...> Эти поэтические ночи начинались в девять часов вечера после проверки в больнице и кончались в одиннадцать-двенадцать часов ночи <...> Таких поэзоночей, которые позднее в больнице получили название афинских ночей, мы провели несколько. Выяснилось сразу, что все мы – поклонники русской лирики начала двадцатого века» (там же, с. 468-469).

⁵ Боль // Сб. «Воскрешение лиственницы», с.194.

⁶ Жульническая кровь // Очерки преступного мира, с.39.

⁷ «Нам же кажется, что уголовный мир – это особый мир людей, переставших быть людьми» Жульническая кровь, с.49

сознания семантические компоненты понятия «человек» (см. ниже в тексте выделенное полужирным), которые мифологизируются, теряют связь с реальной действительностью в сознании персонажей, ложно воплощаясь в ценностях казенного и преступного мира в оппозиции к культурно-духовному миру.

Шелгунов, прямой потомок землеольцев Шелгуновых, отец которого был на воле академиком, а мать – профессором, с детских лет жил книгами и для книг; книголюб и книгочей, он всосал русскую культуру с молоком матери. Девятнадцатый век, золотой век человечества формировал Шелгунова.

***Делись** знанием. **Верь** людям, **люби** людей – так учила великая русская литература, и Шелгунов давно чувствовал в себе силы **возвратить обществу полученное по наследству. Жертвовать собой** – для любого. **Восставать против неправды**, как бы мелка она ни была, особенно если неправда – близко.*

Тюрьма и ссылка были первым ответом государства на попытки Шелгунова жить так, как его учили книги, как учил девятнадцатый век.

Шелгунов был поражен низостью людей, которые окружали его. В лагере не было героев. Шелгунов не хотел верить, что девятнадцатый век обманул его. Глубокое разочарование в людях во время следствия, этапа, транзитки вдруг сменилось прежней бодростью, прежней восторженностью. Шелгунов искал и встретил то, что он хотел, то, о чем он мечтал, - живые примеры. Он встретил силу, о которой много читал раньше и вера в которую вошла в кровь Шелгунова. Это был блатной, преступный мир.

Начальство, которое топтало, било презирало соседей и друзей Шелгунова и самого Шелгунова, боялось и благовело перед уголовниками.

*Вот мир, который смело поставил себя против государства, мир, который может помочь Шелгунову в его слепой **романтической жажде***

*добра, жажде мщениа...*¹.

Инфинитив в императивном значении и форма 1-го лица ед. ч. повелительного наклонения глагола – способ выражения модальности волеизъявления (необходимость / долженствование). Как наиболее категоричные формы волеизъявления, они не предполагают опровержения известных истин.

Приведенные выше размышления автора-повествователя подтверждают следующую теоретическую позицию: менталитет – это структура, включающая не только систему знаний, идей, ценностей личности, но и **волю**, дух, эмоции, энергию, действие (то, что воплощено в понятиях «характер», «личность»). Ср. также:

Что такое искусство? Наука? Облагораживает ли она человека? Нет, нет и нет. Не из искусства, не из науки приобретает человек те ничтожно малые положительные качества. Что-нибудь другое дает им нравственную силу, но не их профессия, не талант.

*Всю жизнь я наблюдаю раболепство, пресмыкательство, самоунижение интеллигенции, а о других слоях общества и говорить нечего*².

Таким образом, понятие «интеллигенция» в индивидуально-авторском употреблении В. Шаламова лишается обязательных положительной оценочной и стилистически высокой коннотаций, которые свойственны языку русской интеллигенции XIX-XX вв.³ Обратим внимание на жаргонные номинации [в книге В. Шаламова] человека из интеллигентной среды: «*”Иван Иванович” – это кличка интеллигента на блатном языке*»⁴; «*Счетоводами заведующий отделением называл всех*

¹ В. Шаламов. Боль // Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 194-195.

² В. Шаламов. У стремена // Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 272-273.

³ «Когда латинский термин ‘интеллигенция’ попадает в Россию (60-е годы прошлого века), русский интеллигент предстает не умствующим интеллектуалом, а именно чувствующим горе и радеющим о человеке, добрым и страдающим за него» (В.В. Колесов. Язык и ментальность. – СПб., 2004. С. 51).

⁴ В. Шаламов. У стремена // Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 272.

интеллигентов, попавших в эту истребительную бурю Колымы тридцать седьмого года»^{1,2}. В значении слова *интеллигент* данная синонимическая замена актуализирует семы 'образованный', 'неспособный самостоятельного выжить', 'неспособный выполнять тяжелую работу' и снисходительно-ироничную, пренебрежительную оценочную коннотацию.

Понятие «человек» в творчестве В. Шаламова определяется через отрицательный импликационал: 'раболепство', 'пресмыкательство', 'самоунижение', 'трусость'³ (ср. переносное значение свободной словоформы-названия рассказа «У стремени», ассоциативно связанное с императивным употреблением формы *к ноге!*)

Подводя итоги наблюдениям над осмыслением и формированием содержания понятия «человек» в текстах В. Шаламова, представим для сравнения анализ словарной статьи «Человек» по данным «Русского ассоциативного словаря» и данных свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *Личность*.

Человек: невидимка, хороший 25; амфибия 22; добрый 21; разумный 18; животное, умный 16; зверь 15; обезьяна 13; большой 12; друг 10; дела, люди 9; земля, любимый, существо 8; гордый, я 7; личность, плохой,

¹ В. Шаламов. Перчатка // Сб. «Перчатка, или КР-2», с. 346.

² «Счетоводом был и фельдшер хирургического отделения Лесняк, студент первого курса медицинского факультета первого МГУ, мой московский земляк и товарищ, по высшему учебному заведению <...> Он работал у Траута – в хирургическом отделении, в соседней хирургической палате – операционным братом <...>

Счетоводом был и Андрей Максимович Пантюхов, пославший меня на фельдшерские курсы для заключенных, что и решило мою судьбу в 1946 году <...>

Счетоводом был и Валентин Николаевич Траут – хирург из Саратова, которому, как немцу по происхождению, доставалось больше других, и даже окончание срока не решало его проблем. Только Двадцатый съезд успокоил Траута, внес в его талантливые руки хирурга уверенность и покой.

Как личность на Колыме Траут был совершенно раздавлен, пугался любого начальства, клеветал – на кого прикажет начальство, никого не защищал, кого преследовало начальство. Но душу хирурга и руки хирурга он сохранил.

Самое же главное – счетоводом была Нина Владимировна Савоева, осетинка-договорница, член партии и главврач «Беличьей», молодая женщина лет тридцати.

Вот она могла сделать много добра. И много зла. Важно было направить в нужную сторону ее героическую, невероятную энергию <...> (В. Шаламов. Перчатка, с. 346-347).

³ В. Шаламов. У стремени, с. 273.

разум, человек, это звучит гордо 6; в футляре, закон, красивый, сильный, слова 5; веселый, гордость, гражданин, жизнь, машина, мужчина 4; анатомия, без имени, загадка, индивид, милый, незнакомый, с большой буквы, свой, смелый, царь 3; больной, брат, волк, в шляпе, высокий, глупый, гора, гуманный, дела, дома, живет, живой, за бортом, звучит гордо, земли; земля, вселенная, интересный, космос, мелочь, много, мудрый, надежный, настоящий, ниоткуда, новый, птица, робот, с Луны, со стороны, старый, странный, существует, труда, трудный, упрямый, хозяин, homo sapiens 2; абрикос, авторитет, Адам, без возраста, белый, бог, бревно, бренность, бродяга, век, вена, велик, верблюд, вечность, видит, гений, глаза, глыба, гном, гнусный, голова, деловой, дельфин, добро, добряк, дождя, должен быть разумный, дорогой, друг собаки, думает, дурак, женщина, жестокий, занавес, заносчивый, за углом, змея, знакомый, значительный, игрушка, идет, идущий, и есть человек, издалека, и земля, из космоса, из толпы, индивидуум, интерес, и природа, какой?, кактус, К.В.В., корень, который смеется, крутой, лгун, легенда, легкий, лист, ложь, любит, маленький, мальчик, мама, мел, механик, мир, мира, мой, молодой, на земле, настроения, неважный, не вечен, невозмутимый, невыносимый, недели, не зверь, нелюдь, ненормальный, непостижимый, не хочет, носитель сознательного и биологического, нужный, оболочка, образец, образованный, общество, огонь, огромного роста, один, он, организм, оркестр, официант, повод, поездка, поступок, потерянный, похожий, прекрасный, препарат, пригожий, приматы, приметный, приятель, простейший, простой, противоречивый, похожий, радушный, рассеянный, рассеянный с улицы..., редиска, решительный, Рио, рисунок, родной, руки, сам по себе, сапиенс, с бульвара, свисток, свиты, свободный, своего дела, своего слова, сволочь, сердечный, серьезный, сидит, сила, скелет, скотина, скучает, слабый, сложно, смертен, смерть, смотря кто, смурной, собаке друг, современный, сомнамбула, сонный, с ружьем, стоящий, странная

вещь, субъект, с улицы, существо бесконечное, счастливый, теперь, теплый, тина, товарищ, тоже, толка, толпа, труженик, тупой, увидел, ума, умное существо, ученый, фигура, философия, ходит, хозяин, хомо сапиенс, хотелось бы, хрупкий, царь природы, целое, чайник, человекообразная обезьяна, человеку волк, человеку друг, чести, честный, Чехов, шар, шляпа, экология, это все, это звучит гордо!, язык, homo 1; 644+285+8+204 [Русский ассоциативный словарь. Т.1. 2002: 720]

В данной статье «Русского ассоциативного словаря» проявляются следующие морфолого-синтаксические и семантические связи слова-стимула и слова-реакции:

- согласование: человек – хороший 25, добрый 21, разумный 18, умный 16, большой 12, любимый 8, гордый 7, плохой 6, красивый 5, сильный 5, веселый 4, милый 3, незнакомый 3, свой 3, смелый 3, больной 2 и т.д.

- управление: человек – дела 9, в футляре 5, слова 5, без имени 3, в шляпе 2, дома 2, мира, свиты и т.д.

- атрибуция: человек – решительный, с бульвара, свободный, своего дела, сердечный, слабый, смурной, счастливый, ума и т.д.

- употребление притяжательных местоимений: человек – свой 3, мой, своего дела, своего слова.

- построение глагольных сочетаний: человек – живет 2, звучит гордо 2, существует 2, вышел, гуляет, должен быть разумный, думает, идет, не хочет, сидит, скучает и т.д.

- наличие собственных имен: человек- с Луны 2, Адам, Рио, Чехов.

- фонетическое созвучие: человек – век, и есть человек.

- модели более двух слов: человек – это звучит гордо 6, должен разумный, странная вещь, рассеянный с улицы... и т.д.

- среди ассоциаций можно выделить слова с отрицательной коннотацией (человек – зверь 15, плохой 6, волк 2, враг, гнусный, дурак,

жестокий, змея, лгун, ложь, нелюдь, сволочь, скотина и т.д.) и с положительной коннотацией (человек – хороший 25, добрый 21, друг 10, это звучит гордо 6 и т.д.).

Реализация полисемии

Основное лексическое значение слова *ЧЕЛОВЕК* – «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [Ожегов1984: 763] - реализуется в следующих парах: человек – разумный 18, умный 16, существо 8, разум 6, индивид 3, мудрый 2, носитель сознательного и биологического и т.д.

Значение «человек как биолого-анатомическое существо» реализуется в ассоциациях: *человек* – обезьяна 13, анатомия 3, живой 2, существует 2, глаза, голова, гомо сапиенс, организм, приматы, руки, сапиенс, скелет, смертен, человекообразная обезьяна, homo и т.д.

Значение «человек – царь природы» - в ассоциациях: человек – разум 5, закон 5, царь 3, мудрый 2, хозяин 2, авторитет, бог, велик, гений, не зверь, носитель сознательного и биологического, царь природы и т.д.

Значение «человек как часть окружающего его мира» - в ассоциациях: *человек* – земля 8, земли 2, земля, вселенная, гуманоид, друг собаки, и земля, из космоса, из толпы, и природа, на земле, сам по себе и т.д.

Значение «человек как носитель психофизических свойств» - в ассоциациях: человек – умный 16, гордый 7, красивый 5, сильный 5, гордость 4, высокий 2, невозмутимый, решительный, серьезный и т.д.

Значение «человек как участник социальных и семейных отношений» - в ассоциациях: *человек* – друг 10, люди 9, гражданин 4, царь 3, брат 2, бродяга, мама, механик, общество, официант, толпа, труженик, ученый, хозяйина, человеку волк, человеку друг и т.д.

Также можно выявить сему ‘*половая отнесенность*’: человек – друг 10, мужчина 4, брат 2, женщина, мальчик, мама, приятель и т.д.

Имеются ассоциации, объединенные семой ‘*возраст*’: человек – старый 2, без возраста, маленький, мальчик, молодой и т.д.

Прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания, отраженные в словарной статье:

- прецедентные имена: человек – Адам, Чехов, Рио.
- прецедентные высказывания: человек – разумный 18, за бортом 2, друг собаки, молодой, царь природы, человеку волк.
- прецедентные тексты: человек- невидимка 25 («Человек-невидимка» Г. Уэллса), амфибия 22 («Человек-амфибия» А. Беляева), это звучит гордо 6 («На дне» М. Горького), в футляре («Человек в футляре» А.П. Чехова), дождя (к/ф «Человек дождя» Б. Левинсона), который смеется («Человек, который смеется» В. Гюго), рассеянный с улицы... («Вот какой рассеянный» С.Я. Маршака).

Таким образом, выявленные устойчивые семантические связи слова *ЧЕЛОВЕК* свидетельствуют о многообразии и достаточной сложности представления данного концепта в обыденном языковом сознании русского лингвокультурного общества. Но эти связи, как нам кажется, не выявляют глубинной аксиологической сущности данного понятия – концепта, как это сделано, например, в художественной системе В. Шаламова.

В условиях свободного ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось прореагировать первым пришедшим в голову словом на слово – стимул *Личность*.

Было опрошено 50 человек, возрастной категории от 18 до 26 лет, из которых ответили – 45, отказались – 5. Результаты:

Личность – 1. Я(8);

2. Человек (8);

3. Сильная (7);
4. Индивидуальность (4);
5. Творчество (2);
6. Тело (2);
7. Персона (1);
8. Индивидуум (1);
9. Индивид (1);
10. Индивидуальный субъект (1);
11. Лидер (1);
12. Разум (1);
13. Общество (1);
14. Потенциал (1);
15. Маска (1);
16. Экстраординарный (1);
17. Твердость (1);
18. Характер (1);
19. Уважение (1);
20. Сила (1).

Очевидно, что самым распространенным ответом было «я» и «человек». С точки зрения семантики, местоимение «я» как ассоциация на слово «личность» констатирует факт, что 8 человек ассоциируют данное слово с отдельным человеческим «я», в частности, со своей персоной, так как данная ассоциация морфологически выражена местоимением 1 лица, единственного числа. Ассоциация *человек* семантически выражает соотнесенность слова *личность* с живым существом, обладающим даром речи, носителем каких-либо качеств.

Следующая ассоциация – «*сильная*», семантически выражает представление опрошенных о том, что «личность» должна обладать твердым, волевым характером.

«*Индивидуальность*» - ассоциация, семантически говорящая о «личности» как о человеке, обладающим чертами характера, присущими только ему.

Ассоциация «*творчество*» семантически указывает на деятельность, характерную способность «личности».

Ассоциация «*персона*» семантически выражает связанность понятий «личность» и «особа», как тот, кто занимает видное положение в обществе. «Персона» - это конкретное существительное женского рода.

Ассоциации «*индивидуум*» и «*индивид*» семантически обозначают одно и то же: «самостоятельно существующий» (организм, особь, человек <...>).

«*Индивидуальный субъект*» - (семантически) носитель каких-либо неповторимых, оригинальных свойств.

«*Лидер*» - «занимающий ведущее положение».

Ассоциация «*разум*» семантически выражает высшую форму познавательной деятельности человека.

Ассоциация «*маска*» переносно обозначает «притворство», «видимость», «личину», скрывающую истинную сущность или «содержание», в соотношении со значением определяемого слова «личность» обозначает человека с такими свойствами. Морфологически это конкретное существительное женского рода.

Ассоциация «*характер*» - «совокупность психических особенностей, которые определяют личность человека и проявляются в его поведении», или же в значении твердая воля, упорство.

Ассоциация «*уважение*» - «отношение, основанное на признании достоинств, высоких качеств кого-либо; чувство почтения».

Выводы:

С семантической точки зрения, наиболее часты ассоциации с положительными характеристиками личности: *сильная, творческая,*

экстраординарная, твердая, уважаемая высокопотенциальная. Реже ассоциации нейтральные: индивидуум, индивид, маска.

Обращает внимание отсутствие в семантической структуре слов-реакций сем 'духовные характеристики' и 'ценностные ориентиры'.

Метонимической заменой наименования человек являются слова *тело, сердце, душа, дух*. Ср. *легкое сердце, спокойная душа*¹ – характеристики человека в целом. Указанные понятия в дискурсе персонажей В. Шаламова наполняются социально обусловленным содержанием и лишаются прототипического национально маркированного смысла: *«Дух, душок – это своеобразное воровского понятие. Это и смелость, и напористость, и крикливость, и своеобразная удаль, и стойкость наряду с некоторой истеричностью, театральностью...»*¹.

Авторское отношение выражено суффиксом с субъективно-оценочным значением - **ок**. Возможна синонимия, паронимия однокорневых слов (речь может идти и о паронимической аттракции), а также антонимичные отношения. Подтвердим сказанное данным словарей об основных ЛСВ лексемы *дух*:

«**Дух** <...> 1. <...> сознание, <...> нематериальное начало, лежащее в основе всех вещей и явлений, <...> нематериальное, божественное, сверхъестественное начало в человеке; душа <...>. 2. Образ мыслей, мировоззрение <...>. 3. Внутреннее состояние, моральная сила человека <...>. 4. Настроение, душевное состояние <...>. 5. Сущность чего-л., основное направление, характерные свойства, черты, присущие кому-л., чему-л.; неповторимость, своеобразие кого-, чего-л. <...> . 8. Устар. дыхание [Сила. – Т.Р.] <...>. 10. Устар. И прост. Запах, аромат <...>» [Слов. совр. рус. яз. 1991. Т.4: 525-529]

Слово *дух*, можно считать в 3,5,8,10-м значениях синонимами слову

¹ В. Шаламов. Жульническая кровь // Очерки преступного мира, с.49.

¹ В.Шаламов. «Сучья» война // Очерки преступного мира, с .77.

душок, в 1,2,4-м – паронимами, во втором значении развиваются отношения паронимической аттракции, в десятом значении – отношения антонимии (прямо противоположная оценочная сема).

Индивидуально-авторский смысл, выраженный лексемой *душа*, определяется через сравнительную оппозицию концептуальных смыслов *душа – тело*: «<...> *тело посерьезнее, покапризней человеческой души – тело имеет больше нравственных достоинств, прав и обязанностей*¹». С телом, по мнению автора, связаны воля, дух, энергия, действие человека. Таким образом, в картине мира писателя тело воплощает нравственные достоинства человека, а не только его бытовое, физическое предназначение. Такая позиция сближает авторскую картину мира как с национальной наивной картиной мира, так и с нравственно-религиозной, православной картиной мира.

Действительность, отраженная в текстах В. Шаламова, оценивается автором как *‘фантастический реализм*^{1,2}’ (окказиональное образование, основанное на сочетаемости в синтагме взаимоисключающих сем *‘реально’ / ‘нереально’*. Данный смысл рождается из оппозиций концептуальных смыслов *добро / зло, истина / ложь, стыд*^{3,4}:

*«Все было ложью в моем процессе, и обвинение, и свидетели, и экспертиза. Истинной была только человеческая подлость*⁵». *«Стыдно –*

¹ В. Шаламов. Перчатка // Сб. «Перчатка, или КР-2, с.338.

¹ «Вся борьба с цингой была кровавым, трагическим фарсом, вполне под стать фантастическому реализму тогдашней нашей жизни» (В. Шаламов. Перчатка, с. 331).

² «Бланк был более достоверен, чем призрачность, фантастичность белой колымской ночи, брезентовая палатка на двести арестантских топчанов» (В. Шаламов. Перчатка, с. 339).

³ «Волны бумажного моря, плещущие в берега отнюдь не бумажной судьбы. Доходяги, дистрофики колымские не имели права на медпомощь, на больницу по истинной своей болезни. Даже в морге патологоанатом твердо искажал истину, лгал даже после смерти, указывая другой диагноз. Истинный диагноз алиментарной дистрофии появился лагерных медицинских документах только после Ленинградской блокады, во время войны было разрешено называть голодом голод, а пока доходяги клали умирать с диагнозом полиавитаминоза, гриппозной пневмонии, в редких случаях РФИ – резкое физическое истощение» (Там же, с. 329).

⁴ «Конечно, на Колыме добро – грех, но и зло – грех» (В. Шаламов. Галина Павловна Зыбалова // Перчатка, или КР-2, с.369).

⁵ В. Шаламов. Перчатка, с. 328.

это понятие слишком человеческое⁶».

Связь понятий «человек – интеллигенция – русская культура – личность» ассоциативно актуализирует аксиологему «Идеал», ее концептуальную сущность. Говоря словами В.В. Колесова, «идеал прошлого застит горизонт будущего и перечеркивает ценность настоящего» [Колесов 2004: 62]. *«Блатной мир – мир настоящего, реального настоящего. <...> Относительно благоприятными блатарям кажутся наши условия, где так много далеко идущего доверия и неистребимых многократных, перековок¹».* Лишая преступный мир романтического ореола, автор осмысливает разрушительное влияние блатного мира на культурную концептоферу. В. Шаламов категорично заключает:

«Карфаген должен быть разрушен!

Блатной мир должен быть уничтожен!²»

«Медная копейка истины превращается в публично размениваемый серебряный рубль <...> тюремные гиперболы являются пропагандистским и агитационным материалом блатного мира, материалом немалого значения. Эти рассказы – блатной университет, кафедра их страшной науки. Молодые воры слушают «стариков», укрепляются в своей вере. Юнцы проникаются благоговением к героям небывалых подвигов и сами мечтают сотворить подобное. Происходит приобщение неопфита».³

Далее мы намерены показать, что моделирует в текстах В. Шаламова пространственно-временной континуум, определяет принципы осмысления и характеристики времени.

В рассказе «Подполковник Фрагин» В.Т. Шаламов пишет *«Я прожил*

⁶ Там же, с. 332.

¹ В. Шаламов. Жульническая кровь // Очерки преступного мира, с. 43

² Там же, с. 119.

³ В. Шаламов. Как «тискают романы» // В. Шаламов. Очерки преступного мира, с. 111.

всю жизнь с резко выраженным чувством справедливости, не умею различать масштабы событий»¹. Именно это «чувство» моделирует в текстах Шаламова пространственно-временной континуум, определяет принципы осмысления и характеристики времени и связанных с ним явлений природного мира, человеческого бытия. Во-первых, время в авторской картине мира воспринимается через призму пространства, бытия, природных реалий: *«Пространство и время на Крайнем Севере – величины схожие. Часто пространство меряют временем – так делают кочевые якуты – от сопки до сопки шесть переходов. Все, живущие около главной артерии, шоссейной дороги, измеряют расстояние перегонами автомашины»*². Время у Шаламова – та среда, в которую погружено все человеческое существование. По этой причине восприятие мира ограничено рамками *тюремного времени*. Через этот образ воспринимается, постигается концептуальная сущность универсального понятия время и связь его с пространством:

Тюремное время – длинное время. Тюремные часы бесконечны, потому что бессюжетны. Жизнь, смещенная в промежуток времени от подъема до отбоя, регламентирована строгим регламентом, в этом регламенте скрыто некое музыкальное начало, некий ровный ритм тюремной жизни, вносящий организующую струю в тот поток индивидуальных душевных потрясений, личных драм, внесенных извне, из шумного и разнообразного мира за стенами тюрьмы. В эту симфонию острога входят и расчерченное на квадраты звездное небо, и солнечный зайчик на стволе винтовки часового, стоящего на караульной вышке, похожей по своей архитектуре на высотные здания. В эту симфонию входит и незабываемый звук тюремного замка, его музыкальный звон, похожий на звон старинных купеческих сундуков. И многое, многое другое.

¹ В. Шаламов. Подполковник Фрагин / Перчатка, или КР – 2, с. 419.

² В. Шаламов. Женщина блатного мира / Очерки преступного мира, с.54.

В тюремном времени мало внешних впечатлений – потому после время заключения кажется черным провалом, пустотой, бездонно ямой, откуда память с усилием и неохотой достает какое-нибудь событие. Еще бы – ведь человек не любит вспоминать плохое, и память, послушно выполняя тайную волю своего хозяина, задвигает в самые темные углы неприятные события. Да и события ли это?

Масштабы понятий смещены, и причины кровавой тюремной ссоры кажутся вовсе непонятными «постороннему» человеку. Потом это время будет казаться бессюжетным, пустым; будет казаться, что время пролетело скоро, тем скорее пролетело, чем медленнее оно тянулось.

Но часовой механизм все же вовсе не условен. Именно он вносит порядок в хаос. Он – та географическая сетка меридианов и параллелей, на которой расчерчены острова и континенты наших жизней.

Это правило и для обычной жизни, в тюрьме же его сущность более обнажена, более беспрекословна¹.

В знаке – композите *тюремное время* соположены семы 'пространство'- 'время'. Семные компоненты лексемы *тюрьма* (совмещены значения 'пространство' и 'время' - наведение сем) определяют и уточняют видовые (дифференциальные) и эмоционально-оценочные (коннотативные), а также потенциальные семные составляющие лексемы *время*.

Самым частотным семантическим признаком выступает 'продолжительность', 'длина', 'протяженность'. Данная характеристика амбивалентна. С одной стороны, эта продолжительность воспринимается как 'бесконечность' (с точки зрения внутреннего субъекта время 'тянется', в прямом значении свойство конкретного предмета, констатирующего его протяженность в пространстве; перенос признака из одной координаты, вектора, пространства в другую – время), с другой

¹ В. Шаламов. Как «тискают романы», с. 110-111.

стороны – как *‘ограниченность’* пространства и времени (*‘тюремное время’* - *‘время в тюрьме’* - *‘время заключения’*), распорядком дня, от разнообразного мира, от внешних впечатлений. См. аксюморон *‘регламентирована регламентом’* (с точки зрения внутреннего субъекта время *‘пролетело скоро’*, т.к. оно не запоминается перцептору – повествователю по причине его *‘бессюжетности’*, *‘бессодержательности’*, *‘однообразия’*). Причем, такие универсальные признаки времени, как *‘цикличность’*, *‘регламентированность’* в номинации – *‘тюремное время’* определяются тюремным распорядком, а не природным циклом и его социальной функцией. Именно поэтому в концептуальном наполнении сочетания *‘тюремное время’* практически не реализуется схема членения суточного круга (см. далее). Определяющим является видовой признак *‘скорость движения’* – *‘летит’/‘тянется’*, опять же коррелирующий с характеристикой пространства (движения в пространстве). Пространство – форма, способ существования времени. Из традиционных звуковых, цветовых, погодных характеристик, входящих в концептуальное поле «время», как единичные используются звуковые (*‘симфония’*, *‘звук тюремного замка’* и цветовые (*‘черное’*, *‘темное’*), что подчеркивает однообразие и мрачность пространства тюремного времени. Время наделяется пространственными метафорическими характеристиками *‘бездонная яма’* – хранилище, *«откуда память с усилием и неохотой достает какое-нибудь событие»* (имплицитные оценочные семы *‘неприятное’*, *‘плохое’* время; *‘пустота’* (сема *‘незаполненность содержанием’*); *‘черный провал’*; *‘ограниченность’* от разнообразного мира, от внешних впечатлений, *‘тянется’*. Часовой механизм, отсчитывающий, измеряющий тюремное время уподобляется *«географической сетке меридианов и параллелей, на которой расчерчены острова и континенты наших жизней»*. Два природных объекта (явления) определяют и символизируют суточное движение тюремного времени:

признак 'степень освещенности', 'расчерченное на квадраты звездное небо' и 'солнечный зайчик на стволе винтовки часового' (наведение сем 'пространство' и 'время').

Эмоционально-оценочный компонент концепта «время» - это контаминация признаков 'однообразие', 'бессодержательность', 'пустота', 'бессюжетность', 'монотонность', 'немасштабность'. Оценки объединены признаком 'отсутствие'. Социально значима характеристика образа времени 'обезличенность' (нет памяти о нем).

По точному замечанию Р.О. Якобсона, «в сознании каждого носителя языка содержится представление о разных системах (= моделях времени). Соответственно, каждый раз выбор конкретного слова определяется тем, с какой системой (моделью времени) говорящий соотносит предмет описания» [Цит. по Яковлева 1994: 37]. По мнению Е.С. Яковлевой, для каждого носителя языка (в том числе и для автора литературного произведения) «существует как бы два времени: время дурное и время хорошее, время истинное и время неистинное. Есть «испорченное» время и есть глубинное время, сопричастное самой вечности, в которой этой порчи нет» [Яковлева 1994: 52]. Такому разделению повседневного, бытового времени и времени вечного, истинного соответствует разная языковая экспликация: 1. Слова, соотносящие высказывание с повседневностью, реальной действительностью (*минута, секунда, момент, время*); 2. Слова, ассоциирующиеся с надбытовым временем, способные соотноситься с Вечностью (*миг, мгновенье, час*). В. Шаламов для тюремного времени использует синонимичную номинацию *промежуток*, что аксиологически лишает «тюремное время» статуса даже бытового времени, это неистинное, 'пустое' время, отделяющее человеческое от нечеловеческого. Ср. вновь семы 'пространство' и 'незначительность, неважность', 'граница', 'бездейственность', 'отсутствие движения' в

словарном определении: «Промежуток <...> 1. Пространство между чем-л., разделяющее что-л. <...> Расстояние <...>. 2. Время от одного действия, явления, события до другого, перерыв в действии, процессе, интервал <...>» [БТС 1998: 1015].

Известно, что эмпирической базой для осмысления времени на самых ранних ступенях развития человеческого знания являлись биоритмы человеческого организма (микрокосмоса) и окружающего мира (макркосмоса): движение Солнца, смена времен года, изменение положения и фаз Луны, разливы рек, рождение и смерть людей, флоры и фауны. Эти признаки не используются при создании образа тюремного времени, что подчеркивает аномальность, противоестественность этого времени. Бесплодность и бессмысленность этого времени оценены именно по отношению к человеку и окружающему миру; это время означает лишь временность, растворяющуюся в пространстве. Для Человека, героя В. Шаламова, ориентированного на «вечность» - высшая ценность Бог. Ценностно-значимое присутствие «случайного» кардинально меняет образ мира, в котором совершается поступок героя, а следовательно, принципиально меняется этическое содержание самого поступка. Изменение ценностно-временных параметров в произведениях В. Шаламова связано с изменением пространственных ценностных установок. **Колыма** – это не только пространство, и в первую очередь не только пространство, это время, проведенное в заключении, *«это Освенцим без печей»*¹. Главный семантический признак, характеризующий этот пространственно-временной континуум, - *‘отсутствие свободы’*. *«Выпущен я был не на свободу, понимая под колымской свободой содержание в лагере же, но в общем бараке, на общих правах. На Колыме нет свободы»*². Колыма для писателя – воплощение ада на земле, символ

¹ В. Шаламов. Житие инженера Кипреева / Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 184.

² В.Шаламов. Галина Павловна Зыбалова / Сб. «Перчатка, или КР-2», с.361.

ада в тексте. Символизация обеспечивается ссылкой на прецедентные имена и тексты (*Мефистофель, Фауст, Христос*), рождающиеся интертекстуальные смыслы оценочны, аксиологичны: *«Изгиб пойман, сучок остановлен, срезан рукой мастера, и суть изгиба, суть дерева обнажена. Под очищенной корой показался стандарт из стандартов, вполне рыночный товар – голова Мефистофеля, наклонившаяся над бочонком, откуда вот-вот должно забить фонтаном вино. Вино, а не вода. Чудо в Кане или чудо в погребке Фауста только потому не становилось чудом, что на Колыме могла забить фонтаном человеческая кровь, а не спирт, - вина на Колыме не бывает, - не гейзер теплой подземной воды, лечебный источник якутского курорта Талой.*

Вот эта опасность: выбей пробку – и потечет не вода, а кровь – и сдерживала чудотворца Мефистофеля или Христа – все равно»¹

Для Колымы противопоставление добра и зла, Мефистофеля и Христа уже несущественно. Колыма противопоставлена евангелистским местам (концептуальный признак ‘безбожие’): *«В темной палатке не было даже печки. Где-то в середине огромного числа свежесрубленных топчанов было и мое завтрашнее, сегодняшнее место-топчан с деревянным подголовником – ни матраса, ни подушки, а только топчан, подголовник, вытертое, ветхое одеяло, в которое можно обернуться, как в римскую тогу или плащ саддукеев. Сквозь вытертое одеяло ты увидишь римские звезды. Но звезды Колымы не были римскими звездами. Чертеж звездного неба Дальнего Севера иной, чем в евангельских местах»².*

Здесь добро и зло поменялись местами, что и определяет изменение ценностно-концептуальной авторской оценки жизни: *«У меня изменилось представление о жизни как о благе, о счастье, Колыма научила меня совсем другому.*

¹ В.Шаламов. Перчатка, с. 339-340.

² Там же, с. 337.

Принцип моего века, моего личного существования, всей жизни моей, вывод из моего личного опыта, правило, усвоенное этим опытом, может быть выражено в немногих словах. Сначала нужно возвратить пощечины и только во вторую очередь – подаяния. Помнить зло раньше добра. Помнить все хорошее – сто лет, а все плохое – двести. Этим я и отличаюсь от всех русских гуманистов девятнадцатого и двадцатого века»¹.

Это время и пространство, подчиненное власти, «казенное» время и пространство, а «власть – это растление. Спущенный с цепи зверь, скрытый в душе человека, ищет жадного удовлетворения своей извечной человеческой сути в побоях, в убийствах»². Такое понимание феномена человеческой души близко к концепции русской души С.А. Аскольдова (Алексеева). Концепция «русской души» С.А. Аскольдова построена на специфическом соотношении трех частей, характерных для состава любой национальной души: *святого, человеческого и звериного*. Своеобразие русской души заключается в том, что среднее, специфически человеческое, представлено в ней неизмеримо меньше по сравнению с национальной психологией других народов, а святое и звериное являются наиболее сильными началами [Марков 2000].

В текстовом употреблении концептуально сближаются понятия *власть – государство – казенный*, концептуальными характеристиками *‘бездущие’, ‘бесчеловечность’*. См.: *«И как ничтожный результат казеннейшего медицинского сопротивления смерти перед карающим мечом государства рождались инструкции, приказы, отписки высшего начальства»³*.

Известно, что пространство и время – это онтологические категории,

¹ В.Шаламов. Перчатка, с. 354.

² В. Шаламов. Термометр Гришки Логуна / Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 147.

³ В. Шаламов. Перчатка / Сб. «Перчатка, или Кр-2», с. 329.

служащие для структурирования мира, выполняющие ориентирующую функцию. Аксиологические категории служат для «очеловечивания» мира, наделения его смыслами. Время и пространство в текстах В. Шаламова - это категории, обладающие не только онтологическим статусом. В первую очередь – это категории этики.

Из проведенных наблюдений можно сделать следующие выводы.

1. Пространство в индивидуально-авторской картине мира – форма, способ существования времени, а не наоборот (время – форма пространства), как принято считать в теории модальных логик.
2. Концептуальная сущность универсальной категории время и ее связь с категорией пространство постигается в тексте через образ тюремного времени.
3. Изменение ценностно-временных параметров в произведениях В. Шаламова связано с изменением пространственно-ценностных установок.
4. Время и пространство в текстах В. Шаламова – этическая категория.
 - а. Индивидуально-авторская концептосфера (картина мира) хранится, осмысливается в индивидуально-авторских образах-символах, метафорах, устойчивых архетипических формулах русского фольклора (например, *мать сыра земля*).

В текстах В. Шаламова это, в первую очередь, образ-символ *лиственницы*. Ср. название рассказа и цикла рассказов «Воскрешение лиственницы».

«Лиственница-дерево очень серьезное. Это – дерево познания добра и зла, - не яблоня, не березка! – дерево, стоящее в райском саду до изгнания Адамы и Евы из рая.

Лиственница – дерево Колымы, дерево концлагерей.

На Колыме не поют птицы. Цветы Колымы – яркие, торопливые,

грубые – **не имеют** запаха. Короткое лето – в холодном, безжизненном воздухе – сухая жара и стынущий холод ночью.

На Колыме **пахнет** только горный шиповник - рубиновые цветы. **Не пахнет** ни розовый, грубо вылепленный ландыш, ни огромные, с кулак, фиалки, ни художочный можжевельник, ни вечнозеленый стланик.

И только лиственница наполняет леса смутным своим скипидарным запахом. Сначала кажется, что это запах тления, запах мертвецов. Но приглядишься, вдохнешь этот запах поглубже и поймешь, что это запах жизни, запах сопротивления северу, запах победы <...>.

Нет, лиственница – дерево, непригодное для романсов, об этой ветке не споешь, не сложишь романс. Здесь слово другой глубины, иной пласт человеческих чувств.

Человек посылает авиапочтой ветку колымскую: хотел напомнить не о себе. **Не память о нем, но память о тех миллионах убитых, замученных, которые сложены в братские могилы к северу от Магадана.**

Помочь другим заполнить, снять со своей души этот тяжелый груз: видеть такое, найти мужество **не рассказать, но запомнить**. Человек и его жена удочерили девочку – заключенную девочку умершей в больнице матери – хоть в своем, личном смысле взять на себя какую-то обязанность, выполнить какой-то личный долг.

Помочь товарищам – тем, кто остался в живых после концлагерей Дальнего Севера...

Послать эту **жесткую, гибкую** ветку в Москву.

Посылая ветку, человек не понимал, не знал, не думал, что ветку в Москве **оживят**, что она, **воскресшая, запахнет Колымой, зацветет** на московской улице, что лиственница докажет свою силу, свое **бессмертие**; **шестьсот лет жизни лиственницы – это практическое бессмертие человека**; что люди Москвы будут трогать руками эту шершавую,

*неприхотливую жесткую ветку, будут глядеть на ее ослепительно зеленую хвою, ее возрождение, воскрешение, будут вдыхать ее запах – не как память о прошлом, но как живую жизнь*¹.

Семантическая связность текста определяется функцией раскрытия, развития образа-символа, а достигается она уровнем семантических признаков. О.Г. Ревзина в своем исследовании по поэтике М. Цветаевой пишет: «Семантические признаки – это элементы смысловой структуры текста, взятые в отвлечении от способа их выражения. Семантические признаки могут передаваться денотативно и коннотативно, через внутреннюю форму, грамматические категории, синтаксические конструкции, графику, фонетику, ритмомелодику <...> через семантические признаки связаны едва ли не все слова в тексте, семантические признаки минуют синтаксические связи, создавая в целом пространство, очень похожее на живописное полотно. Р. Ингарден, рассматривая формирование эстетически ценных качеств в живописных произведениях искусства, пишет о том, что какое-то цветовое пятно может выступать как конструктивный элемент картины, будучи подобрано так, что может быть принято за цвет лба изображенного человека. Но это же цветовое пятно может образовывать «некоторое определенное эстетически ценное качество» вследствие ли «чистоты и насыщенности тона», вследствие ли контрастного качественного ансамбля живописного полотна [Ингарден 1963: 313] <...> каждое слово, каждый фразеологический оборот прочитывается дважды: по своему основному значению он выступает как «конструктивный элемент», а по семантическим признакам – как «цветовое пятно» [Ревзина 2009: 79].

На сегодняшнем уровне развития лингвистики текста принято считать, что семантика текста включает в себя несколько слоев: лексико-грамматические, семантико-синтаксические значения, коммуникативно-

¹ В. Шаламов. Воскрешение лиственницы // Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 318-319.

прагматическое и когнитивное содержание и т. д. Грамматические зависимости (соединение элементов) создают первый уровень текста, т.е. формируют текст как «ткань», «полотно». Второй уровень текста усматривается в образовании смысловых единиц, в содержательных взаимосвязях, которые охватывают целые фрагменты текста [Филиппов 2003: 258-259].

Семантическая когерентность текста обусловлена отношениями изотопии, в которые вступают элементы текста. Изотипические отношения накладываются на грамматические связи компонентов текста, недаром всю совокупность изотопических отношений в тексте называют «изотопической сетью» (Isotopienetz) текста.

Понятие изотопии введено в лингвистический обиход А. Греймасом [Greimas 1966, 1971] и заимствовано им из естественных наук. Под изотопами (isos ‘равный’ + topos ‘место’) в науке понимаются «атомы одного и того же химического элемента, ядра, которых содержат одинаковые число протонов, но разное количество нейтронов; имеют разные атомные массы, обладают одними и теми же химическими свойствами, в частности устойчивостью и распространенностью» [Словарь иностранных слов 1989: 190]. Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется «семная рекуррентия», т.е. семный повтор: в разных частях текста повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы. В результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста). В основе изотопии лежит так называемое явление «семантической эквивалентности» (=парадигматики), наблюдаемое при сопоставлении лексических единиц языка. Сочетаясь друг с другом в тексте, слова обеспечивают его связность за счет того, что особым образом взаимодействуют их лексические значения. Коммуникативная ориентация лексических единиц предполагает определенную систему их концептуального выдвижения. Сопряжение

выдвигаемых текстуально элементов в сознании читателя образует пучок связей, их узел. Эти узловыи звенья лексической структуры текста служат опорными смысловыми вехами в познавательной деятельности читателя.

Семантические признаки характеризуются повторяемостью, вариативностью и внутренней иерархией. «Они делятся на простые (неразложимые в пределах данного текста) и сложные (имеющие варианты, а также производные от них); интегральные (выраженные на протяжении всего текста, то есть представленные как дистанцированные повторы) и локальные; яркие (то есть хотя бы в одном случае выступающие как необходимый компонент сигнификативного значения) и тусклые (не имеющие среди своих означающих названной формы выражения, то есть относящиеся к коннотации) [Ревзина 2009: 81-82]. Инвентарь семантических признаков образа-символа *лиственница* предстает в тексте В. Шаламова в следующем виде.

Интегральные простые признаки

1. 'Дерево'.
2. Физические, тактильные, параметры: 'шершавая, неприхотливая, жесткая, гибкая (ветка)'.

Яркие локальные признаки

1. 'Не яблоня, не березка' (*дерево, стоящее в райском саду до изгнания Адама и Евы из рая*).
2. 'Серьезное' - *Дерево, непригодное для романсов*.

Тусклые локальные признаки

'иной пласт человеческих чувств' – оппозиции – 'отсутствие поэзии' (*дерево, непригодное для романсов*).

Интегральные сложные признаки

1. 'Серьезное дерево'.
2. 'Познание' (*дерево познания добра и зла*).

3. 'Жизнь'. Лиственница – символ жизни. Сема 'сила' (*шестьсот лет жизни лиственницы*).

Локальный тусклый признак 'цвет' – *ослепительно зеленый* (цвет природы, цвет жизни).

Тактильные физические характеристики: *жесткая, гибкая* (перенос значения на основе потенциальной семы 'сила'); *неприхотливая* (сема 'живучесть').

Живая жизнь (тавтологическое сочетание, усиление семы 'жизнь'); *запах жизни* (перенос, конкретизация абстрактного, наделения знака конвенциональным, символическим значением *лиственница* – 'жизнь').

4. 'Бессмертие'.

Оживят, воскрешая, запахнет Колымой (сема 'память'), *зацветет; шестьсот лет жизни лиственницы* – это практическое бессмертие человека (сема 'живучесть').

5. 'Сила'.

Живая жизнь, запах победы (метафора).

6. 'Местонахождение': *дерево Колымы, дерево концлагерей*.

7. 'Запах'.

Локальные признаки: *смутный* (тусклый), *скипидарный* (тусклый), *запах тленья* (яркий), *запах мертвецов* (яркий), *запах жизни* (яркий), *запах сопротивления* (яркий), *запах победы* (яркий).

8. 'Память' (*память о тех миллионах убитых, замученных, которые сожжены в братские могилы к северу от Магадана; память о прошлом*).

Содержание основного образа-символа формируется и посредством более абстрактных, логических семантик.

1. Семантика тождества, идентификации.

Лиственница – дерево очень серьезное. Это – дерево познания добра и зла <...> Лиственница – дерево Колымы. <...> шестьсот лет жизни

лиственницы – это практическое бессмертие человека. Перед нами двусоставные предложения, имеющие общее типовое значение «отношение между субъектом и его предметно представленным предикативным признаком» [Рус. грамматика. Т.2. 1990: 279], конкретным является значение идентификации («субъект с кем-чем-л. идентифицируется») [там же: 287] и характеристики. При отсутствии дополнительных факторов – «подлежащее – тема во всех случаях предшествует сказуемому – реме [там же: 287]», что стимулирует понимание последнего как предикатной метафоры. Со времен А.М. Пешковского в синтаксисе бытует мнение о том, что в связочных предложениях с двумя именительными представлено «отношение постоянного тождества (вневременного тождества) того предмета, который обозначен именительным предикативным, с тем предметом, который обозначен именительным подлежащего» [Пешковский 1938: 228], но при этом такие предложения принципиально обратимы, или, как это определял А.М. Пешковский, синтаксически двусмысленны, ибо никаких «чисто грамматических признаков, отличающих подлежащее от предикативного члена», установить невозможно [Пешковский 1938: 235; Арутюнова 2007: 308-325; Арутюнова 1999: 452-461]. Таким образом, в указанных конструкциях устанавливается вневременное метафорическое тождество между субъектной и предикатной частью, перед нами – обратимый троп (О.Г. Ревзина).

2. Семантика оппозиции; утверждения одной связи через отрицание другой связи.

Средства реализации:

- морфолого-синтаксические (междометное слово *нет*, частицы/союзы *не, но; ни, ни, не, не*; функции знаков препинания);
- лексико-морфологические (местоимения *другой, иной*);
- речевые приемы а) повтора (союзы, частицы, синтаксические

структуры); б) ограничения/выделения (*И только лиственница* <...>); в) семантико-символического противопоставления: <...> *не яблоня, не береза* <...>. «*Береза* – власть <...>, очищение <...> наказание. <...> грусть, печаль»; «**Яблоко** – символ Вечности; цельности; Земли; звезды; жизни, здоровья, омоложения, вечной юности, бессмертия; ребенка, весны, начала; осени, конца, смерти; пророчества, мудрости, знания, потаенности [Копалинский 2002: 14-15, 20].

3. Семантика однородности (перечисление признаков).

4. Персонификация: *воскрешая; докажет свою силу*; обратимость пассивных-активных конструкций и значений (*оживят ветку/как человека*) – она (ветка) *оживит память*).

5. Символизация.

«*Дерево познания добра и зла*» - фразеологизированная метафора. «**Дерево** – символ роста, лестницы к небу, ‘оси Мира’, небесной колонны, космической жизни; сотворения; божественного обновления; проявления воли божества, органического единства; справедливости; величественности, царственности, красоты, поэзии, знания; наказания, креста; искупления; любви, жертвенности; угрозы, ворожбы, колдовства; постоянства; надежды; благородства; мира; богатства; энергии, радости; мудрости, чести; человека; жизни духовной; здоровья; плодородия, происхождения рода, долговечности, возрождения, омоложения; жизни и смерти, победы Жизни над Смертью, воскресения <...>» [Копалинский 2002: 61].

Лиственница в тексте В. Шаламова – символ (как знак идеи) силы, бессмертия, жизни (живучести), памяти, неоднозначности добра и зла:

<...> *резной сучок, развилка лиственницы трехлетней или трехтысячелетней-ровесницы какого-нибудь Рамзеса или Ассаргадона, - мне было не дано знать сроки, счесть годовые кольца среза. Искусной рукой кустика был ловко уловлен какой-то единственный, уникальный*

естественный изгиб дерева, сражавшегося, корчась, с морозами Дальнего Севера. Изгиб пойман, сучок остановлен, срезан рукой мастера, и суть изгиба, суть дерева обнажена. Под очищенной корой показался стандарт из стандартов, вполне рыночный товар – голова Мефистофеля, наклонившаяся над бочонком, откуда вот-вот должно забить фонтаном вино. Вино, а не вода. Чудо в Кане или чудо в погребе Фауста только потому не становилось чудом, что на Колыме могла забить фонтаном человеческая кровь, а не спирт, - вина на Колыме не бывает, - не гейзер теплой подземной воды, лечебный источник якутского курорта Талой.

*Вот эта опасность; выбей пробку – и потечет не вода, а кровь – и сдерживала чудотворца **Мефистофеля или Христа** – все равно¹.*

Еще одним знаком–образом, актуальным в системе «Колымских рассказов» В. Шаламова, является образ перчатки, которая, как пишет автор, «за тридцать шесть лет стала частью моего тела, частью и символом моей души²». Проследим путь знака-образа к знаку-символу. Образный компонент значения знака отражается в словарной дефиниции различными способами: через указание на внешние признаки предмета, через указание на подобие признаков, через указание на перцептивно воспринимаемые признаки (зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые). Кроме того, информация о чувственных образах, соотносимых со знаком-лексемой может быть получена через выявление ассоциативно-вербальных связей как на уровне парадигматики, так и на уровне синтагматики, которые могут быть разбиты на следующие классификационные группы: образы-схемы, образы-картинки; образы объекта, образы ситуации; статические, динамические образы; ситуативные, внеситуативные образы; по типу объективации образа: эмоционально-оценочные образы, образы без эмоционально-оценочной

¹ В.Шаламов. Перчатка // Сб. «Перчатка, или КР-2», с. 339-340.

² В.Шаламов. Перчатка // В.Шаламов. Сб. «Перчатка, или КР-2», с. 324.

составляющей; обобщенные образы, детализированные образы [Стернин, Розенфельд 2008: 44-49].

Конкретное существительное *перчатки* в тексте синтагматически распространяется обособленным определением с семантикой тактильного признака и подобия признаков: *«Где-то во льду хранятся рыцарские мои перчатки, облежавшие мои пальцы целых тридцать шесть лет теснее лайковой кожи и тончайшей замши Эльзы Кох¹»*.

Одновременно происходит символизация языкового знака. Согласно концепции А. Шаффа, «символы выступают как подкласс замещающих знаков и характеризуются главным образом тремя чертами: 1) материальные предметы представляют здесь абстрактные предметы, 2) представление опирается на договор, который надо знать, чтобы можно было понять символ, 3) условное представление опирается на чувственное по своей внешней форме представление абстрактного понятия, выраженного знаком <...> Глубочайший смысл символов состоит в том, что они приближают абстрактные понятия к человеку, показывая ему абстрактные содержания в образе материального предмета, то есть в форме, более легкой для восприятия разумом и сохранения в памяти» [Шафф 1963: 193-194].

Рассмотрим контексты, отражающие процесс символизации языкового знака в текстовой перспективе. *«Разве можно держать перо в такой перчатке, которая должна лежать в формалине или спирте музея, а лежит на безымянном льду²»*. Контекст указывает на сакрализацию предмета, перчатка является символом памяти. Кроме того, в результате метонимического переноса (по смежности перчатка - пищащая, работающая рука, и человек в целом³). Лексема «перчатка» приобретает

¹ В.Шаламов. Перчатка, с.323.

² В.Шаламов. Перчатка, с. 324.

³ «У пойманных беглецов на Колыме отрубали ладони, чтобы не возиться с телом, с трупом. Отрубленные руки можно унести в портфеле, в полевой сумке, ибо паспорт человека на Колыме – вольняшки или заключенного- беглеца один – узор его пальцев. Все нужное для опознания можно

значение 'инструмент, фиксирующий воспоминания'. Ср.: «Разве кожа, которая выросла, новая кожа, костевые мускулы имеют право писать? А если уж писать – то те же самые слова, которые могла бы вынести та, колымская перчатка – перчатка работяги, мозолистая ладонь, стертая ломом в кровь, с пальцами, согнутыми по черенку лопаты. Уж та перчатка рассказ этой не написала бы. Те пальцы не могут разогнуться, чтоб взять перо и написать о себе.

Тот огонь новой кожи, розовое пламя десятисвечника отмороженных рук разве не был чудом?»¹.

Символическое значение лексемы *перчатки* расширяется за счет приращения ассоциативного образного смысла знака (эмоционально-оценочный образ ситуации) в синтагме *рыцарская перчатка*:

Этот рассказ о моей колымской перчатке, экспонате музея здравоохранения или краеведения, что ли?

*Где ты сейчас, мой **вызов времени**, рыцарская моя перчатка, брошенная на снег, в лицо колымского льда в 1943 году? <...>*

*<...> Разве в перчатке, которая приложена к истории болезни, не пишется **история не только моего тела, моей судьбы, души, но история государства, времени, мира.***

В той перчатке можно было писать историю.

*А сейчас – хотя дактилоскопический узор одинаков – рассматриваю на свет розовую тонкую кожу, а не грязные окровавленные ладони. Я сейчас дальше от смерти, чем в 1943 или 1938 году, когда мои пальцы были пальцами мертвеца. Я, как змей, сбросил в снегу свою **старую кожу**. Но и сейчас новая рука откликается на холодную воду. Удары отморозения необратимы, вечны. И все же моя рука не та рука колымского доходяги. Та **шкура сорвана с моего мяса, отслоилась от***

привезти в портфеле, в полевой сумке, а не на грузовике, не на «пикапе» или «виллисе».

А где моя перчатка? Где она хранится? Моя рука ведь не отрублена» (Шаламов, Перчатка, с.325).

¹ В.Шаламов. Перчатка, с.324.

мышц, как перчатка, и приложена к истории болезни [символ прошлого. – Т.Р.]: <...> мускулов, мышц на костях было слишком мало, чтобы хранить в них давно забытое, отброшенное, ненужное человеку чувство вроде надежды <...> Первая перчатка оставлена в Магаданском музее, в музее Санитарного управления, а вторая принесена на Большую землю, в человеческий мир, чтобы оставить за океаном, за Яблоновым хребтом – все нечеловеческое¹.

Как уже было сказано, средством экспликации индивидуально-авторской картины мира является метафора. В зависимости от степени развернутости знака-носителя образа различают простую метафору, в которой знак-носитель представлен одним словом (лексико-словообразовательная метафора), и метафору развернутую (синтаксическая метафора, представленная фракционированным знаком (В. Гак)). В основном для В.Т. Шаламова характерны синтаксические текстовые метафоры, раскрывающие свое образно-концептуальное содержание посредством сложного знака, каким является текст как синтаксическая единица. Рассмотрим подобные примеры. *«От первого удара конвоира, бригадира, нарядчика, блатаря, любого начальника, я валился с ног, и это не было притворством. Еще бы! Колыма неоднократно испытывала мой вестибулярный аппарат, испытывала не только мой «синдром Меньера», но и мою невесомость в абсолютном, то есть арестантском, смысле.*

Я прошел экзамен, как космонавт для полета в небеса, на ледяных колымских центрифугах².

*Где-то – вверху или внизу, я так и не узнал за всю мою жизнь – ходили **винтовые колеса,двигающие пароход судьбы, маятник, раскачивающийся от жизни до смерти, - выражаясь высоким штилем³.***

¹ В.Шаламов. Перчатка, с. 323-325.

² В.Шаламов. Перчатка, с.327.

³ Там же, с.329.

Способность к развертыванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры. Концептуальная (когнитивная) метафора приводит к формированию абстрактного значения, ее основная функция – создание новых понятий, она создает новые концепции в области обозначения непредметной действительности. Такая метафора именно создает, а не выражает сходство (модус *как если бы*) [Роль человеческого фактора в языке 1988] . Если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора, то можно ожидать ее развертывания по самым разнообразным направлениям и, соответственно, фреймам и слотам. У В. Шаламова встречаются все типичные варианты развертывания метафорических моделей¹ в пределах текста.

1. Развертывание в тексте одной доминирующей модели. Ярким признаком доминирующей модели является ее заголовочное положение, такая метафора «открывает» текст и она же его заканчивает, создавая текстовую рамку, как, к примеру, в рассказе «Перчатка», где, с нашей точки зрения, прослеживается путь языкового знака от знака-образа (метафоры) к знаку-символу.

2. Параллельное развертывание в тексте двух-трех моделей. В этом случае в составе текста происходит развертывание метафор, принадлежащих к нескольким параллельным (см. выше пример со с. 327, 329, *центрифуга* и *пароход* – сфера донор (машины), сфера мишень-человеческая жизнь, судьба, испытания; фрейм-общность функции: предназначенность для испытаний, тренировок, функционирования) или оппозиционным моделям: см. ниже, механизм, машина-организм человека, человеческая жизнь; организм человека, сфера медицины-судьба, человеческая жизнь.

Александр Иванович не пользовался ни хлоркой, ни карболкой, ни

¹ «Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-магнита» [Чудинов 2004:94].

*универсальной великой марганцовкой, ничего подобного даже рядом не было. Но какое мне было дело до всех этих слишком человеческих проблем. **Наша судьба и не нуждалась в дезинфекции**¹.*

Среди текстовых метафор В. Шаламова преобладают такие, которые структурируются и понимаются только дискурсивно. Например:

Вода, символическая больничная вода была холодной, конечно. Но не ледяной, как вся вода Колымы зимой и летом. Да это и не было важно. Даже кипяток не согрел бы мое тело. А плесни на мою кожу черпак адской кипящей смолы – адский жар не согрел бы нутра. Об ожогах я не думал и не в аду, когда прижимался голым животом к горячей бойлерной трубе в золотом разрезе прииска «Партизан». Это было зимой 1938 года – тысячу лет назад. После «Партизана» я устойчив к адской смоле. Но на «Беличьей» адской смолой и не пользовались. Шайка холодной воды на взгляд или, вернее, на ощупь, по мнению пальца Александра Ивановича, горячей или теплой и быть не могла. Не ледяная – и этого вполне достаточно, по мнению Александра Ивановича. А мне все это было и вовсе безразлично, по мнению моего собственного тела, - а тело посерьезнее, покапризней человеческой души – тело имеет больше нравственных достоинств, прав и обязанностей»¹ (метафора тепло/согреть: «Доходяги просто перешли границы добра и зла, тепла и холода»²). «Состояние у меня было такое, что никакого добра было мне сделать уже нельзя. Мне было безразлично – делают ли мне добро или зло. Вкладывать в мое пеллагрозное тело колымского доходяги даже каплю добра было напрасным поступком. Тепло было для меня важнее добра. Но попытались лечить меня горячими уколами – блатары покупали укол «РР» за пайку хлеба, и пеллагрозники продавали горячий укол за хлеб, обеденную пайку в триста граммов, и в кабинет на вливание входил какой-нибудь

¹ В. Шаламов. Перчатка, с. 340.

¹ В. Шаламов. Перчатка, с. 338.

² В. Шаламов. Перчатка, с. 338.

уркач вместо доходяги. И получал укол. Я свое «РР» никому не продавал и все получил в свою собственную вену, а не «пер-ос» - в виде хлеба¹».

2.3 Соловки: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт?

В исповедальном автобиографическом дискурсе русской интеллигенции частотен топоним Соловки. Представляется необходимым определить его сущностные характеристики. Что это? Образ? Символ? Метафора? Аксиологема? Мифологема? Концепт?

Сделаем теоретическое отступление о содержании указанных выше терминов.

С философской точки зрения концепт – «основная единица ментального плана, - содержащаяся в словесном знаке и явленная через него как образ, понятие, символ» [Колесов 2002: 5]. Изложим суть данной точки зрения, содержащейся в работе В. В. Колесова «Философия русского слова». Концепт – это сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе. Свернутая точка потенциальных смыслов [Колесов 2002: 19]. В образе концепт проявляется, воплощаясь в первую содержательную форму, в понятии – осмысливается, осознается, в символе -хранится. Образ субъективно индивидуален, символ – достояние народной культуры, а понятие – категория логики – всеобщее достояние. Сущность концепта существует в понятии, осуществляясь в слове, однако связующей их всех сутью являются семантические переходы между образом, понятием и символом. Таким образом, концепт (от *conceptum*) – «зерно первосмысла <...>, диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере

¹ В.Шаламов. Перчатка, с.351.

сознания» [Колесов 2002: 51]. «Концепт развивается, только постоянно изменяя форму своего воплощения: являясь последовательно в образе, в понятии и в символе» [Колесов 2002: 56]. Концепт может пониматься «как инвариант смысла, значения и **ценности** словесного знака [выделено нами. – *Т.Р.*]» [Колесов 2002: 81].

Символ можно трактовать как образ идеи в коллективном сознании (А.Ф. Лосев) [мифологема → концепт - *Т.Р.*], отражающий «национальную субъективность» [Аскольдов 1928: 41] [идеологема → концепт].

Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип (аксиологический, аксиологема → концепт). Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т.д.), этот феномен (культурема, термин Л. Карсавина) формирует в данной культуре концепт [культурема → концепт]. Помимо ценностного элемента в его составе выделяются фактуальный (понятийный) и образный элементы [Маслова 2005: 54].

Укажем, что, в отличие, например, от топонима Колыма, образный компонент значения топонима Соловки включает не только отрицательные, но и положительные оценочные коннотации. Так, ниже представлен перечень ассоциаций на слово «Колыма». При сборе информации было опрошено 30 человек, представителей студенческой среды. Большинство ассоциаций связано с темой заключения, каторги, тюрьмы, с местами ссылки и политическими репрессиями (*тюрьма, заключенные, отправить в ссылку, Сталин*), с тяжелыми каторжными условиями (*уставать, быть голодным, тяжелая работа*). Кроме того, есть ассоциации, связанные и с географическими объектами, ландшафтом и местоположением (*далеко, БАМ, поле, степь, речка*).

Колыма 1) тюрьма (8), 2) далеко (6), 3) – Приезжайте к нам на Колыму - Нет уж, лучше Вы к нам! (5), 4) заключенные (4), 5) отправить в ссылку (3), 6) уставать (3), 7) Колымские рассказы (2), 8) тяжелая работа (2), 9) поле, степь (2), 10) дедушка (1), 11) речка (1), 12) Байкало-Амурская Магистраль (1), 13) Сталин (1), 14) быть голодным (1).

В целом же, большинство слов-ассоциаций имеют отрицательную коннотацию, связаны с негативными эмоциями и представляют собой аллюзию на определенную историческую ситуацию в России.

Лингвокультурный концепт многогранен, что обуславливает возможность различных подходов к определению его структуры. Каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает помимо смыслового содержания еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту (коннотации) и другие компоненты:

- общечеловеческий или универсальный;
- национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде;
- социальный, обусловленный принадлежностью человека к определенному социальному слою;
- групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе;
- индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей образования, воспоминания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей» [Маслова: 54-55]. Ср. ядро, приядерная и периферийная зоны.

Есть и другой перечень компонентов, или слоев, концепта. «Активный слой [- ядро] («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него») входит в общенациональный концепт, устойчивые представления, традиционные сравнения, образы, символы; пассивные слои («дополнительные образы-

символы, признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») принадлежит концептосферам отдельных субкультур; внутренняя форма концепта («не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов») для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов» [Карасик 1996: 3]. При уровненом рассмотрении концепта говорят о его субординатном, базовом, суперординатном уровнях (Н.Н. Болдырев).

Рассмотрим содержательные формы проявления концептуального смысла в речи. К числу основных отнесем идеологему, мифологему, аксиологему, культурему, метафору.

Идеологема – «семантико-тематические» обозначения духовных ценностей в картине мира языковой личности [Караулов 1997: 153]. Понятие «идеологемы» не сводимо к идеологическим понятиям общества в узком смысле - любое слово, обозначающее значимое для личности явление или понятие, может стать идеологемой. Общественно-политическая лексема как идеологема противостоит общественно-политическому термину (даже если с точки зрения системы языка это одно и то же слово) – противостоит по объему и по сфере употребления, по цели употребления, по наличию сугубо индивидуальных ценностных и эмоциональных коннотаций, по образности. В работе С.А. Журавлева идеологема определяется как «конкретная цельная единица синкретичной лингвосемиотической природы; <...> знаковое образование идеологического метауровня; <...> **дискурсивная единица** [Т.Р.], значимость которой определяется метаконтекстуально» [Журавлев 2004: 7]. Языковые единицы, создаваясь и функционируя в условиях того или иного исторического дискурса и закономерно испытывая на себе влияние конкретной идеологии, аккумулируют в своем содержании множество

ценностно обусловленных коннотаций эпохи (например, дооктябрьский (самодержавный), советский и постсоветский (современный) периоды). В отношении к идеологеме *Соловки* эти коннотации менялись в диахронии.

Идеологемы как ценностно мотивированные знаковые образования являются формой воплощения концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности, служащей основой для формирования аксиологических категорий (аксиокатегорий), единицей выражения которых являются **аксиологемы**. С.А. Журавлев предложил распределить идеологемы русского языка по следующим разрядам: аксиокатегория власти, аксиокатегория социального устройства, аксиокатегория образа врага, аксиокатегория религии, аксиокатегория культурно-философских ценностей [Журавлев 2004: 7]. Аксиологему / идеологему *Соловки* отнесем в первую очередь к двум последним, хотя в ней, с нашей точки зрения, сочетается семантика всех перечисленных разрядов.

К числу идеологем относят и имена собственные. Ср. примеры: *Лубянка, Ленин, Сталин, Колчак, Юрий Гагарин* и др. [Журавлев 2004: 9]. Статусом идеологем могут обладать как одинарные единицы (слова), так и бинарные (словосочетания). Ср. *Соловки* – аксиологема / идеологема всех разрядов (см. выше), но *Соловецкие острова*, или *Соловецкий архипелаг* (аксиологема в первую очередь природной, культурной ценности).

На основе совокупности разнообразных историко-функциональных признаков идеологем С.А. Журавлев в своем диссертационном исследовании приводит следующую их классификацию: 1) общие (или диахронические идеологемы – такие единицы, значимость которых является универсальной, т.е. их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализировано на любой стадии социально-политического развития общества (*Бог, власть, держава, народ, партия, свобода* и т.д.). <...> на каждом историческом этапе данным единицам будут свойственны свои специфические семантико-когнитивные трансформации –

естественное следствие динамики общественного сознания; 2) частные (синхронические) идеологемы – такие единицы, значимость которых будет иметь место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи (*император, самиздат, самодержавие, славянофильство, сменовеховство, советский* и т.д.). На других исторических этапах такие слова не имеют ценностно обусловленной актуализации и являются либо просто политемами, либо вовсе не терминологизированными единицами с нейтральным содержанием; 3) описательные идеологемы – вспомогательные дискурсивные единицы, которые, как правило, несут в себе логическую оценку и используются как средство предикации (функционального элемента словарной статьи [Алешина 2001] в пропагандистском разъяснении роли других идеологем (*буржуазный, консервативный, контрреволюционный, мелкобуржуазный, меньшевистский, оппортунистический, реакционный* и т.д.). Такие идеологемы, регулярно употребляясь в стандартных идеологически значимых контекстах, в свою очередь приобретают ауру внеязыковой оценочности и становятся ценностно актуализированными» [Журавлев 2004: 10].

С одной стороны, идеологему *Соловки* можно отнести к идеологемам первого типа, общая идеологема, подвергающаяся в диахронии семантико-когнитивной трансформации. Но, с другой стороны, это не универсальная, а национально и культурно ориентированная, специфическая идеологема. Следовательно, статуса идеологемы, которым обладает рассматриваемое имя собственное, для данной единицы явно недостаточно, этим ее сущность не исчерпывается. Рассмотрим другие содержательные формы.

Идеологемы могут подвергаться **мифологическому переосмыслению**: их концептуальное содержание обогащается магическими, сакральными смыслами (идеологема → мифологема). При мифологическом переосмыслении семантики знака исходное слово утрачивает как компоненты своих общеязыковых значений, так и

первоначальную денотативно-сигнификативную отнесенность. Идеологемы могут, например, подвергаться в дискурсе несвойственному им образно-чувственному переосмыслению, нарушающему объективно существующие связи явлений действительности. «Освоение такой идеологемы происходит путем включения в её концептуальное содержание и коннотативную окраску других значимых для личности смыслов и оценок – религиозных, натурфилософских и пр., устанавливаются связи и корреляции, не имеющие соответствия в реальности» [Радбиль 1998: 129]. Таким образом, мифологизацией языкового знака является «превращенное отображение языковой и мыслительной действительности в языке. Когда идеологема превращается в мифологему, тогда язык начинает осуществлять когнитивную и коммуникативно-прагматическую функцию в аномальном виде» [Радбиль 1998: 135].

Наиболее полное выражение эта идея находит в концепции Р. Барта, провозгласившего существование такой особой семиологической системы, как мифология, причем «поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» [Барт 1996: 233].

Ролан Барт так определяет семиологическую структуру мифа:

Язык	1. Означающее	2. Означаемое
	3. Знак	
Миф	I. Означающее	II. Означаемое
	III. Знак	

Миф, являясь результатом вторичного (ценностного) семиозиса, словно наслаивается на первичную (языковую) знаковую основу. Неслучайно означающее языкового знака Р. Барт именуется смыслом, а означающее мифа-формой, т.е. языковой знак, воспринимаемый как комплекс означаемого и означающего выступает в качестве материальной основы для формирования мира.

Это является объяснением феномена идеологемы, реализующегося

«через представление о модели некоего сверхзнака, структура которого включает языковой знак и знак мифологизации (так называемую прагматическую оболочку). Таким образом, идеологема, спроецированная на семиологический уровень, может рассматриваться как элемент знаковой системы, функционирующий в условиях определенной актуализации, в тех условиях, когда на традиционный парадигматический знак накладывается знак внешний, метасистемный» [Журавлев 2004: 10]. Таким образом, «идеологема, как единица неоднородная, имеющая двойную конвенциональность (языковую и внеязыковую), наиболее точно раскрывает свою сущность в лингво-семантическом аспекте – в соответствии с концепцией мифологий Р. Барта. В данном случае следует говорить о построении модели идеологема как знаковой формы, спроецированной на вербальную основу. Соответственно, идеологема – конкретное знаковое образование с двойным означаемым: одно означаемое естественное, первичное, имеющее языковую природу, другое-мифологизированное, вторичное, закреплённое внешней идеологической конвенцией» [Журавлев 2004: 21].

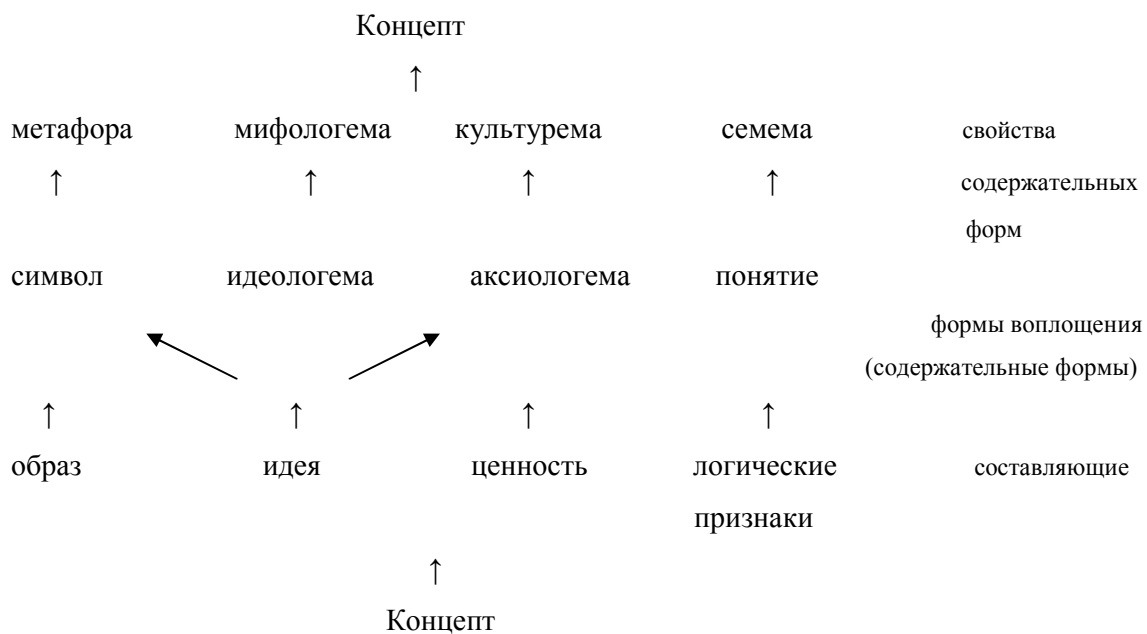
«Идеологема, будучи актуализированной в рамках конкретной идеосферы и ценностно обусловленными единицами, требуют по отношению к себе пристального внимания в плане лингвистики, с одной стороны, и, аксиологии, с другой. Компромиссной в этом отношении дисциплиной является лингвоаксиология, в рамках которой осуществляется анализ оценочного сознания, на уровне интонационного оформления, морфемы, лексемы, граммы и целого текста, изучение оценочности как семантической категории в составе коннотации, выявление всех ценностных связей и отношений, которые служат своеобразной точкой отсчёта для определения специфики взаимодействия языковых единиц друг с другом, а также рассмотрение собственно прагматического аспекта, связанного с субъективно обусловленным

функционированием конкретного высказывания» [Журавлев 2004: 9].

Единицей аксиологии является **аксиологема**. Аксиологема – категория эмоционально-интеллектуальной оценки. В отличие от идеологема, в аксиологеме как знаке на первый план выступает не денотативно-сигнификативное значение, а ценностно-оценочные коннотации. Если идеологема является знаком культурно значимых смыслов, идей, она приобретает статус **культурема**.

Метафора «представляет собой отношение образа к символу и – есть процесс» [Теория метафоры 1990: 380], «процесс взаимодействия двух содержательных форм [концепта. – *T.P.*] в пользу третьей – в пользу понятия, воссоздаваемого как результат наложения образа на символ <...>, <...> предикативное свойство содержательных форм концепта – образа, понятия и символа» [Колесов 2002: 182].

Повторим, что «**концепт** есть сущность одновременно каждой содержательной формы слова [- шире – знака. – *T.P.*]» [Колесов 2002: 196], а «выбор эмического ряда, представленного в лингвоаксиологии очень широко (аксиологема, идеологема, мифологема, политема, прагмема и пр.), обусловлен хотя и разнообразной, но стройной таксономией и возможностями успешной корреляции» [Журавлев 2004: 9]. Если учесть, что «концепт- исходная точка семантического наполнения слова [- знака. – *T.P.*] и одновременно – конечный предел развития [Колесов 1992: 34], то соотношение между рассмотренными выше единицами можно представить следующим образом:

Структуру образной составляющей слова *Соловки* представляется возможным выявить, в первую очередь, при помощи свободного ассоциативного эксперимента и анализа соответствующей словарной статьи «Русского ассоциативного словаря».

1	лагерь	Монастырь			
2	каторга				
3	тюрьма	место заклучения			
4	-				
5	Солженицын	музей	монастырь		
6	деревня				

7	заключение				
8	тюряга				
9	соловьи				
10	гулаг	тюрьма	монастырь	монахи	Советский Союз
11	неволя	заклучение			
12	репрессии				
13	58 статья				
14	остров	отшельники	религия	чудо	
15	теплоход	отдых	остров		
16	тельняшки	заклученные			
17	тюрьма	Питер	острова		
18	город	река	монастырь	культурный памятник	
19	монастырь	север	обитель	ссылка	
20	церковь				
21	ссылка				
22	тюрьма				
	город				

23					
24	населенный пункт				
25	книга				
26	монастырь				
27	соловей				
28	острова	тюрьма			
29	гулак	север	работа	тюрьма	голод
30	заключение	унижение	боль	репрессии	страх
31	город	сошки			
32	сова	роща	соловьи		
33	деревня				
34	сельская местность				
35	сельская местность				
36	сельская местность				
37	промыслы				
38	промыслы	бабушка дедушкой	с	семечки	
9	колосистое поле				

40	населенный пункт				
41	птички	черевички			
42	проповедник				
43	монастырь				
44	монастырь				
45	пение соловьев				
46	острова				
47	монастырь	тюрьма			
48	деревня				
49	птички				
50	тюрьма	каторга	остров		
51	остров				
52	лагерь				
53	деревня				
54	деревня	пристань			
55	город	птички	свистульки		
	русский город				

56					
57	лагерь	тюрьма			
58	село	лесочек			
59	монастырь	зона	лагерь	остров	ссылка
60	ссылка	советское время	каторжный труд		

*Словарная статья не входит в состав Русского ассоциативного словаря и составлена на основе одного слова-стимула. Данные получены в ходе независимого ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 60 студентов Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова в возрасте от 18 до 23 лет. Родной язык всех респондентов русский. Сбор материала проводился в один этап в течение 7 календарных дней.

<u>Лагерь</u>	4
<u>Остров</u>	8
<u>Монастырь</u>	10
<u>Каторга</u>	2
<u>Тюрьма</u>	10
<u>Соловей</u>	3
<u>Заключение</u>	3
<u>Место заключения</u>	1
<u>Солженицын</u>	2
<u>Гулаг</u>	2
<u>Деревня</u>	5
<u>Репрессии</u>	2
<u>Советское время</u>	1
<u>Советский Союз</u>	2

<u>Ссылка</u>	3	
<u>Теплоход</u>	1	
<u>Тельняшки</u>	1	
<u>Свистульки</u>	1	
<u>Птички</u>	3	
<u>Река</u>	1	
<u>Обитель</u>	1	
<u>Культурный памятник</u>	1	
<u>Город</u>	4	
<u>Русский город</u>	1	
<u>Пристань</u>	1	
<u>Промыслы</u>	2	
<u>Колосистое поле</u>	1	
<u>Каторжный труд</u>	1	
<u>Зона</u>	1	
<u>Лесочек</u>	1	
<u>Сельская местность</u>	3	
<u>Север</u>	2	
<u>Чудо</u>	1	
<u>58 статья</u>	1	
<u>Роща</u>	1	
<u>Сова</u>	1	
<u>Неволя</u>	1	
<u>Бабушка с дедушкой</u>	1	
<u>Монахи</u>	1	
<u>Сошки</u>	1	
<u>Проповедник</u>	1	
<u>Музей</u>	1	
<u>Отдых</u>	1	

Населенный пункт 2

Унижение

Боль

Страх

Отшельник

Религия

Заключенные

Питер

Церковь

Книга

Работа

Голод

~~Семечки~~

Черевички

Пение

Село

Единичные реакции: Место заключения→ Советское время→ Теплоход→ Тельняшки→ Свистульки→ Река→ Обитель→ Культурный памятник→ Русский город→ Пристань→ Колосистое поле→ Каторжный труд→ Зона→58 статья→ Роща→ Сова→ Неволя→ Бабушка с дедушкой→ Монахи→ Сошки→ Проповедник→ Музей→ Отдых→ Унижение→ Боль→ Страх→ Отшельники→ Религия→ Заключенные→ Питер→ Церковь→ Книга→ Работа→ Голод→ Семечки→ Черевички→ Пение соловьев→ Село

СОЛОВКИ: Монастырь, тюрьма 10; остров 8; деревня 5; город, лагерь 4; заключение, птички, сельская местность, соловей, ссылка 3; ГУЛАГ, каторга, населенный пункт, промыслы, репрессии, север, Советский Союз, Солженицын, заключенные 2; 58 статья, бабушка с дедушкой, боль, голод, зона, каторжный труд, книга, колосистое поле, культурный памятник, лесочек, место заключения, монахи, музей, неволя, обитель, отдых, отшельники, пение соловьев, Питер, пристань,

проповедник, работа, река, религия, роща, русский город, свистульки, село, семечки, сова, Советское время, Сошки, страх, тельняшки, теплоход, унижение, церковь, черевички, чудо 1; 112+38+1+40(60+30+1+12)

Дифференциация ассоциаций по оценочным коннотациям

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ	НЕГАТИВНАЯ КОННОТАЦИЯ	НЕЙТРАЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ
Бабушка с дедушкой	58 статья	Солженицын
Колосистое поле	Боль	Город
Культурный	Голод	Деревня
памятник	Гулаг	Книга
Лесочек	Заключение	Монастырь
Отдых	Заклученные	Монахи
Пение соловьев	Зона	Музей
Птички	Каторга	Населенный пункт
Свистульки	Каторжный труд	Обитель
Черевички	Лагерь	Остров
Чудо	Место заключения	Питер
	Неволя	Пристань
	Отшельники	Промыслы
	Репрессии	Проповедник
	Север	Работа
	Солженицын	Река
	Ссылка	Религия
	Страх	Роща
	Тельняшки	Русский город
	Тюрьма	Село
	Унижение	Сельская местность
		Семечки
		Сова
		Советский Союз
		Советское время
		Соловей
		Сошки
		Теплоход
		Церковь

I. Лексическое наполнение грамматикона (синтактико-морфологические связи знаков в парах):

1) фонетические созвучия Соловки- сошки (1), сова(1)

В том же ряду деривационные пары Соловки - соловей (соловьѝ) (3)

2) модели более двух слов

Соловки - пение соловьев, сельская местность, населенный пункт, бабушка с дедушкой, каторжный труд, колосистое поле, культурный памятник, место заключения, русский город, советское время (13)

II. Реализация полисемии:

При анализе словарной статьи, созданной по результатам свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией как первичного, так и последующих вариантов ответа, необходимо учитывать тот факт, что слово-стимул выражено собственным именем существительным, обозначающим географический объект. Обратимся к данным энциклопедического словаря для более адекватного понимания реакции на слово-стимул правомерным будет наличие исторической справки, поэтому были использованы не только лингвистические, но и энциклопедические словари, так как культурный слой значения связан с референтной соотнесенностью знака.

«Соловецкие острова (Соловки) — архипелаг в Белом море на входе в Онежскую губу. Площадь — 347 км². Это крупнейший архипелаг беломорского бассейна. Соловецкие острова состоят из шести крупных островов. Датой основания монашеского поселения считают 1436 год — время появления на Соловках преподобного Зосимы. С XVII в. Соловецкий монастырь участвовал в военных действиях, а также использовался как место ссылки заключённых, главным образом, по политическим мотивам. В 1854 году Соловецкий монастырь обстреливается с английских кораблей «Бриск» и «Миранда». В 1920 году состоялось прибытие на Соловки комиссии М. С. Кедрова, произошла

ликвидация Соловецкого монастыря и ссылка его руководства. Архимандрит Вениамин (Кононов), последний настоятель Соловецкой обители, и его келейник иеромонах Никифор (Кучин) были убиты (сожжены заживо) в лесной избушке близ реки Лодьма в районе Волкоозера на Пасху 1928 года. (15 января 2004 года в Северодвинске совершено освящение деревянного Храма в честь преподобномучеников Вениамина и Никифора).

На месте монастыря были организованы совхоз «Соловки» и лагерь принудительных работ. С 1923 года на Соловках располагался один из первых концлагерей для противников советской власти — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). В 1937 году СЛОН был реорганизован в тюрьму. В 1939 году произошла ликвидация тюрьмы на Соловках, архипелаг был передан Северному флоту, на островах был организован учебный отряд Северного флота. В 1942—1945 годах на островах функционировала школа юнг. В 1944 году был организован Островной совет, который в 1971 году был переименован в Сельский совет. В 1987 году на Соловках был создан районный Совет, а населённый пункт на архипелаге получил официальное название «посёлок Соловецкий». В 1990 году была возобновлена религиозная деятельность на Соловецких островах. В 1992 году произошло включение Соловецкого историко-культурного комплекса в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а в 1995 году — в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Самое большое значение (как археологический памятник) имеют соловецкие лабиринты. Древнее археологическое наследие острова представлено группой первобытных стоянок, мастерских и местонахождений отходов кварцевой индустрии, датированных V тыс. до н. э. — I тыс. н. э., каменными лабиринтами эпохи раннего железа, сейдами, а также многочисленными валунными сложениями

домонастырского и монастырского времени. Начало исследованиям лабиринтов Севера положил заключённый СЛОНа В. В. Виноградов ещё в 1920-х годах. Точное время постройки лабиринтов на Соловецких островах пока что неизвестно, однако большинство учёных относят их к I—II вв. до н. э. В наши дни сооружены лабиринты наподобие древних. Эти лабиринты находятся в южной части Большого Соловецкого острова на побережье Белого моря.

Соловецкий архипелаг с 1 января 2006 года входит в состав Соловецкого сельского поселения Приморского муниципального района Архангельской области, общая площадь которого равна площади архипелага и составляет 347 км². До 2006 года Соловки входили в состав отдельного муниципального образования в Архангельской области. Административным центром Соловецкого сельского поселения является посёлок Соловецкий (название с 1987 года), который расположен на Большом Соловецком острове. Все основные объекты инфраструктуры (несколько пристаней, аэропорт, магазины) находятся именно в этом посёлке. Руководство муниципальным образованием осуществляет глава администрации.

В состав Соловецкого сельского поселения входят 11 сельских населённых пунктов. Это посёлки (Исаково, Малая Муксалма, Муксалма, Реболда, Савватиево, Соловецкий и Хутор Горка) и хутора (Березовая Тоня, Гора Секирная, Новососновая и Троицкий).

Соловецкий монастырь

Соловецкий монастырь расположен на перешейке между Святым озером и бухтой Благополучия на Большом Соловецком острове. Датой основания монастыря принято считать 1436 год — время появления на Соловках преподобного Зосимы. До того, как был построен современный каменный монастырь, существовали деревянные постройки XV — начала XVI вв. Архитектурный ансамбль монастыря включает в себя:

Соловецкий Спасо-Преображенский собор, Благовещенскую Надвратную церковь, монастырскую крепость, сооружения монастырского поселка и скитов, уникальную систему гидротехнических сооружений и некоторые другие постройки.

Территория монастыря окружена массивными стенами (высота — от 8 до 11 метров, толщина — от 4 до 6 метров) с 7 воротами и 8 башнями, построенными в 1584—1594 годах под руководством архитектора Трифона. Стены сооружены из огромных камней размером до 5 метров. На территории монастыря расположены религиозные сооружения, соединённые крытыми переходами, окружённые жилыми и хозяйственными помещениями.

Соловецкий монастырь перестал функционировать в качестве религиозного сооружения с появлением на Соловках Советской власти и лагеря особого назначения (в 1920 году), однако с 25 октября 1990 года возобновил свою деятельность.

Заключение на Соловках. Монастырь как тюрьма. Первым заключённым на Соловках (чьё заключение было официально задокументировано) был игумен Артемий, выступавший против церковной знати и церковного землевладения. Игумен был осужден Церковным собором в 1553 году и сослан в Соловецкий монастырь с предписанием «пребывать ему внутри монастыря с великой крепостью, в келье молчательной».

В одной из башен Соловецкого монастыря были организованы специальные тюремные кельи. Это были маленькие и тёмные помещения с небольшими отверстиями вместо двери, через которые заключённые проникали внутрь. В XIX в. местные жители рассказывали о суровом режиме в этой тюрьме — заключённых морили дымом, замуровывали, пытали. Монастырская тюрьма постоянно расширялась. В 1798 году под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842

году для заключённых построили специальное трёхэтажное здание и особые казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников.

В 1835 году была проведена жандармская ревизия Соловецкой тюрьмы, ревизия признала, что заключённые Соловецкой тюрьмы несли наказания, значительно превышавшие их вину. В результате проверки несколько из заключённых были освобождены, а некоторые были переведены в обычные монастырские кельи. После ревизии был издан указ, который был призван запретить сажать в монастырские тюрьмы без особого разрешения императора. Последние заключённые Соловецкой монастырской тюрьмы были выведены в 1883 году, но караульные солдаты содержались при ней до 1886 года.

Соловецкий лагерь

Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) — крупнейший исправительно-трудовой лагерь 1920-х годов. Он находился на территории Соловецких островов.

Соловецкий лагерь был организован 2 ноября 1923 года постановлением СНК от 13 октября 1923 года[19] на основе Пертоминского лагеря принудительных работ. Лагерю было передано в пользование все имущество Соловецкого монастыря. СЛОН был закрыт 16 ноября 1931 года, вновь организован 1 января 1932 года и окончательно закрыт 4 декабря 1933 года. Заключённые, аппарат и имущество Соловецкого лагеря были переданы Беломоро-Балтийскому исправительно-трудовому лагерю.

Соловецкий лагерь особого назначения

В Соловецкий лагерь особого назначения изначально ссылались, в основном, политические заключённые. 10 июня 1925 года принимается «Постановление О прекращении содержания в СЛОН

политзаключенных». Летом 1925 года политические заключенные были вывезены на материк.

В 1926—1927 годах лагерь осуществлял лесозаготовки (на Соловецких островах и в Карелии), торфоразработки, ловлю озёрной и морской рыбы, забой морского зверя, занимался сельским хозяйством, обслуживал кирпичный завод, кожевенное, гончарное, смолокуренное, известковое, салотопенное производства и механический завод, осуществлял погрузочно-разгрузочные работы на Мурманской железной дороге, дорожное строительство. В 1928—1931 годах лагерем осуществлялись лесозаготовки, обслуживался лесозавод в Ковде, лесопильные заводы в Карелии, погрузочные и разделочные работы на Мурманской железной дороге, осуществлялось дорожное строительство. Помимо этого, лагерь занимался рыболовством, сельским хозяйством, производством ширпотреба. Лагерь участвовал в начале строительства Северного участка Беломорско-Балтийского водного пути. В 1932—1933 годах СЛОН был занят, в основном, рыбной промышленностью и производством ширпотреба.

Беломоро-Балтийский лагерь

Беломоро-Балтийский лагерь был организован 16 ноября 1931 года и был закрыт 18 сентября 1941 года. В то время, когда на Соловках располагалось одно из лагерных отделений Белбалтлага (то есть до 1937 года), лагерь обслуживал работу Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ-НКВД, а именно осуществлял эксплуатацию Беломорско-Балтийского канала и освоение прилегающей к нему территории, занимался лесозаготовкой, строительством Сегежского лесобумажнохимического комбината (с осени 1935 года), Нижнетуломской ГЭС на реке Туломе.

Соловецкая тюрьма особого назначения

В 1937—1939 годах на территории архипелага находилась

Соловецкая тюрьма особого назначения (СТОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

В тюремных камерах разрешалось только сидеть на кровати, не опираясь на стену, с открытыми глазами, держа руки на коленях. Заключённым разрешалась прогулка до получаса в день, пользование книгами из тюремной библиотеки. Заключённых водили по двору только на допрос под конвоем. Форма представляла собой одинаковые чёрные робы с надписью «СТОН» и ботинки, которые полагалось носить без шнурков». [Энциклопедический словарь. – М.: «Аванта +», 1998. – С.].

Исходя из представленной информации, можно предположить, что основными значениями слова *Соловки* будут, прежде всего, те, что связаны с его географической квалификацией. Значение ‘группа островов’ представлено в 8 случаях, при этом следует уточнить, что родовое понятие употребляется как в единственном, так и во множественном числе. Значение ‘населенный пункт’ встречается 2 раза, однако, важно отметить, что ассоциация ‘город’ более частотна (4), чем ‘сельская местность’ (3), но менее частотна, чем ‘деревня’ (5). В ответах прослеживается конкретизация, очерчивание границ данного географического объекта: *север, Советский Союз* (2), *Питер, село* (1), *пристань* (1).

Ш. Выявление системных знаний (семантикон)

Морфологические характеристики слова «Соловки» (собственное имя существительное, *pluralia tantum*) ограничивает его системные связи в языке. Данное слово не может вступать в синонимические и антонимические связи в своем прямом значении. Однако можно указать наличие некоторых деривационных связей: *Соловки - соловей (соловь)* - от производной основы к производящей. Ранее этот пример был отмечен как фонетическое созвучие. Таким образом, одинаковая реакция может быть обусловлена разными факторами, что определяется перцепцией

отвечающего, уровнем его лингвистической образованности. Связь однокоренных слов *Соловки* - *соловьи* провоцирует такую реакцию как *птички*, выстроенную по словообразовательной модели с суффиксом -К- и с сохранением семантики.

В сфере освещения системных знаний следует обратить внимание на частотность ассоциаций лексических единиц с семами 'деревня', 'село' со словом *Соловки*. Это обусловлено тем, что название «Соловки» образовано по типичной модели номинаций сельских населенных пунктов, например: станица Выселки (Краснодарский край), поселок Зимовинки (Ростовская область), село Черниговка (Приморский край), село Починки (Нижегородская область). Одинаковая словообразовательная модель (с суффиксом - диминутивом -К-) мотивирует ассоциации под влиянием аналогии (Сошки-1), а также ассоциации из одного лексико-семантического поля (деревня-5, сельская местность-3, бабушка с дедушкой-1, семечки-1) Отдельно можно выделить еще два семантических поля в тематико-ситуативной сфере «Природные реалии» (*лесочек, роща, колосистое поле*), «Артефактные реалии» (*промыслы, черевички, свистульки*).

IV. Прагматикон (знания о месте человека в мире (по мнению Ю.Н. Караулова, «все случаи текстовых преобразований, оперирование целыми текстами как знаками с целью усиления собственных мотивировок,..»[Рус. асс. Словарь. Т.1 2002: 17])).

На когнитивном уровне возникали наиболее частотные ассоциации. Языковые единицы реакций на слово-стимул показывают, каким образом слово *Соловки* (его когнитивный образ) входит в языковую картину мира языковой личности.

В равной степени и одновременно наиболее частотными являются ассоциаты *монастырь* и *лагерь*. Эти результаты дают основание говорить об апелляции к прецедентным феноменам. К прецедентным именам

следует отнести *Соловецкий монастырь*, *Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН)* и *Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР*. В том же контексте можно говорить о прецедентной ситуации (заключение-3, ссылка-3, ГУЛАГ-2, каторга-2). При этом очевидно, что ряд единичных ассоциаций может быть условно разделен на три лексико-семантических поля:

1- с ядром «монастырь»: *культурный памятник, монахи, обитель, отшельники, религия, проповедник церковь*;

2- с ядром «тюрьма»: *заключение, место заключения, тельняшки, зона, 58 статья, заключенные, неволя*;

3- с ядром «лагерь»: *каторга, репрессии, ссылка, каторжный труд, унижение, боль, страх, работа, голод, Советское время, Советский Союз*.

Кроме указанных выше прецедентных феноменов нужно указать на интертекстуальные связи, которые устанавливаются между словом-стимулом и словами - реакциями. Прецедентным в данном случае будет текст романа А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Ссылку на этот источник можно зафиксировать в парах: «Соловки»- «ГУЛАГ», «Соловки»-«Солженицын», «Соловки»- «книга». Таким образом, анализ языковых явлений на дискурсионном уровне показывает, что собирательная языковая личность хранит в памяти отголоски недавнего прошлого в истории страны.

Необходимо обратить внимание еще на один ассоциативный аспект, касающийся слова *Соловки*. Данное слово не представлено в первом томе «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова по объективным причинам (данное слово является топонимом), однако в обратном словаре (от реакции к стимулу) рассматриваемая номинация присутствует, слово «Соловки» является реакцией на слово *познакомиться*. В данном случае можно предположить, что слово-

стимул было употреблено не в прямом значении ‘вступить в знакомство с кем-либо’, а в значении ‘получить о чем-либо некоторые сведения; познать что-либо в какой-либо мере’, а именно ощутить на себе все тяготы лагерной жизни. Также во втором томе есть относительное прилагательное *Соловецкий*. Оно выступает реакцией на слово-стимул *лабиринт*. Здесь прослеживается связь с прецедентным феноменом, а именно: Соловецкие лабиринты как археологический памятник.

ВЫВОДЫ:

В целом в данной словарной статье формируется негативный образ Соловков как места заключения политических заключенных. Низкая частотность реакций на стимул *Соловки* в значении ‘памятник’ и ‘объект культурного наследия’ свидетельствуют об одностороннем представлении об этом объекте, связанном в большей степени с Советским периодом. Основные, наиболее частотные ассоциации формируются на когнитивном, дискурсивном уровнях, а не на собственно лингвистическом. Данное слово - имя собственное (топоним) - в меньшей степени может быть определено признаком и имеет меньше возможностей установления синонимических и антонимических связей, в меньшей степени вступает в отношения согласования, управления, атрибуции, переходности. Следовательно, неярко выражены синтагматические и парадигматические связи в сфере ассоциаций. Однако проявляются родовидовые отношения: частотны ассоциации с интенцией говорящего определить понятие (Соловки-остров). В восприятии данного слова-стимула преобладает эмпирический аспект, но это не исключает эмоционального и оценочного (*унижение, боль, страх*).

Следует сказать о том, что ассоциативные данные могут быть использованы в качестве не только лингвистической, но и

психологической информации. Можно спрогнозировать зависимость реакций от возраста говорящего и его восприятия данного слова-стимула (люди старшего возраста лучше знакомы с историческим контекстом), а также от характера и организации мышления респондента (логическое или образное).

Продолжая разговор об образной составляющей лексемы *Соловки*, обратимся к «Книге паломника Соловецкой обители¹», в восьмой главе которой обсуждаются «образы Соловков как грядущего града. Небесного Иерусалима, как потерянного рая и одновременно как острова спасения – духовной лечебницы, в которой врачуются души всех притекающих сюда» [Книга паломника 2008: 2].

«О ты - горний, грядущий Иерусалим! Не одно исстрадавшееся, облитое кровью сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми облаками, словно испытывая, где сверкают стены этого града, где стоят купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и Цветут благоуханные сады Эдема» [Там же: 5].

«Согласно Священному Преданию Церкви, храм объемлет всю вселенную и создается, по существу, не только людьми, но и великим Строителем — Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода. Расположенный за морем на краю света Соловецкий монастырь, <...> воспринимался как земля обетованная, образ обителей Небесных. Эта ассоциация укреплялась и историей основания монастыря: преподобный Зосима видел «осияние Божественное» и церковь, стоящую на «воздусе». Видение Божественного света определило посвящение первого храма Преображению Господню. О явлении церкви, сходящей с небес, тоже не забыли. На одной из икон

¹ Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители. Автор – составитель М.В. Осипенко. – М.: О-во сохранения лит. Наследия, 2008. – 360 с.

Преображения XVII века Соловецкий монастырь изображен в виде Града Небесного» [Книга паломника 2008: 331].

Соловки являются основным образом многих художественных произведений. Остановимся, в качестве примера, на рассказе Н.А. Тэффи «Соловки», который имеет посвящение И.А. Бунину, и проанализируем текст с когнитивной точки зрения.

Мыслительное (когнитивное) содержание текста, выраженное в словах, ценностные (модальные) коннотации и мотивационно-прагматические установки выявляются посредством концептуального анализа. Концепт- это компонент сознания личности и ее знаний о мире. Концептосфера, т.е. иерархически организованная система концептов личности, находит языковую объективизацию в создаваемых личностью текстах, в их концептуальной структуре. Начало текста и заголовок - точка отсчета понятийного цикла, ключ к концептуальной структуре произведения. Именно заголовок задает начальный импульс для интерпретации внутреннего лексикона и внутренней грамматики текста. Интерпретация осуществляется поэтапно.

1. Семно-семемный анализ

Данный вид анализа имеет целью квалификацию компонентов смысла языковой единицы, стоящей в инициальной позиции текста,

выявление родовой и видовых сем, рассмотрение системы коннотаций. Гиперсема- 'православная святыня';

Гипосема- Соловецкий монастырь, церковь, монастырская лавочка, Святое озеро, Филаретова часовня

Интегральная сема – 'паломничество'

Дифференциальная сема 'везу на церковное покаяние', 'приехавший за исцелением'.

Модально-оценочные семы- 'монахи худые и стороголикие',

«выползали навстречу старые старцы», «душистая легенда», «старуха длинным, вялым, как тряпка языком облизывала ложку», «уныло гнусил монах чтение», «в церкви народу набралось густо».

2. *Определение интенционала, импликационала, экстенционала, прагматического значения знака в данном тексте.*

Контенционал- (общее содержание, объем знака) 'святыни Соловецкого монастыря'

Прагматическое значение - На вершинном уровне - место Соловецкого монастыря в русской культуре, его образ в сознании верующих, на втором уровне - отношение персонажей к святыне, их чаяния и надежды, восприятие этого своеобразного мира, адаптация в микросоциуме.

Интенсионал- (семантическое «ядро», основное содержание знака, связанное с информацией, формирование общей информационной семы)- «церковное покаяние», духовное исцеление, физическое исцеление через духовное.

Импликационал- (побочные, скрытые признаки)

1) высоковероятностный импликационал – 'чудо', 'святость';

2) слабый импликационал- 'гармония с природой';

3) отрицательный импликационал- 'грех, блуд'

Экстенционал- (внешний предмет, явление действительности)- монастырь и его обитатели (монахи, послушники, схимники), паломники, как постоянные посетители монастыря, а также мир природы.

3. *Выявление актуальных позиций для концептуальных знаков*

Доминантный концептуальный знак «Соловки» вынесен в семантически сильную позицию текста - в заглавие. Композиционно текст разделен на семь частей, каждая из которых семантически и структурно связана с основным образом православной святыни, с оплотом веры.

Первая часть - путь к Соловкам. Уже здесь присутствуют ключевые слова, в частности *чайки* и *пароход*. Являясь семантическими доминантами текста, они неоднократно используются автором (занимают позицию повтора) и актуализируют новые смыслы. *Пароход* - не просто вид транспорта, а средство передвижения в другой мир, от блудной жизни в мир без греха, к душевному очищению. Переправа на пароходе связана с метафорой переходного состояния, ощущения неопределенности. *Чайка* фигурирует как образ свободной птицы, в качестве неотъемлемой части Соловецких островов и моря. Птицы описаны автором как полноправные герои рассказа («*чайки долго провожали пароход, словно шагали*», «*чайка подозрительно смотрела одним глазом*»). Образ птиц является одним из ключевых символов, в котором воплощена тема гармонии с природой, приятия сил природы как данности. Так актуализируется идея о неразрывности человека и природы («*Обе они, и чайка, и поморка, самки одной породы с одинаковыми желтоглазыми детенышами, понимали, что играют друг с другом*», «*Поморки вдруг снялись быстрой стаяй, наладили паруса*»).

4. *Выявление авторских речевых тактик и стратегий, определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста*

В анализируемом тексте можно выявить основные и побочные стратегии автора. Основные стратегии связаны с воплощением вершинного, общего концептуального смысла, а именно слова *Соловки* как слова-концепта, которое имеет ментальные связи, рождает культурологические ассоциации в сознании русских людей. Эта стратегия реализуется посредством общего содержания рассказа, выражением авторского отношения к предмету через языковые средства. В данном тексте ведется ауториальное повествование с экзегетическим повествователем (нарратив от 3-го лица). Однако,

несмотря на некую дистанцированность автора от происходящих событий, его отношение и оценка происходящего (которая отчасти соотносится с чувствами главной героини Варвары) проявляется в эмоционально-окрашенной лексике («*В трапезной снова облизывала старуха старым языком ложку и гнул чтец про блуд, грех и дьявола... «Донимал ханжа, всем назло развивший благочестие до вторых петухов»*). В ряду основных стратегий следует назвать правильное понимание читателем важнейших догм христианства, в частности: равенство всех людей в греховной сущности своей перед Богом и, как следствие этого, неправильность порицания людьми друг друга, абсурдность суда человеческого вместо суда божьего. Этому способствует вынесение описания картин страшного суда, притчей Господних о «сучке в глазу ближнего» и душистой легенды о соблазнах, присущих каждому, в логический центр текста. Автором подчеркивается неспособность человека объективно оценивать свои и чужие проступки.

Побочными стратегиями являются описание образа жизни на Соловках - в месте духовного исцеления, формирование в сознании читателей веры в возможность чуда. Первая из указанных выше стратегий реализуется через детальное описание быта обитателей Соловков и паломников. Вторая - через включение в повествование представления обывателей о чуде.

5. *Сравнение языкового содержания заглавного концепта и авторских мотивационно-прагматических установок в анализируемом тексте.*

В заглавие вынесено название населенного пункта - Соловецких островов и находящегося там монастыря. Употребление разговорного варианта номинации свидетельствует о том, что образ данной реалии пропускается через сознание обычных людей. Это позволяет говорить о

«Соловках» как о текстеме, то есть о субкатегории, выражающей основные смыслы произведения, которые представляют идеи событийности в ее пространственных, временных, персонажных проекциях. В данном тексте понятие «Соловки» по своей семантической и ассоциативной наполненности имеет статус концепта. Возвращаясь к понятию концептосферы, на данном этапе анализа можно более подробно рассмотреть ее структуру. *Ядром* (когнитивно-пропозициональной структурой важного концепта) в рассматриваемом произведении будет выступать *православная вера*. *Приядерная зона* формируется различными лексическими репрезентациями именно этой реалии, как то: *монастырь, заутренний звон, церковь*. Эти уровни концептосферы представляют общенациональные знания. *О периферии* допустимо говорить с позиции автора и героев, так как их взгляды на предмет речи коррелируют. Ассоциативно-образные репрезентации транслируют индивидуальные знания, а в конкретном тексте - это субъективные представления о Соловках как о месте, где может произойти чудо.

В авторском сознании это не только географический объект, но в большей степени древний центр православной культуры, место паломничества, а также (по принципу метонимического переноса)-люди, населяющие монастырь. Автор смотрит на эту реалию глазами простого паломника, передает внутреннее состояние человека, приехавшего за покаянием. В этом контексте раскрываются концептуальные смыслы, неотъемлемые для души русского человека, а именно: надежды, связанные с чудесным исцелением, избавление от грехов. Таким образом, автор демонстрирует свою убежденность в силе православной веры, в высшей силе Бога, которая способна творить чудеса и руководить людскими судьбами (посылать духовное очищение, как это произошло с главной героиней) в отличие от попыток людей, одинаково грешных, судить и порицать друг друга.

Сюжет поездки на Соловецкие острова реализован и в повести современного писателя Алексея Варламова. В повести «Теплые острова в холодном море» речь идет о поездке на Соловки двух друзей, которые посещали остров в студенческие времена. Двое взрослых мужчин и ребенок – сын одного из друзей, неорганизованно, дикарем, а не с экскурсией едут на остров. Оппозиционное восприятие островов передается через внутреннюю диалогическую речь персонажей, тем самым «моделируется» образ Соловков в художественном тексте:

*Павел снова вел с Поддубным мысленный разговор, продолжавший их вчерашний спор на обратном пути с Муксалмы. «Зачем мы сюда приехали, - спрашивал друга Макаров, - и что туту делаем? Как можем **любоваться природой**, ловить рыбу, сидеть у костра, отгонять комаров, пить водку и сытно есть, сентиментальничать, когда **все на островах проникнуто голодом, болью, страданием**, о котором прежде, приезжая сюда несмышлеными студентами, мы могли не знать, но теперь-то ведь знали! Знали, как привозили на архипелаг из Кеми на баржах несчастных, как привязывали раздетых догола людей к деревьям и оставляли на съедение комарам, загоняли в болото, привязывали к лошадям, морили голодом, выгоняли на мороз, пытали и убивали, и это уж точно никакая **не легенда, но факт**. И если ты любишь **архитектуру и природу**, неужели мало на свете других **прекрасных мест для созерцания и удовольствия**? Ведь, может быть, капитан «Печака» тоже чувствовал нечто подобное и поэтому таким зверем смотрел на праздных людей?» (Варламов, 271).*

В диалоге выявляются следующие семантические оппозиции:

<p>Любоваться природой Легенда</p>	<p>Все на островах проникнуто голодом, болью, страданием факт</p>
--	---

Архитектура, природа	Больной остров
Прекрасное место для созерцания и удовольствия	Не место для созерцания и удовольствия праздных людей
<p>«<...> не правильнее было бы, если бы эти горы, каналы и озера остались неприкасаемыми и не было бы здесь, как в старину, никого, кроме монахов, трудников и паломников, и коль скоро мы с тобой ни под один из этих разрядов не попадаем, то и нечего нам тут делать?» (Варламов, 273)</p>	<p>«люди, которым все прошлое – легенда, и они не хотят ее знать, но живут так, словно ничего здесь и не было» (Варламов, 272).</p> <p>«Висели на стенах фотографии бывших заключенных, все было оформлено очень пронзительно, как в маленьком театре, однако в продуманности и преднамеренности производимого на посетителей впечатления чудилось что-то наигранное, слишком нравоучительное и тем досадное, и Макаров опять не знал, надо ли рассказывать сыну про кровавую звезду или пусть лучшие острова останутся в его памяти местом, где поют птицы, светит в конце августа солнце и веселые, беззаботные люди ходят по желтым песчаным дорогам» (Там же, 288).</p>

Заголовок повести «**Теплые острова в холодном море**» подчеркивают амбиалентную аксиологическую сущность культуры

«Соловки»: *«Острое чувство, что этот красивый и страшный край и есть его возлюбленная, обретенная родина, коснулось светлой души Ильи Поддубного <...>»* (Варламов, 292).

Ценностная суть островов для персонажа и автора – в том отголоске *«угрызенный совести и одиночества, <...> что извлекали из его потревоженной, иссеченной [Секира. – Т.Р.] души заброшенные северные острова – отоки <...> Отчего тебе покойно и хорошо здесь и почему мучаюсь я? Почему раздражает меня эта покойная красота и кажется неестественной и подлой?»* (Там же, 274); *«Странный остров <...> то не хотел принимать, теперь не хочет выпускать, устраивает каверзы, обманывает»* (Там же, 278); *в возможности знать, что другая жизнь возможна, она постоянно рядом, вход в нее всегда открыт»* (Там же, 293).

Диалогически оппонирующим является «голос» другого персонажа, чья точка зрения тоже не отвергается автором, что еще более усиливает амбивалентную сущность концепта: *«Вдохновенно и страстно, озирая не только пространство, но и время [подчеркивается вневременная значимость рассматриваемой культуры. – Т.Р.] , Павел говорил о том, что будущее архипелага вовсе не за музеем и не за монастырем, не за их прихотливыми взаимоотношениями и посильными пожертвованиями и даже не за льготами для островитян, которых следовало бы добиться не только в случае с музейным катером, но и с местным самолетом, а за расширяющейся взлетной полосой, за частными гостиницами с горячей водой и домашними ресторанами, за шведами, финнами и фешенебельными корабельными турами из Москвы. Дать деньги не реставрацию, помочь жителям острова найти оплачиваемую работу и устроить человеческую жизнь могут только они, другого пути, как ни выдумывай, нет, монастырского прошлого уже не воротить и наступления новой жизни не остановить, но если бы нашлись предприимчивые, разумные люди, которые бы островами занялись, они бы*

быстро все подправили и привели в порядок, и тогда земля стала бы опять цветущей, снова паслись бы стада на Муксалме, развели бы рыбу в филипповских садках и вырастили арбузы на южном берегу» (Варламов, 292-293).

Концептуальную сущность лексемы *Соловки* позволяет выявить исповедальная мемуарная проза русской интеллигенции, судьба которой, счастливо и наоборот, связана с островами. Это книги Б. Ширяева, О. Волкова, Д. Лихачева и др.

Перу Д.С. Лихачева принадлежат книги «Воспоминания», «Соловецкие записи 1928-1930», «Соловки. Записки». Стимул *Соловки* актуализирует, в первую очередь, этическую (аксиологическую) составляющую картины мира личности и нации. Этической оценке подвергаются понятия, связанные с обязанностями (долг, долженствование, правильность поступка), и понятия ценности (достоинство, хорошее, плохое, достойное, недостойное и т.п.). К числу этических концептов в русской картине мира относятся *добро/зло, стыд, совесть, грех (виновность/невиновность), добродетель, ответственность, долг, чистота, смирение/гордость, свобода/воля, право: Бог, идеал; счастье, жизнь, смерть.*

Д.С. Лихачев *добро* и *зло* трактует рационально, что не противоречит христианскому мировоззрению: *«Когда человек задумывается над общими проблемами жизни, - он только в случаях полного духовного одиночества решается принять «злые» выводы. Зло возникает обычно от бездумья. Залог совестливости не просто чувства, а мысль»* (Лихачев. Воспоминания, с. 160). [*Зло – духовное одиночество, зло – антоним совестливости (=добра), в концепт добро входит понятие совестливости*]. См.: *«Из всей этой передраги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим другим людям, добро,*

полученное от самих солагерников, опыт всего виденного породили во мне какое-то очень глубоко залегшее **спокойствие и душевное здоровье**. **Я не приносил зла, не одобрял зла**, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу. Может быть, именно это научное стремление наблюдать помогло мне выжить, сделав меня как бы «посторонним» всему тому, что со мной происходило» (Лихачев. Соловки. Записки, 44).

Стимул Соловки актуализирует и идеологическую составляющую картины мира, становясь идеологемой, мифологемой, сохраняя при этом статус аксиологемы. Ср., например, отношение к Богу как к обобщенному понятию (*Христос как форма восприятия вневременного явления*, Лихачев. Воспоминания, с. 166):

*Соловецкие острова – место, где ощущение **творящего Бога и временности человеческого** постоянно поддерживается сменами времен года, ритмом суток, длинными ночами зимой и длинными закатами вечером, длинными восходами солнца по утрам, быстрыми сменами погоды, многообразием ландшафтов, ощущением длительности истории этих мест, отмеченных языческими лабиринтами и обетными крестами, храмами и часовнями, где напряженный крестьянский и ремесленный труд был бы так угоден Богу* (Лихачев. Воспоминания, с. 230).

См. словарное: «**Бог**. 1. По религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший **разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало** (выделено нами. – Т.Р.) [Большой толковый словарь русского языка 1998: 86].

Бог приравнивается к совести, нравственной истине: «*С той страшной ночи во мне произошел переворот. Не скажу, что все наступило сразу. Переворот совершился в течение ближайших суток и укреплялся все больше. Ночь была только толчком. Я понял следующее: каждый день – подарок Бога. Мне нужно жить насыщенным днем, быть*

довольным тем, что я вижу еще лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И еще. Так как расстрел и в этот день производился для острастки, то, как я позднее узнал, было расстреляно какое-то ровное число: не то триста, не то четыреста человек. Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить надо мне за двоих. Чтобы тому, которого взяли вместо меня, **не было стыдно**.

Чему я научился на Соловках? Прежде всего **я понял, что каждый человек – человек**. Мне спасли жизнь «домушник» (квартирный вор) и король всех уроков на Соловках бандит Иван Яковлевич Комиссаров, с которым мы жили около года в одной камере (Лихачев. Соловки. Записки, с. 43).

Наконец, лексема *Соловки* эксплицирует эстетическую составляющую картины мира. В эстетической оценке природы и искусства выражается взгляд человека на мир, система его ценностей. Этическая оценка природы отражает мировоззрение личности. Например: «*На Соловках все говорит о прозрачности здешнего мира и о близости потустороннего*» (Лихачев. Воспоминания, с. 227): Ср. эпиграф к книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада»: «*Не бойтесь Соловков. Там Христос близко*» (Б. Ширяев, с. 5).

Природа Соловецких островов словно создана между небом и землей <...>.

Здесь – большой природный Рай, но одновременно Ад для заключенных всех рангов, сословий, всех населяющих Россию народов! Здесь в этом мире святости и греха, небесного и земного, природа и человек соединились в необыкновенной близости (Лихачев. Воспоминания, с. 230).

Счастье – в гармонии взаимоотношений человека и природы, человека и общества, а свойственное русскому языку представление о

месте человека в мире, и, в частности, в социальной сфере нашло отражении в концептах *свобода – воля*.

Как отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, а в слове *воля* выражен специфический русский концепт [Булыгина, Шмелев 1997]. Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами. На эту связь указывает и Д.С. Лихачев: *Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная - это свобода, соединенная с простором, ничем не ограниченным пространством* (Лихачев. Воспоминания, с. 157).

Данный ассоциативный ряд представлен в ассоциативном поле слова – стимула *Соловки* в книге Олега Васильевича Волкова:

*Боже мой! Облитая солнцем гладь моря, свежий его запах, наносимый ветром, легким и ласковым. Вереница мягких сверкающих облаков, улегшихся у самой воды. Крупные чайки лениво машут крыльями, летят рядом, так близко, что различаешь всякое перышко... **Простор, воля!** Корабль идет плавно и бесшумно, скользит по бесконечной **равнине**, оставляя позади белеющую пеной дорогу, не исчезающую, сколько хватает глаз. День жаркий, но от воды тянет прохладой. И все вокруг – **свет, тепло, тишина** – охватывает, словно ласковыми руками, баюкает **врачует**... (Волков, с. 56). [Соловки].*

В «Воспоминаниях» О. Волкова происходит символизация языкового знака *Соловки*. *Соловки* являются идеологическим, культурным памятником, знаком:

*<...> И если хоть у одного читателя содрогнется сердце при мысли о **крестном пути русского народа**, особенно крестьянства, о проделанном над ним жестоком и бессмысленном эксперименте, это будет означать, что и мною уложен кирпич в основание **памятника** его страданиям*

(Волков, с. 434).

Соловки – знак, памятник «крестного пути русского народа», «памятник его страданиям». Кроме того, это символ веры: «Надо верить, что церковь устоит, - говорил он. – Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняется хоть крошечные, еле светящие огоньки когда–нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает - потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо – кругом лес, тишина, мрак. Слово конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но «чем ночь темней, тем ярче звезды...» Хорошие эти строки. А как там дальше – вы должны помнить. Мне, монаху, впору писание знать [владыка Илларион]» (Волков, с. 74) [Соловки].

Выявляя образно-концептуальную составляющую единицы «Соловки», остановимся на книге Бориса Николаевича Ширяева «Неугасимая лампада», впервые изданной в Нью-Йорке в 1954 году издательством имени Чехова. Книга бывшего преподавателя Московского университета, заключенного первого соловецкого этапа «состоит из серии рассказов о наиболее ярких событиях и встречах автора на соловецкой каторге. Страшна окружающая действительность («Первая кровь»), но автор больше останавливается на моментах, в которых и на каторге находит свое выражение неистребимое стремление людей к красоте и добру. К ним относится организация театра на Соловках. «<...> Театр на каторге - экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве»... К серии таких светлых эпизодов относятся описание новогодней елки и единственной пасхальной заутрени, которая была отслужена на острове со времени превращения его в концлагерь» (Б. Ширяев, от издательства, с. 8). Издатели обращают внимание, что первые советские узники Соловецкой каторги прибыли на остров в 1922 году на пароходе, названном именем знаменитого чекиста. «Глеб Бокий», «но под

этим новым названием парохода легко можно было разобрать его старое название «Святой Савватий». В этом автору книги чудится, как нити прошлого переплетаются с нитями настоящего: «в жизнь Соловецкого монастыря новые времена как бы «вплели омоченное кровью суровье», вытканное сотнями тысяч людей, согнанных сюда «метелью безвременных лет».

*По зловещей иронии истории новые вершители страны как бы переняли у соловецких монахов учение о спасительной роли труда, организовав на Соловках первую советскую каторгу, где «правонарушители» трудом должны были искупить «преступления», совершенные ими перед государством. Впрочем, эту философию советские чекисты разработали позже. В первые годы возникновения Соловецкого концлагеря труд, длившийся 12 часов в день, был лишь формой медленного убийства, даже вне расчетов о коммерческой выгоде» (Ширяев, от издательства, с. 11). «<...> он [автор] все чаще стал задумываться над тем, в память каких безвестных страдальцев он пишет: тех ли, что погибли за «древнее русское благочестие» или в память «новых мучеников, положивших свою жизнь за Русь ... грядущую?» (Ширяев. От издательства, с. 11-12). Соловецкая каторга для автора была «страшной, знающей ямой, полной крови, растерзанных тел, раздавленных сердец... над навсегда покинутым **святым островом смерть, только смерть простирала свои черные крылья**» (Ширяев, с.11).*

Амбивалентная оценка: *святой остров – остров смерти*. Еще раз обратимся к авторскому эпиграфу: «Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора: **«Не бойтесь Соловков. Там Христос близко».**

Итак, топоним *Соловки*, частотный в исповедальном автобиографическом дискурсе русской интеллигенции, как одинарная единица выявляет свою концептуальную сущность через образное,

понятийное, символическое содержание. Его можно считать номинацией лингвокультурного концепта, так как в концептуальном содержании значим в первую очередь национально-культурный оценочный компонент. В структуре концепта можно выделить субординатный, базовый, суперординатный уровни, связанные с разными формами-единицами их представления.

Субординатный уровень – понятие, фиксирующее логические признаки: *‘природный заповедник’, ‘архипелаг’, ‘остров’, ‘монастырь’, ‘лагерь’, ‘тюрьма’*, а также образно-ассоциативная экспликация указанных логических признаков.

Базовый уровень представляет собой идеологему, «семантико-тематическое обозначение духовных ценностей в картине мира нации» (Ю. Караулов): православная и культурно-историческая святыня (культурема). Аксиологическое ее окружение (коннотативное) амбивалентно: как аксиокатегория религии, культурно-философской ценности имеет положительный знак (*уникальный природный заповедник, памятник архитектуры, православная святыня*), а как категория социального устройства (власти) – отрицательный (*тюрьма, лагерь, место гибели*). Это общая идеологема, аксиологическая сущность которой менялась в диахронии, подвергалась семантико-когнитивной трансформации на каждом историческом этапе (*монастырь – лагерь – природно-архитектурный заповедник*).

Суперординатный уровень включает обозначение ценностных абстрактных сущностей (*Бог, совесть...*). Знаковыми единицами этого уровня является мифологема (сакральные смыслы) и символ: *«грядущий град Небесного Иерусалима», «потерянный рай», «остров спасения – духовная лечебница, в которой врачуются души всех притекающих сюда»* (Книга паломника, с.3) , *легенда, крестный путь русского народа, памятник его страданиям, символ веры.*

Осмысление ценностной сущности знака происходит посредством метафоры, которая является базой для мифологизации знака. В метафорических синонимических заменах топонима Соловки используются эмоционально-оценочные (*святой остров, теплый остров*) и образные (*остров смерти*) метафоры. Образ в оценочной метафоре не так ярок, как в собственно образной: будучи стереотипизированным, он только окрашивает значение ассоциативно. Метафорический смысл в этом случае проявляется не в отдельном слове, а в предикативной функции синтаксического знака (словосочетания, предложения). В оценочной метафоре подобие преобладает над тождеством: основной объект метафоры – то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс – это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, то есть представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства, некоторой ситуации. Образной метафоре свойственно наличие предметного значения при отсутствии референта. «Когда предмет метафорически связан с субъектом, он теряет обычный экстенционал, поскольку присваивает себе новый интенционал, - пишет М. Бирдсли, - быть может, такой, который более не встречается ни в одном контексте» [Цит. по Колесов 2002: 182].

Сферой – донором (по частотности) для метафорического переосмысления понятия *Соловки* являются 1) библейские, мифологические представления: *святой остров; потерянный рай; природный Рай; Ад для заключенных; мир святости и греха, небесного и земного*; 2) медицина: *остров смерти, больной остров*; 3) совмещающая сферу библейского текста и медицины: *духовная лечебница, врачует душу* (функциональная метафора).

2.4 Концепт ИНТЕЛЛИГЕНТ / ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ в исповедальной прозе

2.4.1. Словарная репрезентация концепта

По точному замечанию В.В. Колесова «заимствованное слово **вызрело** [Т.Р.] в русское слово **интеллигенция**»: «Чисто рассудочной, в европейском смысле, интеллектуальной формы деятельности русское сознание не приемлет. «Ума холодных наблюдений» недостаточно для русского **доброто человека**. Вот на это-то определение «добрый» и легло заимствованное слово, и угнездилося в нем, и вызрело в русское слово **интеллигенция**» [Колесов 2004: 62]¹. «Когда латинский термин «интеллигенция» попадает в Россию (60-е годы прошлого века), русский интеллигент предстает не умствующим интеллектуалом, а именно **чувствующим горе и радующим о человеке, добрым и страдающим за него**» [выделено нами. – Т.Р.] [там же: 51].

«<...> русская интеллигенция, - пишет Н. Бердяев, - в сущности всегда была женственна: **была способна на героические подвиги, на жертвы, на отдачу своей жизни, но никогда не была способна на мужественную активность, никогда не имела внутреннего упора, она отдавалась стихии, не была носителем Логоса. Это, быть может, связано с**

¹ «Научной основой, методом гуманитарного исследования интеллигенция уже овладела; в начале XIX века это был сравнительно-исторический метод исследования языка, текста, этноса, культуры. Первый в истории науки действительно научный подход, позволивший за явлениями угадать некие сущности, но сущности, которые – были. Этот метод ретроспективный по характеру, во многом определил точку зрения славянофилов: **идеал в прошлом, но его можно воссоздать** путем реконструкции. Своей целью этот научный метод и предполагал **реконструкцию древнейшего состояния своих объектов**; славянского **пра** – языка, **пра** – родину славян и самих **пра** – славян. Работая этим методом, славянофилы неизбежно погружались в **пра** – историю, восстанавливали истоки своей государственности, своего общества, своей духовности (по формуле министра народного просвещения: **православие, самодержавие, народность**). В процессе познания подобные идеологизированные сущности сгущаются в категории, и вот уже очерчены некие горизонты как будто достоверного знания: Алексей Хомяков говорит о **соборности**, Константин Аксаков – об **общине** и т.д. В отдаленных истоках существующего стремились узреть сущность, потому что и сущность явлена в конкретных своих формах, для славянофилов – в облике русского крестьянина, вообще – русского человека в широком, историческом тоже, смысле. **Идеал прошлого застит горизонт будущего и перечеркивает ценность настоящего** [- выделено нами. - Т.Р.]. «Современную Россию мы видим, - говорил Хомяков, - старую Русь надобно угадать» [Колесов 2004: 62].

тем, что в русской истории никогда не было рыцарства...» [Бердяев 1989: 416-417].

Это отразилось и в противоречивой истории этого феномена, и в неоднозначном его восприятии русским национальным сознанием, что зафиксировано «Русским ассоциативным словарем». Проанализируем данные словаря.

Интеллигент

Интеллигент: человек 10; умный 7, очки 4; вшивый, дипломат, культура, ум, ученый 3; в очках, образованный, очкарик, педант, студент 2; библиотека, будущий, бывший, вежливый, взрослый, военный, вонючий, воспитанный, выделистый, высокоморальный, галстук, городской, думает, забитый, зануда, инженер, интеллект, интерес, козел, контингент, красивый, кто, культурный, москвич, мудрый, мужчина, наука, начитанный, немец, не осталось, несчастный, нищий, нудный, ну-ну, облезлый барин, он, полный, привилегированный, приятный человек, профессор, пьет по утрам шампанское, российский, старый, телега, утонченность, учитель, хороший, хочу быть, хреновый, человек с образованием, шляпа, элита, я 1; 103+66+4+53 [Русский ассоциативный словарь. Т.1.]

1) Лексическое наполнение грамматикона

В грамматиконе проявляются следующие морфолого-синтаксические и фонетические связи слова-стимула и слова-реакции:

• **Согласование:** *интеллигент* - *будущий, городской, нудный, старый, хреновый.*

Согласование в достаточно устойчивых атрибуциях: *интеллигент* - *вшивый, бывший, вонючий, несчастный, нищий, российский.*

Согласование в сочетаниях, в которых в качестве стержневого слова подразумевается слово *человек*: *интеллигент* - *умный,*

образованный, вежливый, взрослый, воспитанный, высокоморальный, выделистый, военный, культурный, начитанный, полный, хороший, мудрый, красивый, забитый, привилегированный.

- Атрибутивное сочетание, в котором зависимое слово является неморфологизованным членом: *интеллигент - в очках.*

- Фонетико-морфологическое совпадение конца слов (рифма): *интеллигент - контингент.* Фонетическое созвучие: *интеллигент - телега, интерес.*

- Построение глагольных сочетаний: *думает, хочу быть, не осталось.*

- Наличие среди ассоциаций личных местоимений: *он, я.*

- Необходимо отметить, что в данной словарной статье очень много лексем, выражающих оценочную характеристику. Среди ассоциаций можно выделить слова с отрицательной (*вишневый, очкарик, педант, вонючий, выделистый, забитый, зануда, козел, несчастный, нищий, нудный, облезлый барин, хреновый*) и положительной коннотацией (*умный, культура, ум, ученый, образованный, вежливый, воспитанный, высокоморальный, думает, интеллект, мудрый, начитанный, приятный человек, профессор, утонченность, хороший, хочу быть, человек с образованием*). Позитивная характеристика явления превалирует.

- Наличие однокоренных слов: *ум- умный, очки – очкарик, культура – культурный, зануда – нудный.*

- Модели двух и более слов: *облезлый барин, приятный человек, пьет по утрам шампанское, хочу быть, человек с образованием.*

2) Реализация полисемии (семантикон)

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой указаны следующие значения слова *интеллигент* – «I м. 1) представитель *интеллигенции*. 2) Человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления. II м разг. Человек, чье социальное поведение

отличается безмолвием, бездействием, постоянными сомнениями (обычно с оттенком порицания или презрительности). *Интеллигенция* – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры (работники науки и искусства, юристы, учителя, инженеры, врачи, журналисты и др.)» []].

Первое значение слова «интеллигент» реализуется в следующих ассоциациях: *интеллигент – дипломат, культура, ум, ученый, образованный, инженер, интеллект, культурный, наука, профессор, учитель, человек с образованием.*

Второе значение представлено в следующих парах: *интеллигент – умный, ум, думает, интеллект, воспитанный, вежливый, высокоморальный, культурный, мудрый, начитанный, утонченность.*

Второе значение с пометой *разг.* обнаруживается через ассоциации: *забитый, зануда, нудный.*

Таким образом, представленные ассоциации отражают все словарные значения слова-стимула.

3) Выявление системных знаний:

Синонимические связи проявляются в следующих ассоциациях: *интеллигент – умный, ум, образованный; образованный – начитанный; вежливый – воспитанный, культурный; мудрый – умный; наука – ученый; привилегированный – элита; приятный человек – красивый, хороший.* В словарной статье встречаются антонимичные ассоциации на слово *интеллигент: вшивый, вонючий - умный, образованный; выделистый - забитый; привилегированный, элита - нищий; приятный человек - зануда, нудный; студент- старый, взрослый.*

В приведенных реакциях на данный стимул можно выделить несколько лексико-семантических групп. Самой большой семантической группой является группа с атрибутивными признаками,

характеризующими:

- внешний вид: *в очках, полный, красивый*;
- умственные, интеллектуальные способности: *умный, образованный, культурный, мудрый, начитанный, человек с образованием*;
- манеру поведения: *воспитанный, вежливый, культурный*;
- нравственные и моральные качества: *высокоморальный*;
- положение в обществе: *привилегированный, нищий*;
- социально-территориальную стратификацию: *городской*.

В данной словарной статье также имеются ассоциации, объединенные семой «возраст», причем данная сема входит как в интенционал знака (*взрослый, старый*), так и в импликационал (*студент*).

Сема '*внешний вид*' выявляется как в вышеупомянутых атрибутивных лексемах (*в очках, полный, красивый*), так и в лексических единицах: *очки, очкарик, галстук, шляпа*. Для данной семантической группы характерно наличие деривационных образований с корнем очк-: '*очки*', предложно-падежная форма '*в очках*' и экспрессивно-окрашенная форма '*очкарик*' со стилистически сниженной коннотацией.

Сема '*род занятий*' объединяет следующие группы ассоциаций: *дипломат, студент, военный, ученый, инженер, профессор, учитель*. Данные лексические единицы коррелируют с лексическим значением слова-стимула и представляют собой номинацию общественных групп людей, составляющих в сознании респондентов слой интеллигенции.

Сема '*временная отнесенность*' выявляется в следующих единицах: *будущий, бывший, не осталось, ну-ну* (возможный вариант интерпретации - респондент отрицает наличие данного феномена в современной действительности).

Атрибутивные семы, характеризующие умственные способности, можно соотнести со следующими номинациями, имеющими то же

значение: *культура, ум, интеллект, наука, профессор*. В данную группу также войдет слово-реакция, выраженное глагольной формой *думает*.

Сему '*манера поведения*' имеют следующие лексемы: *вежливый, воспитанный, выделистый, забитый, культурный, нудный* (атрибутивные семы, характеризующие манеру поведения); *педант, утонченность*.

Сема '*принадлежность к определенной нации/место проживания*' реализуется в следующих лексических единицах: *немец, российский, москвич*.

Сема '*образ жизни*' объединяет следующие ассоциации: *библиотека, пьет по утрам шампанское*.

Слово-реакция *человек*, наиболее частотное при опросе, находится со словом-стимулом в родо-видовых отношениях.

Тематико-ситуативная сфера слова *интеллигент* проявляется в следующих парах: *интеллигент - очки, шляпа, галстук, красивый, полный, мужчина, старый, студент* (данные ассоциации являются результатом возникновения зрительного образа в сознании респондентов); *интеллигент – библиотека*.

4) Прагматикон

В исследуемом материале можно наблюдать определенные апелляции к прецедентным феноменам:

1. Прецедентное явление: реакция *российский* на слово-стимул *интеллигент* апеллирует к историческому и ментальному контексту. Такое явление, как *интеллигенция* зародилось на русской почве. Д.С. Лихачев в своей статье «О русской интеллигенции» утверждает, что «понятие это чисто русское и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное»[1].

2. Интеллигенция как особый социальный слой мыслящих и образованных людей сыграла особо важную роль в революционно-демократическом движении в России. Слово *интеллигенция* было введено

в обиход писателем П.Д. Боборыкиным в 60-х гг. XIX и было заимствовано многими языками из русского. Словари русского языка фиксируют устойчивое фразеологическое сочетание «русская интеллигенция».

3. Прецедентный текст. Ассоциативная пара *интеллигент — облезлый барин* апеллирует к пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад». В паре слов *интеллигент — вишивый* можно обнаружить апелляцию к произведению М.А. Булгакова «Собачье сердце» (данное словосочетание встречается в речи Шарикова). В паре *интеллигент - бывший* можно установить развернутую ассоциацию с пьесой М. Горького «На дне», персонажи которой - «люди дна», «бывшие люди». Образ бывшего интеллигента представлен в произведении персонажем Сатиным. См. также рассказ М. Горького «Бывшие люди». Кроме того, очевидна ассоциация с субстантивом «бывший» послереволюционного времени («из бывших»)

4. Прецедентное высказывание. Пара ассоциатов *интеллигент - нищий* апеллирует к текстам постсоветского дискурса, для которого характерна отрицательная оценка данного явления.

Прецедентная ситуация. *Интеллигент — пьет по утрам шампанское* — возможна связь с фильмом «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая (на утро после шумно проведенной ночи Козодоев (А. Миронов) на предложение героя А. Папанова разработать новый план говорит ему, что ничего не хочет, «кроме шампанского или чашечки кофе»).

Анализ языковых явлений, реализованных в словах-реакциях, помогает нам охарактеризовать представленную среднюю языковую личность. Это, с одной стороны, личность, хранящая в памяти отголоски революционного прошлого России и оценивающая анализируемое явление положительно. С другой стороны, развенчание образа интеллигенции в советской и постсоветской публицистике и в произведениях авторов

середины XX века объясняет негативное отношение языковой личности к данному явлению.

5) Логическая структура

Эмпирический аспект: как человек воспринимает содержание, обозначенное словом *интеллигент*:

- восприятие через внешний образ: *очки, галстук, мужчина, шляпа.*
- восприятие через соотнесение с определенным лицом: *я, он.*
- восприятие через профессиональную отнесенность: *инженер, учитель, военный, дипломат, ученый.*

Оценочный аспект:

- положительная оценка отражена в следующих ассоциациях: *умный, культура, ум, образованный, вежливый, воспитанный, высокоморальный, думает, интеллект, мудрый, начитанный, приятный человек, профессор, утонченность, хороший, хочу быть, человек с образованием;*

- отрицательная оценка реализуется в следующих парах: *вишивый, очкарик, педант, вонючий, выделистый, забитый, зануда, козел, не осталось, несчастный, нищий, нудный, облезлый барин, хреновый.*

Представленный материал обнаруживает следующие константные вербально-ментальные связи:

- с понятием о развитой умственной деятельности;
- со специфическим внешним обликом.

Итак, выявленные устойчивые семантические участки ассоциативного поля понятия «интеллигент» и его константные вербально-ментальные связи свидетельствуют о многообразии и достаточной сложности представления данного явления в обыденном языковом сознании русского лингвокультурного сообщества.

2.4.2. Языковая личность Д.С.Лихачёва как элитарная языковая личность русского интеллигента

Языковая личность Д.С. Лихачёва анализируется на материале его «Воспоминаний» и публицистических статей. В качестве коррелята языковой личности рассматриваются понятия, идеи, концепты, складывающиеся в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей данной личности. Через призму концептуальных представлений обнаруживается связь личности с культурой социума, в который она входит (социум русской интеллигенции).

В структуре каждой отдельной языковой личности есть инвариантная часть, выделение которой обуславливает существование общенационального языкового типа и детерминирует принадлежность индивида к тому или иному лингвокультурному сообществу. Такое «духовно-социальное», по определению Николая Бердяева, явление, как русская интеллигенция, к которой принадлежит Д.С. Лихачев, можно рассматривать как с абстрактных, внеисторических позиций, так и с конкретно-исторических. Охарактеризуем интеллигенцию с абстрактно-сущностной точки зрения.

Внесловный статус русской интеллигенции проявился в том, что сам термин превратился в культурную и этическую, а отнюдь не социальную характеристику. Он же, этот внесловный статус, позволил интеллигенции сделаться одним из главных факторов исторического развития России. Понятие «интеллигентности», того, что присуще «интеллигентам», независимо от социального статуса, предполагает наличие какой-то осмысленной («интеллектуальной») нравственной нормы, действительной – на уровне обычного права. Языковой узус отражает своеобразие русской истории, тот факт, что русская

интеллигенция стала на рубеже веков носителем национальной идеи. Русское общество признало за интеллигенцией **право** на нравственную проповедь. Люди творческих профессий, в том числе академические ученые, хотя ими не исчерпывался состав русской интеллигенции, образовывали ее ядро. Интеллигенцию отличает сохранение пиетета перед наукой как поиском абстрактной истины [Буланин 2005: 34,36].

Исповедальная мемуарная проза (языковая личность Д.С. Лихачева анализируется нами по материалам его «Воспоминаний», «Соловецких записей 1928-1930», «Соловки. Записки» и, частично, публицистических статей) позволяет представить модель элитарной языковой личности российского интеллигента в ее когнитивном и мотивационном аспектах. Как коррелируют языковой личности рассматриваются понятия, идеи, концепты, складывающиеся в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей данной личности и являющуюся фрагментом индивидуального когниотипа (далее дадим интерпретацию некоторых этических, эстетических, эмоциональных концептов).

Важнейший компонент картины мира личности – этические составляющие. Этической оценке подвергаются понятия, связанные с обязанностями (долг, долженствование, правильность поступка), и понятия ценности (достоинство, хорошее, плохое, достойное, недостойное и т.п.). К числу этических концептов в русском языке относятся *добро/зло, стыд, совесть, грех (виновность/невиновность), добродетель, ответственность, долг, чистота, смирение/гордость, свобода/воля, право; Бог, идеал; счастье, жизнь, смерть.*

Д.С. Лихачев *добро* и *зло* трактует рационально, что не противоречит христианскому мировоззрению:

Когда человек задумывается над общими проблемами жизни, - он только в случаях полного духовного одиночества решает принять «злые» выводы. Зло возникает обычно от бездумья. Залог совестливости

не просто чувства, а мысль (Лихачев 2000: 160) [**Зло** – духовное одиночество, зло-антоним *совестливости* (=добро), в концепт *добро* входит понятие *совестливости*].

Из всей этой передраги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим другим людям, добро, полученное от самих солагерников, опыт всего виденного породили во мне какое-то очень глубоко залегшее спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу. Может быть, именно это научное стремление наблюдать помогло мне выжить, сделав меня как бы «посторонним» всему тому, что со мной происходило (Лихачев 1993, с.44).

Практически каждая лексема или синонимический ряд, обозначающий тот или иной грех, связаны отношениями антонимии с лексемами или синонимическими рядами лексем, обозначающими добродетель, противоположную данному греху. Три богословские, или теологические, добродетели **Вера, Надежда, Любовь** связаны с доверием к объекту, на который направлено чувство. Оптимизм и связанные с ним вера и надежда на лучшее будущее являются такими свойствами и структурами психики русского народа, которые способны компенсировать недостаточность, «недобор» счастья, могли стать источником положительных эмоций в реальной жизни, необходимой подпиткой для жизненных сил и стойкости духа, всегда присущих русским людям [Джидарьян 2001:44].

Содержание концепта **ЛЮБОВЬ** было предметом углубленного анализа в теологии и философии. В православной этике любовь связана с внешним объектом; самодовольство и себялюбие – это эгоизм. Русские философы единогласно подтверждают идущее с древности представление

о любви как цементирующей силе соборности [Колесов 1999: 136] Любовь христианская – это любовь к ближнему (*любить...человека, всех, ближнего; жалость – с этого начинается любовь*):

любовь – жалость, ранить сердце, спасти, волноваться, тревожиться, быть в одной горе (Лихачев 2000, с.156).

Многие убеждены, что любить Родину – это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви – любви-жалости. Неудача русской армии на фронтах первой мировой войны, особенно в 1915г., ранили мое мальчишеское сердце. Я только и мечтал о том, что можно было бы сделать, чтобы спасти Россию. Обе последующие революции волновали меня главным образом с точки зрения положения нашей армии. Известия с «театра военных действий» становились все тревожнее и тревожнее. Горю моему не было пределов (Лихачев 2000, с.156).

Любовь связана с заглавным концептом русской языковой картины мира – **ИДЕАЛ, ИДЕАЛЬНОЕ**. Двойственность национального характера, двоеверие объясняет тот факт, что идеалом в русском религиозном сознании является не Бог, а святой («святой», а не «гений», по определению Н. Бердяева), праведник. К Богу же отношение как к обобщенному понятию о Мире («благоговение» к Богу, см. [Соловьев, Т.1 : 123]), ср. например, отношение к Богу как к обобщенному понятию (*Христос как форма восприятия вневременного явления*); Бог приравнивается к совести, нравственной истине.

«Бог. 1. По религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, *управляющий миром; всеобщее мировое начало* (курсив наш. – Т.Р.)» [Большой толковый словарь 1998: 86].

Важно, что идеал для русского сознания – понятие нравственное, не связанное с представлением о материальном благополучии, в этом смысле он противопоставлен западному идеалу. Для русского сознания, особенно

для русской интеллигенции, понятие об идеале является нормой, само собой разумеющимся, и вместе с тем идеал – явление недостижимое (*Он был для нас вроде нормы и недостижимого образца* (Самойлов, с.231). Как правило, идеальные черты воплощаются в конкретном человеке: *идеальный педагог* гл. «Леонид Владимирович Георг».

Идеал всегда отражается в произведениях культуры, поэтому концепт **КУЛЬТУРА** тесно связан с концептом **ИДЕАЛ**. *Культурный* трактуется как – *интеллигентный, духовный, нравственный, подверженный идеалу* (Нагибин, с.429), (Нагибин Ю.М. Дневник. – М., 2001). Идеал часто воплощается в деятеле культуры. Рассмотрим текст.

<...> Были десятки кружков, встреч, шутивых обычаев, которыми Петербург провожал свое блистательное прошлое. Впоследствии А.А. Ахматова прекрасно уловила этот характер умирания культуры в своей «Поэме без героя».

Так монологическая культура «пролетарской диктатуры» сменяла собой полифонию интеллигентской демократии. С самого своего утверждения в нашей стране советская власть стремилась к уничтожению любого многоголосия. Страна погрузилась в молчание, - только одностонные восхваления, единогласие, скука смертная, - именно смертная, ибо установление единогласия было равно смертной казни для культуры и для людей культуры (Лихачев 2000, с. 185)[Идеал культуры – 19 век, прошлое. Идеал – полифония (многоголосие), интеллигентская демократия; антиидеал – пролетарская диктатура, одностонные восхваления, единогласие].

Определение «последний интеллигент» немало способствовало прижизненной мифологизации Д.С. Лихачева. Мысль об этичности знания, лежащая в основе нравственного учения Д.С. Лихачева¹, связывает его

¹ «<...> русская интеллигенция отказалась отделять знание («интеллект») от нравственности и благодаря этому стала к началу двадцатого века носителем национальной идеи» [Буланин 2005: 37]

учение с основным постулатом русской интеллигенции как исторического феномена. По утверждению Д.М. Буланина, «именно эта связь гарантирует право Д.С. Лихачева на роль учителя жизни <...>. Учение Д.С. Лихачева, как и надлежит быть этическим теориям, предельно просто. Он призывает свою аудиторию обратиться к русскому культурному наследию и утверждает, что восприятие этого наследия пробуждает национальную гордость и благотворно влияет на нравственное чувство¹. Патриотизм, как его понимает Д.С. Лихачев, делает человека открытым для всех культурных ценностей, через любовь к своей культуре он познает культуру мировую. Патриотизм в такой форме – чисто национальная черта: в России, по крайней мере в историческом своем выражении, он всегда был патриотизмом включения, а не патриотизмом исключения, предполагающим взаимное отчуждение и неприязнь <...> современное русское общество согласилось с его [Лихачева] *правом* проповедовать это учение» [Буланин 2005: 20-21]. Сам же Д.С. Лихачев писал следующее: «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными **поступками** в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом <...> У меня не было никакого своего «нравственного учения», были **поступки** – согласно велению с о в е с т и [выделено нами. – Т.Р.]. Совесть, если она есть, объединяет людей.

Определенное “учение” тем не менее у меня существует, и оно реализуется мной в изучении литературы» (Лихачев 1998, с.212-213)

Основное ощущение жизни у автора «Воспоминаний»: умирание культуры, интеллигентности, идеала, отсутствия самостийности в современной культуре, только подражание эстетическому идеалу.

Потеря идеала, культурных ценностей связывается в русском сознании с многострадальной судьбой русского народа, с изломами

¹ Не только на нравственное чувство, но и на здоровье. См. ниже цитату из А. Вознесенского.

русской истории.

Ещё раз сошлемся на книгу Д.М. Буланина с говорящим названием «Эпилог к истории русской интеллигенции»: «<...> Вместе с учеными, растерявшими свои идеалы, уходит в прошлое (*растворяется* в анналах истории <...>) то одновременно социальное и этическое явление, которое принято называть интеллигенцией и которое составляет одну из характерных особенностей русской истории Нового времени <...> только знания, профессиональные знания, позволяли интеллигенции размежеваться с окружающей средой. Утратив, в лице ученых, веру во всемогущество знания, интеллигенция лишилась и главного своего оружия. Одновременно оказался лишен смысла и главный девиз интеллигенции, заключавшийся в призвании этичности знания. Если знание обесценено, оно не может служить моральным эталоном [Буланин 2005: 101, 157-158]». Об этом же писал Д.С. Лихачев: «*Я оценил моральную стойкость людей старого дворянского воспитания*» (Лихачев 1993, с.44).

Анализируя эстетическую составляющую концептосферы языковой личности необходимо заметить, что эстетическая оценка, как правило, обусловлена этической или подчеркивает этическую оценку.

Проанализированные тексты с доминантой эстетической оценки по объекту оценки (исходя из частотности) можно объединить в следующие основные группы: 1) оценка человека, 2) природы, ландшафта, 3) произведения искусства, 4) запахов, звуков, красок.

Внешние эстетические проявления, имидж, тоже имеют национальный идеал. Представление о красоте человека в русской национальной картине мира связываются с понятием здоровья, с его визуально наблюдаемыми признаками: крепким телосложением, румянцем на лице, блеском глаз, широкими плечами и т.п. Автор мемуаров придерживаются идеала аристократической красоты. См. В.П.

Андриановой-Перетц:

Дома она всегда была готова к приему неожиданных посетителей: прекрасно и изящно одета, собранна, душевно подтянута и приветлива. Парикмахер приходил к ней на дом, чтобы уложить волосы, в которых эффектно выделялась поднимавшаяся ото лба совершенно белая седая прядь. Никто не смог бы застать ее в дурном расположении духа (Лихачев 2000, с. 557).

В эстетической оценке природы и искусства выражается взгляд человека на мир, система его ценностей. Например: *Погода постоянно обращена к человеку. Она о нем помнит, создает ему настроение (там же, с.58).*

Счастье – в гармонии взаимоотношений человека и природы, человека и общества, а свойственное русскому языку представление о месте человека в мире и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в концептах **СВОБОДА, ВОЛЯ**.

Как отмечает Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, а в слове *воля* выражен специфический русский концепт. Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами. На эту связь указывает Д.С. Лихачев:

Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не ограниченным пространством (Лихачев 2000, с.157).

Косвенной, иногда скрытой, эстетической и эмоциональной оценкой изображаемой действительности являются те запахи, краски, звуки, которые ассоциируются у писателя с изображаемым. То, как воспринимает писатель окружающую действительность, через какие звуки и запахи, -

показатель его менталитета. Нельзя забывать и о том, что в авторской оценке присутствуют определенные стереотипы, эмоциональные, социальные и культурные. Ср. звуки детства в следующем примере:

А днем в жару пляж гудел, как улей, роем детских голосов, радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда приглушенных водой, расплывающихся, нерезких. Эта музыка пляжа слышна и сейчас, и до сих пор я ее очень люблю. Что за чудо веселья, развлечений, озорства, легкости общения, театральных и праздничных экспромтов была эта Куоккала!

Куоккала была царством детей. На пляже слышался гомон детских голосов <...> По воскресеньям на пляже где-нибудь играл оркестр: это означало, что было благотворительное представление (там же, с. 85-86)

Если говорить о восприятии действительности, то оно у авторов мемуаров происходит как сопоставление *тогда – теперь*, в пользу *тогда*. Это, во-первых, объясняется тем, что *тогда* – это детство, а «детская память, конечно же, колодец, и колодец со светлой водой, в которой отражается не только небо, не только все самое яркое, но прежде всего поразившее воображение» (Астафьев, Вечерние раздумья, с.15). Во-вторых, объясняется этическим неприятием нынешней жизни на фоне прошлой. Ярким примером этого являются «Воспоминания» Д.С. Лихачева. См. гл. «О Петербурге моего детства»: противопоставление Петербург – Ленинград.

Цвет конок и трамваев легко забудется. Цветной фотографии еще не было, а на картинах они не так часто изображались: поди ищи! Конки были довольно мрачные по цвету: темно-сине-серые с серыми деталями. А трамваи очень оживляли город: они были покрашены в красный и желтый цвет, и краски были всегда яркие и свежие (Лихачев 2000, с. 49) [Цвет: зеленый, синий, желтый, красный, солнечный (=яркий. – Т.Р.).]

Годы 1917-1950-е запомнились мне своими темными и скучными

красками. Дома если и красились, то уже в один цвет, орнамент не выделялся цветом, да и не чинился. Не стало красивых форм у военных. Люди ходили оборванные и во всем старом, хотя бы и имели новое, но новое было носить опасно – как бы не приняли за «буржуев». По этой же причине не носили белых воротничков <...> Я запомнил его [Шаляпина] не потому, что впервые увидел «знаменитость», а потому, что бекеша Шаляпина было необычного цвета – синяя.

Когда в тридцатых годах мне рассказали, что за границей легковые автомобили имеют разные цвета и можно встретить даже красные, желтые, голубые, я как-то не мог себе это представить – настолько я привык ко всему черному в автомобильном хозяйстве (там же, с.57).

Темно-коричневая толстовка, остальное все черное, поношенное, с темными рубашками <...> Таковы были цвета трех десятилетий нашей советской жизни (там же, с.58).

Для текста Д. Лихачева в этом случае характерно обобщенное обозначение субъекта восприятия (для всех Петербург был таким). Например, *Погода – тогда/теперь*: «Изменилась ли погода в Петербурге со времен моего детства? Что называть погодой? <...> Другим стал запах уличного воздуха, даже его ощущение лицом. Десятки тысяч лошадей, обдававших прохожих своим теплом, как это ни странно, делали воздух города менее официальным. Я не оговорился: именно «менее официальным», менее безразличным к человеку (там же, с.59).

Здесь необходимо указать на исследования В.П. Беянина (2000), в работах которого представлена психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: «светлые», «темные», «печальные», «веселые», «красивые», «сложные», «смешанные».

В сенсорных модальностях «печальных» текстов ведущим является компонент «запах» (например, у Астафьева преобладают запахи приятные,

у Нагибина – неприятные; у Лихачева – запахи и звуки с оценкой «+» - в прошлом, «-» - в настоящем).

Духовная культура проявляется и в области чувств и эмоций. Для русского языкового сознания главным во внутреннем содержании человека считается душа; именно она определяет его внутреннюю сущность и нередко мыслится как метонимическая замена всего человека (ср. «Душа. Разг. Человек» [Словарь современного русского языка 1991: 535]. В русском языке, как и во многих других, вместилищем души мыслится сердце; ум, разум, сознание сосредоточиваются в голове. «Сердце как орган религиозного восприятия должно быть отличаемо от души, ума, духа, от сознания вообще. Оно глубже и, так сказать, центральнее, чем психологический центр сознания. Сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и духа, не только духа, но и тела, не только умопостигаемого, но и непостижимого; одним словом, оно есть абсолютный центр» [Вышеславцев 1990: 62-88]. Например:

*Шедевры хранят в себе гигантскую энергию сотворивших их подвижников, помноженную на века. Недавно, заболев, я чуть было не загнулся. Сыпались советы. Предлагали срочно больницу, тибетскую медицину, экстрасенсов. Академик Лихачев сказал: Надо несколько раз **сердцем прочитать** «Слово о полку Игореве» (Вознесенский, с.315).*

Невысокая степень эмоциональности текстов и высокая степень аналитичности тоже характеризуют их авторов как языковую личность. Для мемуарной публицистики Д.С. Лихачева характерны стратегия смягчения отрицательной оценки, тактики сокрытия, завуалирования отрицательных эмоций, косвенность высказывания: 1) преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания: объект оценки не назван или дан как неопределенный, объект оценивается через другой объект, намеренная смена объекта оценки; введение языковых элементов с семантикой смягчения категоричности; введение структурных схем с

семантикой уступки *хотя, но*, возмещения-компенсации *зато* сожаления *если бы*, исключения *кроме* и др.; авторское использование паремического и фразеологического фонда языка; смена тактики на прямо противоположную; смена коннотативного знака (сокрытие отрицательных эмоций за положительными); недосказанность; персонификация; использование прецедентного текста, ситуаций, имени; 2) выражение оценки с помощью другого иллокутивного акта, формально неоценочного. В текстах Д. Лихачева преобладают косвенные высказывания. Данная стратегия и данные тактики обусловлены следующими правилами коммуникации: не задевай, не унижай, не будь излишне категоричным.

В заключение скажем, что, видимо, имеет основание такой вывод Д.М. Буланина: «Д.С. Лихачеву, провозглашавшему на исходе века культурные и нравственные идеалы русской интеллигенции, не было нужды извлекать эти идеалы из архивных источников. Они подспудно присутствовали в самой советской культуре, недоставало лишь человека, которого современное общество признало бы правомочным их провозвестником. Следует подчеркнуть, что Д.С. Лихачев заработал свое право стать таким провозвестником: его печатные и устные выступления, его пристрастия в науке и жизни, даже его манера поведения - все ориентировано на культуру тех, кого история сделала носителями национальной идеи <...> Главное – это желание пережить чужое как свое, мысленно пройти крестный путь русской интеллигенции классической эпохи. Главное - это сохранить уверенность во вневременном значении того кодекса чести, который заключен в понятии «интеллигент» [Буланин 2005: 39-40].

Материалом для когнитивного анализа концепта ИНТЕЛЛИГЕНТ /ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ может являться статья Д.С Лихачева «О русской интеллигенции». Заголовок «О русской интеллигенции» настраивает читателя на информацию о роли это социального класса в русской

национальной культуре и истории.

Понятие «русская интеллигенция» можно признать концептом на основании того, что данное явление имеет особый символический и ментальный смысл. Оно обладает ассоциативно-ментальной, культурной нагруженностью.

При толковании лексического значения сочетания «русская интеллигенция» обратимся к Большому современному толковому словарю русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой.

Интеллигент - 1. Представитель интеллигенции. 2. Человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления.

Интеллигенция - 1. Социальная группа лиц, профессионально занимающихся умственным - преимущественно сложным и творческим - трудом, развитием и распространением образования и культуры и отличающихся высотой духовно-нравственных устремлений, обостренным чувством долга и чести. 2. *разг.* Лица умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры [Ожегов 1999: 249].

Определение лексического значения компонента «русский» дадим по толковому словарю под ред. СИ. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

Русский - 1. См. русские. 2. Относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России.

Русские - Народ, составляющий основное коренное население России [Ожегов 1999: 688].

«Большой современный толковый словарь русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой фиксирует устойчивое фразеологическое сочетание «русская интеллигенция», что говорит о закреплённости данного явления в русской национальной культуре.

В тексте концепт-название связан со всеми приводимыми в словарях значениями: *Интеллигент же — это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью; ...интеллигентность в России — это прежде всего независимость мысли при европейском образовании.*

1. Семно-семемный анализ

Родовая сема — *‘социальный слой людей с особыми нравственными принципами’.*

Видовые семы – *‘представители профессий, связанных с умственным трудом’, ‘человек, обладающий умственной порядочностью’, ‘люди, свободные в своих убеждениях’, ‘люди со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением’, ‘духовно свободные люди’, ‘отвращение к деспотизму’, ‘стойкость и чувство собственного достоинства’.*

Родовой признак *‘особые нравственные принципы’* реализован через валентность языковых единиц: *и не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли»: «рабочий, обладая достаточно, высоким профессиональным и непрофессиональным кругозором и природной совестью (а таких было немало до той поры, пока именем "рабочего класса" не стали твориться преступления), мог приближаться к тому, что мы называем общей интеллигентностью»; «большинство русской интеллигенции не запятнало себя отступничеством».*

Оценочные семы:

- *‘образованность, интеллект’ (это не только образованный человек; представитель профессии, связанной с умственным трудом);*

- *‘независимость’ (люди, свободные в своих убеждениях; независимость мысли при европейском образовании; интеллигенция все*

это время была главным врагом советской власти, так как была независима);

- 'стойкость' (она выдержала испытания красного террора; активно сопротивлялись идеологическому террору);

В формировании концепта РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ участвуют противопоставления:

• «Интеллигенция» - «полуинтеллигенция», «полузнайки». Дифференциальные антонимичные семы 'честность - нечестность, наглость', 'независимость - зависимость', 'сочувствие - презрение': *За спинами главарей различного рода разоблачительных кампании стояли толпы полузнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Нет ничего опаснее полузнайства. Сколько людей были выброшены этими полузнайками на улицу! Академик И. Ю. Крачковский из собственных средств платил заработную плату своим сотрудникам, когда занятия древними восточными языками были объявлены реакционными.*

Особенностью авторского модально-оценочного отношения является сочувствие интеллигенции и эксплицитно выраженное негодование по поводу действий «полуинтеллигенции».

• «Интеллигенция» - советская власть (*люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам; русская интеллигенция вступила в эпоху Красного Октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству*).

2. Определение интенционала, импликационала, экстенционала, прагматического компонента знака.

Контенционал знака «русская интеллигенция»:

1) Интенционал: а) гиперсема - 'свобода' (синтагматическая сочетаемость — *интеллектуальная, мысли, в убеждениях, духовная, от власти*); б) гипосемы – *'сопротивление идеологии', 'репрессии', 'гибель', 'гонения'*.

2) Импликационал: жесткий (*'стойкость', 'мужественность', 'борьба', 'противостояние'*); высоко-вероятностный (*'человеческое достоинство', 'верность своим принципам', 'правдивость', 'порядочность', 'обреченность', 'гибель'*); слабый (*'нестойкость', 'слабость', 'отступничество'*); отрицательный: *'наглость', 'отсутствие чести', 'отсутствие человеческого достоинства'*).

3) Экстенционал: *инженер, врач, ученый, художник, писатель, «вторичные», потомственные дворяне, студенты, декабристы, духовенство.*

Прагматическое значение:

1) Оценочные семы: *'образованность', 'честь', 'порядочность', 'честь', 'совесть', 'чувство собственного достоинства', 'мужество', 'стойкость'*.

2) Семы, выражающие отношение повествователя к объекту оценки: *'гордость', 'жалость', 'сочувствие'*.

3) Отношение персонажей к действительности: *желание добиться лучшего для русского народа, неприятие действующего режима.*

3. Выявление авторских речевых тактик и стратегий, определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста

Доминирующую авторскую стратегию можно определить следующим образом: создание положительного образа русской интеллигенции. Реализации данной стратегии способствуют

следующие тактики: использование положительно окрашенной лексики при характеристике личностных качеств представителей интеллигенции (апелляция к общечеловеческим качествам: *умственная порядочность, духовная свобода, верность своим принципам, порядочность, благородство*); привлечение конкретных фактических данных (кружок «вторничан», гибель Г. М. Осоргина, упоминание пароходов и их названий, использование конкретных исторических имен, ссылки на исторические события, восстание декабристов), построение оппозиционной модели (*интеллигенция - советская власть*).

Осмысливая феномен Д.С. Лихачева, Д.А. Гранин пишет в своей книге-размышлении «Причуды моей памяти»: *В то же примерно время, что и Лихачев, появился Сахаров, Солженицын. Но имя Солженицына всегда было связано с острым политическим конфликтом, это был вызов системе. Сахаров – тоже политизированная фигура. А. Лихачев был прежде всего фигурой нравственной. Это было приемлемо, близко и понятно для большинства. Он говорил о забытых понятиях. Что такое учтивость? Я испытал это на себе, когда заговорил о милосердии. Забытое слово, почти запретное. Сколько писем ко мне тогда пришло!*

Предки. Семейная честь. В квартире Лихачева портреты дедушек и бабушек. Этого же нет у нас. Мы боимся своих предков. А он ими гордился (Гранин, с. 440).

Интеллигентность осмысливается как нравственная категория, как этическое понятие¹ и определяются его составляющие: *«Ныне этическое пространство сузилось. Сегодня исключением стали принципы честности, альтруизма, верности своему слову.*

Оценивать движения жизни современникам следует крайне осторожно, наверное, все же производство добра падает, зла

¹ «Образование мне дали, а интеллигентность – никак, говорят, этого мы не даем, нет у нас такого предмета, пытались ввести, не выходит» (Гранин, с. 374)

производится больше. Конкуренция растет» (Гранин, 347).

«Милосердию надо учить, как учат чистить зубы. Учить, пока оно не войдет в привычку. Привычка помогать несчастному, попавшему в беду, больному. Милосердие не добровольное дело, оно возложено не на организации. Оно обязанность каждого человека. Бедного и богатого. Нельзя пройти мимо упавшего, проехать мимо аварии, мимо плачущего ребенка» (Гранин, 260).

Размышляя над «Рецептами Лихачева», «Суждениями Д.С.Лихачева»¹, Д. Гранин очень часто цитирует Д.С. Лихачева, в том числе и при попытке дать образец интеллигентности и определить сущность этого качества / свойства: *«Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос» (Гранин, с. 26-27).* *«Проблема личности и власти – это проблема не только интеллигенции. Это проблема всех порядочных людей, из каких слоев общества они бы ни происходили. Порядочные люди нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти» (там же, с. 27).* Комментируя эти убежденные суждения Д.С. Лихачева, Д. Гранин пишет о Дмитрие Сергеевиче: *«Его деятельность – редкий пример в академической жизни. Чаще люди выбирают молчание в обмен на расширение профессиональных возможностей. Но если считаться с такими вещами, то нужно закрывать всякую возможность выражения своих гражданских чувств и строить отношения с властью по принципу «Чего изволите?» Это вторая проблема, с которой пришлось столкнуться Дмитрию Сергеевичу, и он также решил ее в пользу исполнения своего общественного долга» (Гранин, с. 28).*²

¹ Название глав книги Д.Гранина

² Игорь Смирнов приводит знаменательный факт – через два часа после того, как на Лихачева напали в «подъезде его дома, сломали ему два ребра, он выступает с докладом на конференции по «Слову о полку

Для Олега Васильевича Волкова главными компонентами в определении интеллигентности являются *совесть, память, честность, терпимость, ненависть со стороны власти*: «Николаев говорил, что непременно напишет воспоминания. Вряд ли ему пришлось это сделать – смерть настигла его почти сразу после возвращения в Ленинград. А жаль – это была бы летопись **честно прожитой жизни**. Человек это **вряд ли** когда запятнал себя **поступком против совести, был верен своим представлениям о правде и справедливости**. Николаев был членом профсоюза печатников со времени его основания в начале века, **принадлежал к старой рабочей интеллигенции**, и это сквозило в его обличье, речах и поведении: то был **человек терпимый**, внимательный к людям, скромный и благородный» (Волков, с. 412). «Кстати, на всем протяжении моих лагерных хождений, на этапах, в следовательских кабинетах, на лесоповале и при генеральных «шмонах», как охранники, так и начальство всех рангов **тыкали меня интеллигентностью, усугублявшей мою и без того преступную сущность**. Причем качество это **устанавливалось по необъяснимым для меня признакам**, даже в периоды, когда я оказывался на самом дне, был среди самых обтрепанных и самых невымытых. Самых голодных...» (Волков, с. 340).

И.В. Кваша в книге - воспоминаниях «Точка возврата», рассуждая о лучших, с его точки зрения, людях на земле, интеллигентах, подчеркивает такие качества, как *образованность, честность, отношение к другим людям (жалость – сострадание) и ненависть со стороны других*: «А князь всегда был образованным человеком, всегда защитником тех крестьян, которые жили вокруг его замка. Которые как бы его подданные. С той поры сохранилось такое отношение к князю. К интеллигентному человеку. Это заложено в традиции Грузии. Поэтому такая разница между словом

Игореве», которую организовал. Один из руководителей Ленинградского КГБ, Калугин, писал в печати о том, что Д.С. Лихачева подслушивали. Три человека в городе *удостаивались этой «чести*», том числе Дмитрий Сергеевич» / Д. Гранин, с. 28.

«интеллигент» у нас в России, где это слово бранное, и Грузией, где интеллигент, наоборот, превосходная степень оценки» (Кваша, с. 270).

Примером-образцом интеллигентного человека для автора являются В.П. Некрасов, В.В. Виленкин, В.В. Шверубович, Л.Д. Ландау.

2.5. Концептуализация и языковая объективация признака ‘русский’ в художественно-публицистическом дискурсе творческой интеллигенции

Для русских, осознающих свою этнокультурную принадлежность, несомненной концептуальной значимостью обладают этнонимы *Русь*, *Россия*, а также производные прилагательные *русский*, *российский*.

Признак «русскости» относится к лингвокультурным концептам, под которыми С.Г. Воркачев понимает вербализованные культурные смыслы, в той или иной мере отмеченные этнической спецификой [Воркачев 2007: 11]. Концептуализация этого признака осуществляется в вербально-ассоциативных связях, фиксируемых «Ассоциативным словарем», в публицистических, в художественных, в частности поэтических текстах¹, реализующих национальную картину мира – «целостную модель, свойственную определенному типу культуры» [Петрова 2006: 30]. Несомненный концептуальный приоритет прилагательного *русский* перед его семантическим аналогом *российский*, отмеченный О.Н. Трубачевым [Трубачев 2005: 216-227], подтверждается тем фактом, что это определение часто встречается в названиях литературных произведений: «Русские женщины» Н.А. Некрасова, «Русский характер» А.Н. Толстого, «Мы-русские» А. Белого, «Русские люди» К.М. Симонова, «Русский лес»

¹ По данным Е.В. Куваровой, частотность употребления прилагательных *русский* и *российский* в проанализированных ею поэтических текстах, принадлежащих разным авторам (от М.В. Ломоносова до К.М. Симонова и А.А. Суркова), находится в диапазоне от 6 до 70 [Куварова 2009: 376]

Л.М. Леонова и др.

Проанализируем статью «Ассоциативного словаря» к слову-стимулу *русский* [Рус. ассоц. Словарь, I....:].

РУССКИЙ - язык 29, человек 16, мужик 6, еврей 4, Иван 3, Ваня, дух, характер, эмигрант 2, бизнес, большой, Ванька, вера, ветер, друг, квас, композитор, конь, красивый, красная рубаша, лень, лес, мало, мешочник, Москва, народ, национальность, немец, нерусский, образ мыслей, орёл, остров, паспорт, поэт, птица-тройка, ресторан, розовое, свой, сильный, советский, совок, стиль, театр, турецкий, уважение, узкий, умный, французский, шовинизм, я. 1; 113+51+4+41

1.Лексическое наполнение грамматикона

В грамматиконе обнаруживаются следующие синтактико-морфологические связи единиц в парах:

■ Согласование: русский -язык (29), человек(16), дух (2), характер (2) и т.д.

■ Построение определительных словосочетаний: *русский - бизнес, народ, стиль* и т.д.

■ Префиксально-суффиксальные словообразовательные отношения: *русский – нерусский*

■ Модели более двух слов: *русский - образ мыслей, красная рубаша*

■ Фонетические созвучия: *русский — узкий*

Грамматикой усреднённого носителя языка в анализируемом фрагменте лексикона представлен разнообразно.

2. Реализация полисемии (семантикой)

При анализе семантикона используем данные словаря русского языка Ожегова [Ожегов, Шведова 1996].

Основное значение слова *русский (русские)* - «народ, составляющий основное коренное население России» реализовано в парах: *русский - народ* и т.д.

Значение «относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, её территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России» реализовано в парах: русский - язык, композитор и т.д.

3. Выявление системных знаний

Лексико-семантические связи реализованы в парах: русский - еврей, немец (по семе 'национальность'); русский — турецкий, французский (по семе 'национальный', а также по семе 'язык'), русский - советский, совок (по семе 'советский' как период в истории России). Антонимические связи реализованы в парах : русский - нерусский

4. Ассоциативно-семантические связи

Русский- орёл, конь, лес (ассоциация с русской природой);

Русский - большой, ветер (ассоциация с протяжённостью территории России);

Русский — вера, друг, уважение (ассоциация с духовностью русского народа);

Русский - мужик, лень, сильный, умный (ассоциация со стереотипной характеристикой русского человека);

Русский - композитор, стиль, поэт, театр (ассоциация с русской культурой);

Русский — характер, друг, народ, национальность, образ мыслей, свой, я (ассоциация с менталитетом);

Русский - эмигрант, паспорт (ассоциация с политическими реалиями);

Русский - советский, совок (ассоциация с историческими реалиями);

Русский - квас, красная рубаха (ассоциация с историческими бытовыми реалиями).

5. Апелляции к прецедентным феноменам

5.1. Прецедентная ситуация Русский — ресторан, театр

Ситуации можно назвать прецедентными в силу распространённого высокого мнения о русской кухне и русском театре.

Русский - немец, французский

Ассоциативный ряд апеллирует к двум крупнейшим войнам в русской истории - 1812 и 1941-1945 гг. *Русский – Москва* Указание на столицу России.

5.2. Прецедентный текст *Русский — птица-тройка* (Н.В. Гоголя «Мёртвые души»).

5.3. Прецедентное имя
Русский - Иван, Ваня, Ванька

В качестве прецедентного имени выступает имя Иван. Данное имя широко используется в русских сказках, сочетание Иван-дурак даже стало нарицательным; в данном случае слово *русский* ассоциируется с качествами характера «простота» и «наивность».

6. Логическая составляющая

6.1 .Эмпирический аспект

Данный аспект выявляет объединение в понятии «русский» русской ментальности, национальности (*русский - характер, народ, национальность, образ мыслей*), быта (*русский - квас, красная рубаха*), истории (*русский - советский, совок*), политических и культурных реалий (*русский - эмигрант, паспорт; композитор, стиль, поэт, театр*), а также противопоставление национальности *русский* другим национальностям (*русский - немецкий, французский*) и включение говорящего в понятие *русский* (*русский - свой, я*).

6.2.Эмоциональный аспект

Русский - большой, сильный (положительные эмоции);

Русский — мало, узкий (отрицательная коннотация).

6.3. Оценочный аспект

Положительная оценка	Отрицательная оценка
<i>Русский – вера, друг, уважение</i>	<i>Русский - совок</i>
<i>Русский – красивый, умный</i>	<i>Русский - шовинизм</i>

При составлении словарной статьи ассоциаций нами были опрошены студенты 4-го курса филологического факультета НГЛУ (20 опрошенных). Данные опроса:

РУССКИЙ — язык 7, менталитет 4, человек 3, водка 2, душа 2, гопник, доброжелательный, Ленин, революция, репортёр, рок, советский, Сталин, Newsweek (27+14+0+9).

В данных реакциях, как и в реакциях, зафиксированных «Русским ассоциативным словарем», наиболее частотной является реакция *язык*. Также общими являются реакции *человек, советский*.

В ответах присутствуют такие прецедентные имена, как *Сталин, Ленин*, указывающие на видных политических деятелей прошлых лет. Также присутствует апелляция к прецедентной ситуации *революция*, относящейся к истории России.

Также в реакциях присутствуют такие прецедентные названия, как *Русский Репортёр* и *Русский Newsweek*. Названия данных журналов в ассоциативном ряду даёт представление о печатных СМИ, востребованных современными носителями языка.

Пары *русским - водка, гопник* фиксируют стереотипное представление о поведении русских людей. Представление имеет отрицательную окраску.

Пары *русский - душа, доброжелательный* реализуют оценочный и эмоциональный аспекты логической структуры восприятия. Оценку можно охарактеризовать как положительную.

Признак «русский» концептуализируется в «Заметках о русском» Д.С. Лихачева.

«Заметки» писались как ответы на письма, как *«заметки на полях прочитанных книг или отзывы по поводу прочитанных рукописей»*, как *«просто записи в записных книжках»* (Лихачев, с. 7). Представление о русском Д.С. Лихачева выросло на основе многолетних занятий древнерусской литературой и русским фольклором, на основе его жизненного опыта. Д.С. Лихачев с полным основанием считал, что «русскость» русской литературы с наибольшей отчетливостью была выражена в древней русской литературе (Лихачев, с. 44). Важным замечанием Дмитрия Сергеевича является следующее: *«Национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности – это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Национальные особенности – это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Национальные особенности сближают людей, интересуют людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы – это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации. Поэтому если я говорю о том, что свойственно русскому пейзажу или русской поэзии, то эти же свойства, но, правда, в какой-то иной степени, свойственны и другим странам и народам. Национальные черты народа существуют не в себе и для себя, а для других. Они выясняются только при взгляде со стороны и в сравнении, поэтому должны быть понятны для других народов, они в какой-то другой аранжировке должны существовать и у иных. <...> русские черты в какой-то мере являются чертами общечеловеческими. Различие в степени»* (Лихачев, с. 20). Ассоциативное поле с доминантой *русский* выявляет в указанном тексте следующее ментальные признаки: *доброта, природа, род, родина, воля, удаля, подвиг, Пушкин, любовь к миру, «патриотизм против национализма»; великий народ (большая культура,*

национальные традиции, «обязан быть добрым; должен помочь малому сохранить себя, свой язык, свою культуру» (там же, с. 42). Наиболее частотная синтагматика: *культура, литература, язык, народ, земля*. Круг денотатов к которым приложим атрибут «русский» в тексте Д.С. Лихачева, семантика имен существительных, определяемых прилагательным **русский**, дает основания для структурирования концепта **РУССКОСТЬ**, в составе которого выделяются следующие фреймы: «русская культура», «русская литература», «русский язык», «русский народ», «русская земля».

Концептуализация признака *русский* в индивидуально-авторской концептосфере может отличаться от прототипического культурного варианта. Покажем это на примере очерка И. Бродского «Полторы комнаты», свидетельствующем о неоднозначной трактовке российской интеллигенцией признака *русский*.

Интенционал языкового знака *русский* состоит из:

1. гиперсемы, совпадающей со значением слова *русский* в словаре русского языка Ожегова: «относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России» [Ожегов, Шведова, 1996].

2. гипосем ‘*советский*’, ‘*постоянный*’, ‘*национальный*’, ‘*далекий*’, ‘*системный*’, ‘*государственный*’ (с.).

Импликационал данного языкового знака состоит из 4х уровней:

1. Жесткий, включающий в себя семы ‘*советский*’, ‘*национальный*’.

2. Высоко вероятностный, включающий семы ‘*далекий*’, ‘*системный*’

3. Слабый, включающий семы ‘*родной*’, ‘*достойный*’

4. Отрицательный, включающий семы 'американский', 'еврей', 'лояльный'.

Экстенционал знака – народ, проживающий в России, а также «относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России», (с.) что совпадает со значением, предлагаемым словарем Ожегова, а также с гиперсемой знака.

Оценочные семы, формирующие прагматическое значение знака: 'суровый', 'лишающий', 'запрещающий'.

Семы, выражающие отношение повествователя: 'непонимание', 'сочувствие', 'отдаление'.

Среди авторских тактик можно выделить стремление исключить себя и свою семью из понятия «русский». В самом начале текста он указывает на свою национальность: *«Поэтому следовало полагать, что нам повезло, если учесть к тому же, что мы – евреи»* (Бродский, с.23).

Также И.Бродский прямо указывает на географическую удаленность места своего пребывания от России: *«Я стою на побережье Атлантики: масса воды отделяет меня от двух оставшихся теток и двоюродных братьев – настоящая пропасть, столь великая, что ей впору смутить саму смерть»* (Бродский, с. 26).

Автор соотносит понятие «русский» с понятием «советский». Время создания данного произведения не совпадает со временем описываемых событий, дистанцированность во времени.

Автор дает негативную оценку происходящему: *«...большой террор и война поработали повсеместно...»*, *«По рукам ходило даже письмо за подписью наиболее известных обладателей пятого пункта – гроссмейстеров, композиторов, писателей, - содержащие просьбу к ЦК и лично к товарищу Сталину разрешить им, евреям, искупить суровым*

трудом в отдаленных местностях большой вред, причиненный русскому народу», «Задним числом опять-таки я бы добавил: об их свободе, ибо они родились и выросли свободными, прежде чем случилось то, что безмозглая сволочь именуется революцией, но что для них, как и для нескольких поколений других людей, означало рабство» (Бродский, с.17).

Также автор указывает на свое отношение к русскому языку: *«Писать о них по-русски значило бы только содействовать их неволе, их уничтожению, кончающимся физическим развоплощением. Понимаю, что не следует отождествлять государство с языком, но двое стариков, скитаясь по многочисленным государственным канцеляриям и министерствам в надежде добиться разрешения выбраться за границу, чтобы перед смертью повидать своего единственного сына, неизменно именно по-русски слышали в ответ двенадцать лет кряду, что государство считает такую поездку «нецелесообразной». Повторение этой формулы по меньшей мере обнаруживает некоторую фамильярность обращения государства с русским языком. А кроме того, даже напиши я это по-русски, слова эти не увидели бы света дня под русским небом. Кто б тогда прочел их? Горстка эмигрантов, чьи родители либо умерли, либо умрут при сходных обстоятельствах?» (Бродский, с.27).*

Устанавливаются корреляции: 'русский' – 'советский', 'русский' – 'государственный'.

Глава III Русская языковая личность, ее типологические варианты, лингвистический механизм интерпретации. Психотип – языковая личность. Динамика константы.

Актуальность исследования в современной лингвистике проблемы языковой личности (Ларин 1974; Богин 1984; Караулов 1987; Карасик 1994; Апресян 1995; Фоякова 1995; Шахронович 1995; Поцепня 1997; Сухих 1998; Кочеткова 1999; Язикова 1999; Берестнев 2000; Мильцин 2001; Красных 2002) поставила науку перед необходимостью поиска лингвистического механизма интерпретации типа языковой личности.

В качестве речевого воплощения языковой личности автора нами была рассмотрена такая категория, как модальность.

Основной эмпирической базой нашего исследования стали тексты современной исповедальной мемуарной прозы (мемуары, дневники, письма, записки и др.) российской творческой интеллигенции (поэтов, писателей, актеров и т.д.). Исповедальная проза позволяет представить модель языковой личности современного российского интеллигента в ее когнитивном и мотивационном аспектах.

С модальными стратегиями и тактиками связан мотивационный аспект языковой личности. Модальность можно отнести к форме произведения, в том смысле, что форма «есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего к содержанию» [Бахтин 1975: 366].

Для иллюстрации возьмем эмоционально-оценочный дискурс (ЭОД), представленный в «Дневнике» Юрия Нагибина (ЭОД в собственно языковом и прагматическом аспектах).

Нами выявлен эмотивно-оценочный словарь языковой личности, осуществлен его количественный и качественный анализ, определены

универсальные признаки эмотивно-оценочной подсистемы русского языка, проявляющиеся, прежде всего, в лексиконе ЯЛ: преобладание негативной ЭОЛ над позитивной, детализация, многообразие, смысловое дублирование, высокий уровень эмотивности в области отрицательной лексики и небольшой объем, слабая смысловая дифференциация, преобладание общеоценочных слов в позитивной области данной лексической подсистемы. Выявлены и специфические черты лексикона ЯЛ: — предпочтение лексики полюсных эмотивно-оценочных значений (*плохой—хороший; безнадежно унылый, неживописный — прекрасный; печальный призрак — рыжий живчик; костры — мрак; прекрасен — замороженный; большое, авторитетное — слабый, незащищенный, крошечный; сильное — мягкое; домушник, форточник — творец дивных мелодий; импотент — страсть; натура не трагическая, скорее шутейная; плохой — красивейший, отличный; испохабился мир (опасно, звучат выстрелы, ограбления, террористические акты, вандализм: взорван, изрезан, разбита, искромсаны, брошена бомба, осквернен памятник, похищена; пакость — доброта, доверие, легкость, нарядность, довольство; испариться — воспарить; слаб — не распался, сырой — легок, сух, опрятен; старческая глухота, ослабла память — ни тени маразма и др.);*

— частая актуализация в речи эмотивных смыслов, по-разному взаимодействующих с оценочными, что делает оценочное содержание более субъективным, категоричным, порой теряющим свои основания, или, напротив, обогащает и эмоционально его конкретизирует;

— доминирование в области позитивного ЭОД лексики «высокого стиля», выражающей эстетическую оценку (*прекрасные деревья, прекрасная экскурсия, во мраке горели костры, прекрасен Шиллер, благодарен, творец, дивные мелодии, красивейший, лирический вздох, изящество и т.д.);*

— отмечается высокий процент авторских эмотивно-оценочных семантических и словообразовательных дериватов (*всеохватность, напряжение человеческих потенциалов, сиреневые дни, «тифози», мизерная эпопея, душнейшее* и т.д.).

Выявлены основные типы синтагматических рядов оценочных единиц разной ориентации (рационально- и эмотивно-оценочных) в ЭОД Ю. Нагибина, которые позволяют сделать выводы о соотношении процессов эмоционального и оценочного освоения действительности говорящим человеком: а) стремление свести квалификацию объекта к черно-белой парадигме (за исключением эстетической оценки), отсюда высокая частотность употребления сниженной и ненормированной лексики (*балдеют, дрянь, плевать, орать, горлопанить, стукач, жопу лизать, гадость, сволочь, говно, кочевряжиться, обложил меня, как волка, тупее, домушник, форточник, стыдливый импотент, шутейная, тупые изолгавшиеся сволочи, чуть концы не отдал, дерьмо, паразит, мура, свиньи, сопливые, в дерьме, вонь, лизать задницы, куркули, обожрался, сожрал, бабы* и т.д.); б) стремление детализировать проживаемую эмоцию, совмещая в дискурсе различные лексические способы выражения и описания эмоционального состояния (уровень высоко когнитивной личности).

Наиболее значимые фрагменты эмотивно-оценочной картины мира писателя представлены следующими тематическими областями словаря: эмотивные оценки интеллекта, уровня образованности, культуры и одаренности человека (степени таланта), а также эмотивные характеристики морально-нравственного порядка (морально-нравственных качеств, например отношение к животным; духовности современного общества, в частности отношение к искусству: *без мозга и души*; степень полноты жизни: *творчество, наука, размышления, карьера, бабы* (игра страстей), *светская жизнь, путешествия, пьянство, бурное кипение,*

ненасытность, самсоуглубленность). Кроме того, оцениваются произведения искусства, государственное устройство. Чаще всего фигурирует оценка со знаком «-».

Ориентиром в анализе тезаурусного уровня являлось не только количество тематически связанных единиц в лексиконе говорящего и частота их встречаемости в дискурсе, но и устройство данного фрагмента лексикона: уровень детализации в эмотивно-оценочном освоении мира, а также многообразие смысловых связей данной концептуальной области с другими в когнитивном пространстве.

Так, концептуальная область интеллектуальных характеристик (*ум, напряжение человеческих потенциалов, объяснить ничего нельзя, едва ли не тупее моих соотечественников, тупые, не потянул выше троечки, сказать ему было нечего, без мозга* и т.д.) связана с представлением о культуре как феномене достижений человеческих и о культурности (*сплошной непроглядный мрак* (о современной литературе), *бездарное киноторжество* (фестиваль), *духовная жизнь равна нулю, не бытовой человек, чудовищно темн и некультурен, ничего не читают, занимаются огородами, цветами на продажу...*) и с концептом *талант - бездарность* (*печальный умолкший прозаик; мощь; замороченный; творческая воля; гармония; гений; скудость дарования; творец, стыдливый импотент, играющий в страсть; великий; таланта почти не нужно; бракованное искусство, литература; грубые подделки*). Объектом такой оценки чаще всего служит кинематограф (*говно, кочевряжиться в роли Бонни, стыдливый импотент...; дерьмо, плохой фильм, мура, фильм не нужен*). Эта связь концептуальных областей объективируется в языке на уровне семантической структуры тематической группы (*тупой, без мозга, мрак, бездарный, темный, некультурный, скудость дарования, таланта не нужно, плохой*), компоненты которой отражают взаимосвязанные понятийные области, а

также на уровне семной структуры лексического значения многозначного слова, содержащей компоненты разных рангов (разных значений, коннотаций), соотносящиеся с разными концептуальными фрагментами.

Эмотивно-оценочный контекст, в который погружены эти доминирующие концепты в ментальном пространстве человека, категорически негативен (в языковой картине социума отношение к низкому интеллекту человека не столь однозначное). Кроме того, исследование типичных актуальных смыслов ЭОЛ, характерных для автора дневника, позволило выявить устойчивые связи и отношений каузального характера между указанными понятийными зонами. Для Ю. Нагибина необразованность (некультурность), бездарность органически связаны с пороками морально-нравственного порядка, в отличие от лениости ума. Например:

Алла очень редко соглашается включить мозг. Когда она это делает, получается интересный и точный разговор, потому что Алла очень умна, но крайне умственно ленива. Аллин ум высшего качества, ибо он изнутри, из «брюха», а не с поверхности мозга (Нагибин, 515-516).

Следующая значительная часть тезауруса ЯЛ вербализуется с помощью эмотивных квалификаций морально-нравственного порядка: характеристик разного рода **насилия над человеком** (*согнулся под гнетом быта, грубость, слабый, незащищенный, кто позволит, куда смотрят власти?, карают без вины, унижают, одергивают, социальные игры, кромсают, ненависть, отпор, били, жестокость, давить на меня и т.д.*); **трусости и смелости** (*твердо уверен; не боится ни показаться смешным, ни быть грубо одернутым; достоинство; равнодушие; безразличие; трусость*); **хамства и наглости** (*не пригласили на фестиваль, непризнание, злобствует, писать неуважительно, похабный тон, плевать на все хотели, говорить гадости считается хорошим тоном, низость, хамство*); **ловкачества, приспособленчества** (*пролаза,*

бытовая алчность, богатство, преуспевание, неоглядный подхалимаж, бесовские игры, доносы, алчет соавторства, отсутствие бескорыстия и культурной заинтересованности, волнуют только медали, томим желанием погреть руки; сплав мещанства, лицемерия, ханжества, ненависти к равным, презрения к низшим, раболепства перед властью и силу имущими; страсть к доносам, злоба); подлости и благородства (тупые изолгавшиеся сволочи, собственное достоинство, светские сплетни, зависть, не доносит, не подлит, не горлопанит с трибун, не распинается в любви и преданности, стукач, стучать, решимость на любую пакость, причастность «святому делу сыска», отношение к собаке — бодрое, веселое, товарищеское; испорчен, сволочь, как мы все; нечто порядочное; пассивный подвиг дается кровью; умиляться нечему; доносные письма; грязные слухи, фальшь, бред, грязь, не стыдно ни в чем, не поддавшийся власти; не прельстившийся ни ее гостинием; не имел ни одной награды, ни даже звания заслуженного; подличать, лизать задницы, писать жалобы; опрятный, подтянутый, благожелательный, джентльмен, не декларировал свое отношение, действовал сугубо парламентскими методами, не завидовал и т.д.).

Анализ коммуникативно-прагматического уровня в структуре языковой личности показал, что эмотивно-оценочный дискурс ЯЛ представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, таких как блок собственно оценочных высказываний субъекта о мире, чужие оценки, цитируемые в дневнике с разными интенциональными установками, блок высказываний-самооценок и, наконец, параллельные оценки одного и того же события, но данные в реальной коммуникации (затем репродуцированные в дневнике), и дневниковые эмотивно-оценочные речевые акты. Но все эти элементы объединены одним мотивом, одной морально-оценочной доминантой, вербализованной автором в следующих высказываниях: *Не дневник, а жалобная книга*

(Нагибин, с.418); *ненависть — единственное активное чувство, которое осталось во мне* (Нагибин, с. 581).

Система эмотивно-оценочного дискурса является динамичной, так как очевидно влияние его различных элементов друг на друга. Проявляется корреляция по объекту, основанию, критериям и категоричности эмотивно-оценочной семантики, языковым средством выражения в оценочных речевых актах, направленных на объект, и речевых актах самооценки: *Я знаю узость своих творческих возможностей...* (Нагибин, с. 228). Это касается отрицательных эмотивных оценок и самооценок, которые, как было сказано, преобладают в авторском дискурсе. Кроме того, чередуются «+» оценки других, «-» оценки других, «-» самооценки, «+» сдержанная самооценка: *Мы с Аллой — монстры; Себе: О, сделай так, чтобы я тебя опять полюбил* (Нагибин, с. 493).

С помощью одинаковых коммуникативных тактик вводятся самооценки, самопохвала и самореклама и чужие похвальные отзывы - используется ссылка на чужое авторитетное мнение, а также отдается предпочтение рационально-оценочным единицам или эмотивно-оценочным с «умеренным» коннотативным содержанием. См. пример косвенной оценки (демонстрация чужого мнения—отношения): *Мы не встречались, не переписывались, но она покупала все мои книги, вырезала мои фотографии из журналов и газет, расспрашивала обо мне всех, приезжавших из Москвы людей и все про меня знала* (Нагибин, с. 463).

Можно указать следующие функции чужой оценки в дискурсе Ю. Нагибина: вписывает собственное оценочное суждение и эмоциональное отношение в ценностный контекст социума; используется для характеристики субъекта оценки, в ряде случаев вырастая до портретных зарисовок, а также участвует в выражении (подкреплении, мотивации) самооценки пишущего: *Выходит, права Алла: официальное непризнание*

усугубляется завистью частных лиц, считающих, что я краду из их кармана (там же, с.337-338). Кроме того, чужая оценка используется автором для сравнения и противопоставления себя другим (Михалковым, К. Симонову, всем) и в целях саморекламы. Чужая оценка в ЭОД языковой личности имеет свою специфику языкового воплощения, суть которого в приращениях, изменениях коннотативного содержания, неизбежно привносимых говорящим субъектом вместе со своим эмотивно-оценочным словом.

Таким образом, ЭОД языковой личности - это сложнейшая система взаимодействующих элементов (типов эмотивно-оценочных речевых актов), которые объединяются общей функциональной направленностью - отразить многообразный, сложный и уникальный эмотивно-оценочный фрагмент языковой картины мира человека и вписать его в аксиологическую парадигму социума (см. [Трипольская 1999]).

Модель языковой личности — это система взаимосвязанных и взаимодействующих признаков (эти связи проявляются не только на горизонтальном уровне, то есть внутри уровня — в структуре ЯЛ — (Ю.Н. Караулов), но и вертикально, увязывая вербально-ассоциативный, когнитивный и мотивационный уровни ЯЛ). Анализ ЭОД Ю. Нагибина позволяет предположить органичную связь между такими свойствами личности, как активная лингвокреативная деятельность (*волк в овчарне; во мраке горели костры — те же Гоголь, Герцен, Салтыков-Щедрин; Шиллер — адвокат человечества; жеребец Дантес; стыдливый импотент, играющий в страсть: жидко, несоблазнительно и натужно; не потянул выше троечки; Болдинская осень халтуры*) и ярко выраженная индивидуальная специфика тезаурусного уровня (система аксиологических образов и типизированных эмоций), а творческое отношение к слову соотносится с творческим отношением к выработке речевых стратегий и тактик.

Здесь необходимо указать на исследования В.П. Беянина (2000), в работах которого представлена психоллингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: «светлые», «темные», «печальные», «веселые», «красивые», «сложные», «смешанные». В данной классификации существенную роль играет психологический тип личности. Условно по материалам исповедальной мемуарной прозы мы бы выделили три типа личности: 1) с преобладанием отрицательных эмоций и соответствующих негативных тактик: речевая стратегия — демонстрация эмоционально- оценочного отношения, например Ю. Нагибин, И. Глазунов; 2) тип, использующий тактику смягчения отрицательных оценок, склонный к косвенным высказываниям отрицательной оценки, с преобладанием рациональных оценок: стратегия — завуалирования, смягчения, сокрытия, например Д. Лихачев; 3) с преобладанием положительных эмоций и соответствующих позитивных тактик, например Е. Леонов. За разными текстами стоит разная психология. Разнообразие психологических типов людей рождает разнообразие когнитивных структур. Описывая типы творческой языковой личности В.П. Беянин, во-первых, указывает два класса экстраверт, интроверт [Беянин 2000: 48], кроме того, выделяет статиков и динамиков, различает авторов по характеру преобладающих чувству: зрительных, слуховых, обонятельных.

Нельзя не учитывать и того, что автор изменяется: взрослеет, стареет. Меняется и его текст, отражая степень его зрелости, языковой опыт, знания. На протяжении жизни автора меняются также условия его существования, что отражается на его психологии. К примеру, заключительные современные главы «Последнего поклона» В. Астафьева (Астафьев 1992) более концептуальны, более «злы» и «агрессивны» по эмоциональной насыщенности, чем вариант книги 70-х годов (это

касается и продолжения цикла лирических зарисовок-миниатюр «Затем»). Если в первом варианте книги преобладает эмоциональное состояние печали и грусти (и их языковые экспликации), то в последних главах (и в последних миниатюрах «Затем») усилен семантический компонент 'тоска' и семантический компонент 'смена эмоционального состояния' (от тоски к ярости и злобе; от страха к надежде и безысходности, усталости; от печали к скорби; от досады к восхищению и т.д.). В последних текстах В. Астафьева важную роль играют такие способы выражения эмоций, как смех, слезы. Часто встречаются такие глаголы и существительные, как *улыбаться, усмешка, улыбка, ухмыльнуться, насмешка, хохот, ухмылки, хохотать, разразиться смехом (хохотом)* Необходимо отметить, что смех в текстах В. Астафьева возникает не только как выражение удовольствия или радости, но и страха и угрозы, когда человек видит какое-либо несоответствие и это несоответствие представляется ему опасным (ср. В. Солоухин «Смех за левым плечом»). Напомним мысль М.М. Бахтина о том, что смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире, особая универсальная точка зрения на мир [Бахтин 1990]; см. также [Лихачев 1999]. Несомненным признаком последних текстов В. Астафьева является наличие в них описания зрительных ощущений с семантическим компонентом 'сумрак'; *задремавшая, дремлют, ночной, сон, дремотен, сонный, ночью, под вечер, на закате, в сумерках, ввечеру, темнеющие, темные, сгустившийся морок, тень, темень, не темно, сумерки, затмение*. Относя этот компонент формально к зрительным ощущениям, отметим его близость к эмоциональным состояниям в силу ярко выраженного эмоционального тона, который ему сопутствует [Рубинштейн 1989: 221-227]. В текстах писателя много лексических элементов со значением 'звук', чаще всего ему соответствует оценочная сема 'неприятный':

услышать звук, крик, зов, поорать и т.д. Психологическим коррелятом этого явления оказываются ложные слуховые ощущения, которые выражаются в ощущении различных звуков, шумов, звона, непрерывного или прерывистого. Слуховые ощущения часто совпадают со зрительными (*дождь идет; размытый дождем*). Если говорить об обонятельных ощущениях, то чаще в анализируемых текстах присутствуют приятные запахи (*вкусные запахи*), например запахи леса.

Тексты В. Астафьева, так же как и тексты Т. Дорониной, Ю. Нагибина, И. Бродского, по эмоциональной доминанте можно отнести к «печальным» текстам (термин В. Белянина). Для автора «печального» текста все прекрасное в прошлом, только воспоминание приносит успокоение, возвращая минувшие дни, полные радости» (Дж. Байрон «Детские воспоминания»); в настоящем - страдания, чувство вины за прошлое, будущее - тревожно. Печальная эмоциональная доминанта обусловлена и тем, что указанные тексты, как правило, создаются в период зрелости, старости и воспоминаний о молодости. См.:

Настоящее не радует. Пишу о прошлом. То, что называют театральной юностью (Доронина, №6:161).

Я не могу писать о «сегодня». Пока я могу — только о тех, кто ушел.

Когда я пишу, мне не так больно (там же, №4:164).

*Я вспоминаю об этих вещах не потому, что считаю их ключами к подсознательному, и подавно не из ностальгии по детству. Я вспоминаю о них потому, что никогда прежде этим не занимался, потому что **желаю** кое-какие из них **сохранить** — хотя бы на бумаге. И потому еще, что **оглядываться** - занятие более благодарное, чем **смотреть вперед**. **Пропусту** говоря, **завтра** менее привлекательно, чем **вчера**. **Почему-то** прошлое не дышит такой чудовищной монотонностью, как будущее. Будущее, ввиду его обилия, -пропаганда. Также и трава*

(Бродский, с.10-11).

В тексте В. Астафьева, например, доминанта *настоящего нету* раскрывается 1) ЛСГ глагольных форм с семой 'уничтожение' (*выжжены, обрублены, обмелели, выродились, исчезло, исчезли, срубаются*); 2) тематической группой с семой 'жалкий' и 'упадок' (*холодная, безжизненная, возвращается, осваивает, лепит, претензия, играет, ничтожный, готовый урвать хоть шерсти клок с паршивой овцы, захудалый, жалкую, одинокий*) (Астафьев, 26). Детство описано с нежностью, «светлые» эмоции; настоящее - с презрением, безнадежностью, иронией.

В сенсорных модальностях «печальных» текстов ведущим является компонент 'запах' (у Астафьева преобладают запахи приятные, у Нагибина - неприятные; у Лихачева - запахи и звуки с оценкой «+» - в прошлом, «-» - в настоящем).

Примерами текстов с положительной эмоциональной доминантой являются «Письма к сыну» Е. Леонова. Укажем некоторые концепты текстов Е. Леонова и их лексическую презентацию. Как правило, это концепты, вызывающие положительный эмоциональный фон, частотность концептов с отрицательным эмоциональным фоном невелика.

- **Идея** (мысли), **истина** (*честность, честь, чистота, правда, порядочность, доброта, святость, справедливость, достоинство, принципиальность, прямота, простота и искренность, красота; естественность; совесть; мудрость, разум*).

- **Бог, вера.**

- **Пространство** (*дорога, высь, прямые, ровные, небо*), **природа** (*весна, роса, лес, любовь, дышу, думаю, вспоминаю и т.д.*), **дом, родина, патриотизм.**

- **Свет** (*светлый, белый, чистый, яркий, серебристый, серебристо-серый; серебристо-седой; искриться, сиять, блестеть*),

тепло, солнце.

- **Звук:** *мелодичный, светлый, чистый, ясный, звонкий, звенящий.*

- **Сердце, душа, чистота** *(ясные, чистые, хрустальные, белый).*

- **Счастье:** *работать трудно, хорошо, со страстью; всегда некогда.*

- **Добро:** *искренность, ясность, мысли светлые (чистые); нести радость, правдивый, прямой, отзывчивый, доверчивый, с чистой душой, любящий, преданный (беззаветно, верный; принципиальный, порядочный, добрый, действующий от всего сердца/от всей души; выполняющий свой долг, делающий все для людей, благородный; ангел, Бог, святость.*

Зло: *ненависть, клевета, злорадство, подлость, цинизм, самолюбие, предательство, выставить в дурном свете, обвинять, решать за спиной.*

Человек: *взгляд (зоркий, ясный), глаза, сердце, душа; теплые руки, в глубине души, в сердце; я, имя.*

- **Жизнь:** *судьба, предназначение; бесконечность, вечность, пространство; преодоление, трудности победы, счастье, величие.*

Содержание текстов Е. Леонова может быть сведено к двум следующим мыслям: все живое уникально, неповторимо и самоценно; я знаю истину и хочу донести свое понимание жизни до сына, до всех людей. Среди слов, обозначающих эмоционально-оценочное отношение автора, наиболее часто встречаются слова с семой: *сострадание* (в выборке — 27 раз), *удивление* (25), *сопереживание* (37), *восхищение* (29), *волнение* (43). Оценочные прилагательные большей частью группируются вокруг смыслов 'уникальный', 'величественный'. Текстовые символы обозначены также лексемами «отец» и «сын». В общеязыковом смысле данные лексемы коррелируют с содержанием 'родитель -рожденный', 'тот, кого почитают - тот, кто почитает', в индивидуально - авторском - экспликатором отношений между

компонентами указанной оппозиции являются следующие смыслы: **дружба** (*единство, общность, близость, доброта, прямота, взаимопонимание, любовь, забота, привязанность; радушие, тепло; одухотворенность, чистота (отношений)*), **доверие, любовь** (*богатство, не боишься быть маленьким, глупым, безоружным, во всей наготе своего откровения; защита*).

Совокупность имен таких концептов, а также предложений и пропозиций, отражающих идею о них, представляет собой фрагмент индивидуального когниотипа (термин А.Г. Баранова). Он обладает тематической композицией, представлен набором языковых выражений, соотнесенных с предметной областью «эмоций» и демонстрирует нам эмотивно-оценочную компетенцию автора.

Особенности языковой личности в исповедально-мемуарном тексте позволяют выявить черты современного национального языкового типа и проследить, как развивается языковая личность в историческом времени, как взаимосвязаны изменяющиеся параметры: состав лексики - концептуальное содержание языковых единиц и жизненные идеалы, иерархия ценностей в картине мира и моральные принципы и т.п.

Источники

- Астафьев В.* Вечерние раздумья: Заключительная глава книги «Последний поклон». Окончание//Новый мир, 1992. №3. С. 6-31.
- Астафьев В.* Забубённая головушка: Из книги «Последний поклон»//Новый мир, 1992. №2. С. 44-63.
- Астафьев В.П.* Зрячий посох: Книга прозы. М., 1988.
- Басинский П.* Московский пленник (исповедь провинциала) // Октябрь. 1997. №9.
- Бродский И.* Меньше единицы: Избранные эссе / Пер. с англ. под ред. В. Гольшера. М., 1999.
- Бродский И.* Стихотворения. Эссе. Екатеринбург, 2001.
- Варламов А.* Теплые острова в холодном море: Повести – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008.
- Вознесенский А.А.* На виртуальном ветру. М., 1998.
- Войнович В.* Замысел // Знамя, 1994. №10-11.
- Волков О.В.* Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. – М.: Советский писатель, 1989.
- Глазунов И.* Россия распятая // Наш современник, 1996. №1-5; 7,8, 9.
- Гранин Д.А.* Причуды моей памяти. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008.
- Гранин Д.А.* Эта странная жизнь // Гранин Д.А. Река времени. М., 1985.
- Довлатов С.* Малоизвестный Довлатов: Сборник. СПб., 1997.
- Доронина Т.* Дневник актрисы // Наш современник, 1996. №4; №6.
- Доронина Т.* Дневник актрисы // Наш современник, 1996. №4-6; 1997. №11,12; 1998. №3,4
- Доронина Т.* «Я, русская актриса» (диалоги о судьбе, о великом русском театре, о режиссуре и положении актера в современном российском обществе): Беседа с Галиной Орехановой // Наш современник, 1996. №3.
- Дуров Л.К.* Грешные записки. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

- Записки Сергея Довлатова Елене Скульской (Ленинград – Таллин. 1975-1978 годы) // Звезда, 1994. №3.
- Захаров М. Суперпрофессия. М., 2000.
- Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. Серия: Мой 20 век. М.: Вагриус, 2005. – 560с.
- Кваша И. Точка возврата. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Козаков М. Актерская книга. М., 1997.
- Кончаловский А. Возвышающий обман. М., 1999.
- Кончаловский А. Низкие истины. М., 1998.
- Ламблен Г. Мемуары девушки, сбитой с толку // Иностранная литература, 2000. №4.
- Леонов Е.П. Письма, статьи, воспоминания / Сост. В.Я. Дубровский. М., 2000.
- Лихачев Д.С. Заметки о русском. – 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984.
- Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. 2-е изд., перераб. СПб., 2000.
- Лихачев Д.С. О русской интеллигенции (письмо в редакцию «Новый мир», 1993) // <http://lib.ru> / POLITOLOG/ lihachev.txt
- Лихачев Д.С. Проповедь или поступок? (Ответ на юбилейное приветствие Д.М. Буланина) // Русская литература, 1998. №2.
- Лихачев Д.С. Соловецкие записи. 1928-1930 // Д.С.Лихачев. Статьи разных лет (сборник). Тверь. 1993.
- Нагибин Ю.М. Дневник. М., 2001.
- Павлов О. Из нелитературной коллекции (Дневник писателя): Казенный дом; Бывшие люди // Октябрь, 1997. №6.
- Павлов О. Казенная сказка (народный роман) // Новый мир, 1994. №7.
- Павлов О. Степная книга: Повествование в рассказах. СПб.: Лимбус Пресс, 1998.
- Розенбаум А. Бультерьер. М., 2000.
- Самойлов Д. Из книги «Памятные записки»: Сны об отце // Дружба народов, 1993, № 10.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир, 1991. № 6-8; 11-12; 1992. №4.

Тэффи Н.А. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

Фурманов Р. Из жизни сумасшедшего антрепренера: Театральный роман. СПб., 1998.

Шаламов В. Колымские тетради. М.: Эксмо, 2009.

Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. М.: Изд-во «Столица», 1991.

Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика: Барселонская проза. СПб., 2001.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Изд. 5-е. М., 2007.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. №4.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997.

Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания, 1997. №3. С.47-53.

Барт Р. Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. - М., 1990.

Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. - М., 1975.
- Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.361-374.
- Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т.5: Работы 1940-1960 гг.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10.
- Бельчиков Н.* Мемуарная литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1934. Т.7.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М., 2000.
- Бердяев Н.А.* Русская идея. М., 2000.
- Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.: Тамбов, 2009. С. 25-77.
- Бродский И.А.* Нобелевская лекция // Бродский И. Стихотворения. Эссе. Екатеринбург, 2001.
- Буланин Д.М.* Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб., 2005.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М.А. Кронгауз; Вступ. ст. Е.В.Падучевой. М., 1997.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.
- Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.,

1993.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.

Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители. Автор – составитель М.В.Осипенко. М.: О-во сохранения лит. Наследия, 2008.

Вознесенская И.М. Импликация в структуре дневниковых текстов // Материалы XXIX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2000. Вып. 12: Стилистика художественной речи: Динамика стилей русской литературы XX в.

Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. М., 2007.

Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии, 1990. №4.

Гинзбург Л.Я. Записные книжки: Новое собрание. М., 1999.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.

Глинина О.Г. «Темные аллеи» И.А.Бунина как художественное единство: Автореф. дис...канд. филол. наук (10.01.01). Волгоград, 1999.

Гончарова Е.А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст – Дискурс – Стыль. Коммуникации в экономике: сб. науч. ст. СПб., 2003. С.9-23.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика.

Григорова Л. Автобиографизм и творчество. София, 1986.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб., 2001.

Диалектика текста: В 2 т. Т.1 / О.Н. Гордеева, О.В. Емельянова, Е.С. Петрова и пр.; Под ред. проф. А.И.Варшавской. СПб., 1999.

Долинин К.А. Текст и произведение // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. СПб. Lawrence (KS, USA),

1994. №2. С.7-17.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. (На материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб., 1999.

Дынный В. Мемуарная литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1934. Т.7.

Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук (10.02.01 – русский язык). Казань, 2004.

Заика В.И. Повествователь как компонент художественной модели // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы междунар. науч.-метод. конф. / Отв. ред. В.Д.Черняк. СПб., 2001.

Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст.: Ин-т рус. яз РАН.: М., 1995. С. 120-133.

Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Каримова Р.А. Семантико-структурная организация текста (На материале устных спонтанных и письменных текстов). Уфа, 1991.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Ключевский В.О. Лекции по истории государства Российского. Лекция 4. «Русская история». Проект ИАЦ СпбГУ, 1999. Режим доступа: <http://www.jurfac.spb.ru/library/history/source/kluchev/asp?||d=4> [См. 01.12.2006].

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т.: Курс русской истории. Т.1. М., 1987.

Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М., 1994.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СпбГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№16), 1992.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004.

Колесова Д.В. Концепт и художественный текст // Материалы XXX межвузовской научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 17. Секция «Язык и ментальность» (романо-германский цикл), 1-17 марта 2001 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

Колядич Т.М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. М., 1998.

Копалинский В. Словарь символов / Пер. с пол. В.Н.Зорина. Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2002.

Короленко В.Г. Собр. соч.: В 24 т. Харьков, 1922. Т.1: Дневник (1881-1893)

Красных В.В. Строеие языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика: Материалы лингвистики. 11-14 сентября 2000г. В 2 ч. / Отв. ред. Н.Н.Болдырев. Тамбов, 2000. Ч.1. С. 53-55.

Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура: Материалы III Междунар. научн. конф. 16-18 мая 2001г. В 3 ч. / Отв. ред. Н.Н.Болдырев. Тамбов, 2001. Ч.1. С. 8-11

Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. СПб. – Lawrence (KS, USA). 1994. №2. С. 18-26.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в когнитивном познании мира / ИЯ РАН. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). Известия РАН. Серия литература и язык. 1997. Т. 56. №2. С. 22-31.

- Куварова Е.К.* Концептуализация прилагательного русский в художественной картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр.: Вып. 4 / Сост. отв. ред. Т.В. Симашко. – М.; Архангельск, 2009. С. 376-380.
- Кузьмичев И.С.* [Вступ. заметка] / Казаков Ю. «Зачем же я здесь?»: Путевой беломорский дневник 1958 г. // Звезда. 1995. №12.
- Курицын В.* Событие Бахтина // Октябрь, 1996. №2.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика / Под ред. В.А.Звегинцева. М., 1981.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Лассан Э.* Облака и обрывы русской культуры (О локусах культуры как реализации пространственных координат сознания) // Respectus philologicus, №11 (16), 2007. – Vilniaus universiteto Kauto humanitarinis facultetas. – С.29-42.
- Литературные манифесты романтиков. М., 1980.
- Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение.-СПб., 1999.
- Лихачев Д.С.* Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Лошаков А.Г.* Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: Дис. ...докт. филол. н. / 10.02.01 – русский язык. М., 2008.
- Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. М., 1999.
- Малафеев А.Ю.* Семантическое переосмысление лексических единиц в текстовом пространстве поэтического творчества Д.Самойлова (когнитивный аспект): Дис... канд. филол. наук (10.02.01- русский язык). – Нижний Новгород, 2008.
- Марков А.П.* Аксиологические и антропологические ресурсы национально-

- культурной идентичности: Автореф. докт. дис. – СПб., 2000.
- Маслова В.* Введение в когнитивную лингвистику. Минск, 2005.
- Мельничук О.А.* Композиционные средства выявления авторского сознания в художественных произведениях с повествованием от 1-го лица // Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. №4.
- Милевская Т.Е.* Лингвистическое своеобразие мемуарной литературы // Проблемы изучения русского языка и литературы: Сб. науч. статей. СПб., 1999.
- Милевская Т.Е.* Мемуары начала и конца XX века: Сходство и различие: Материалы XXIX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2000а. Вып.12: Стилистика художественной речи: Динамика стилей русской литературы XXвека.
- Милевская Т.Е.* Отношение автор-читатель в тексте мемуаров (К вопросу о расширении понятия автокоммуникации) // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика: Межвуз. сб. Вып. III. СПб., 2000б.
- Мильцин В.Н.* Национальный менталитет и языковая личность //
- Минский М.* Фреймы для представления знаний // Психология машинного зрения. М.: Энергия, 1979.
- Никитин М.В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983.
- Павеленис Р.И.* Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Наука, 1983.
- Павловская Н.Ю.* Модальность достоверности: Лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // Когнитивная семантика: Материалы Второй междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике: В 2 ч. Ч.1 / Отв. ред. Н.Н.Болдырев. Тамбов, 2000.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.

Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография. Симферополь, 2006.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Пигров К. Дневник: Общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации: Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб., 1998.

Полищук В.И. Культурология. М.: Гардарики, 1998.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.

Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста. СПб., 2000.

Радзиевская Т.В. Инструктивный потенциал комментария: Художественные и мемуарные тексты // Принципы изучения художественного текста: Тезисы вторых саратовских стилистических чтений. Саратов, 1992а.

Радзиевская Т.В. Текст как результат безадресной стратегии // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992б.

Ревзина О.Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Междунар. конф. М., 1999. С. 301-316.

Ревзина О.Г. Поэтика семантического признака // О.Г.Ревзина. Бессмертная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009.

Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А.Серебрянников, Е.С.Кубрякова, В.И. Пустовалова и др. М., 1988.

Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М, 1989.

- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989.
- Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М., 1997.
- Руднев В.П.* Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Руднев Е.Н.* Концептуальное поле «Дом» в романе А.И.Эртеля «Гарденины»: Дис... канд. филол. наук (спец-ть 10.02.01 – русск. яз.), Липецк, 2009.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. М., 1980.
- Руссо Ж.-Ж.* Исповедь – прогулки одинокого мечтателя / Пер. с франц. М. Розанова и Ф. Горбатова. М., 1949.
- Слышкин Г.Г.* Концептологический анализ институционального дискурса // Филология и культура: Материалы III Междунар. научной конференции. 16-18 мая 2001г. / Отв. ред. Н.Н.Болдырев: В 3 ч. Тамбов, 2001. Ч.1. С. 34-36.
- Солганик Г.Я.* О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Е.И.Диброва.-М., 1999.
- Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988.
- Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. Сер. *Studia philologica*. Изд.: Языки славянской культуры, 2005.
- Стернин И.А., Розенфельд М.Я.* Слово и образ: Монография / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: Истоки, 2008.
- Сулименко Н.Е.* Лексическая экспликация внутри- и внетекстового адресата // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. / Отв. ред. В.Д.Черняк. СПб., 2001.
- Теория метафоры: Сб. статей, М., 1990.
- Трипольская Т.А.* Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис... докт. филол. наук. СПб., 1999.

- Трубачев О.Н.* В поисках единства. М., 2005.
- Филиппов К.А.* Лингвистика текста: Курс лекций. СПб., 2003.
- Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф.: В 3ч.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. М., 1996
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем./ Под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2000.
- Хартунг Ю., Брейдо Е.* Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1996. № 3. С.61-76.
- Чавчанидзе Д.Л.* Автобиографический жанр в творчестве Гете //Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1983. Т.42. №1
- Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Текст: Аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: Сб. статей. М., 2001.
- Чернейко Л.О.* Субъективное время и способы его выражения в художественном тексте // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова: Вопросы русского языкознания. Вып. VIII / Под ред. М.Л.Ремневой и Е.В.Клобукова. М., 2000.
- Чернявская В.Е.* Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Коммуникации в экономике: Сб. научн. ст. СПб., 2003. С. 23-42.
- Чудинов А.П.* Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1.
- Шафф А.* Введение в семантику. М., 1963.
- Шейнина Е.Я.* Энциклопедия символов. М.: Харьков, 2003.
- Шрейдер Н.С.* Специфика автобиографизма в романе Б.Констана «Адольф» // Проблемы взаимодействия прозаических жанров: Зарубежная литература. Днепропетровск, 1971.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Fiske J. Television culture. London, 1987.

Greimas A.J. Semantique structurale. Recherche de methode. Paris, 1966.

Greimas A.J. Structurale semantic. Methodologische Untersuchungen. Braunschweig, 1971.

Harris Z. Discourse Analysis. M., 1952. V.28. №1.

Holl S. Encoding, Decoding in the Television Discourse // Culture, Media. Language / Ed. by S. Hall, D.Hobson, P. Lowe. London, 1980.

Словари

Англо-русский словарь. М., 1996.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 1998.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995: Т.2.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1980. – Т. IV.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова / Под ред. В.В.Морковкина. – 2-е изд., испр. 2002.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000

слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т.1 От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. М., 2002.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т.2 От реакции к символу: Ок. 100000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. М., 2002.

Словарь иностранных слов. Изд. 18-е. М., 1989.

Словарь русского языка / под ред. А.П.Евгеньевой: В 4 т. – М., 1984. – Т. IV.

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С.Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. Т.4: Д. – 1993. – С. 525-529.

Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1978.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т.1 / Под ред. проф. Д.Ушакова. М.: 1996.

Фасмер И. Этимологический словарь русского языка. М., 1970.

Энциклопедический словарь. М.: Аванта +, 1998.

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Человек и время	
1.1. Мемуары. Исповедь. Исповедальная проза.....	4
- А. Зиновьев. Исповедь отщепенца	
- Л. Дуров. Грешные записки	
1.2. Дискурс. Гипертекст. Сверхтекст.....	26
1.3. Языковая личность в художественно-публицистическом дискурсе.....	36
Глава II Художественно-публицистический дискурс современной творческой интеллигенции	57
2.1. О.Павлов.....	57
2.1.1. Аксиологема 'казенный' в художественном и публицистическом творчестве О.Павлова («Казенный дом», «Бывшие люди», «Казенная сказка», «Степная книга»).....	57
2.1.2. «Степная книга». Повествовательная форма. Стилль. Жанр. Система и специфика текстовых категорий.....	84
2.2. В. Шаламов «Колымские тетради». Индивидуально-авторская образная система. Аксиологические и идеологические смыслы. Время и пространство как этическая категория.....	104
2.3. Соловки: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт?.....	139
2.4. Концепт Интеллигент / Интеллигенция в исповедальной прозе....	183
2.4.1. Словарная репрезентация концепта.....	183
2.4.2. Языковая личность Д.С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента	191
2.5. Концептуализация и языковая объективация признака	

‘русский’ в художественно-публицистическом дискурсе творческой интеллигенции	210
Глава III Русская языковая личность, ее типологические варианты, лингвистический механизм интерпретации. Психотип – языковая личность. Динамика и константы.....	219
Источники.....	233
Библиографический список.....	235
Словари.....	245

Научное издание
Романова Татьяна Владимировна
Человек и время: Язык. Дискурс. Языковая личность

Печатается в авторской редакции

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано к печати

Формат

Печ. л.

Заказ

Тираж

Цена договорная

Типография НГЛУ им. Н.А.Добролюбова

603155 Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-а